

В. Ф. Олешко

ЗАЛОЖНИКИ ГЛАСНОСТИ

**Молодежная печать второй половины 80-х годов:
характер изменений, тенденции развития, противоречия**

**Екатеринбург
1992**

ОЛЕШКО В. Ф.

Заложники гласности? . . / Молодежная печать второй половины 80-х годов: характер изменений, тенденции развития, противоречия. Свердловск: МИПП „РАФИС”, 1991 год.

В монографии рассматриваются характерные изменения и основные тенденции развития, противоречия молодежной печати второй половины 80-х годов. При этом описание их делается как на примере региональной, так и всесоюзной прессы. Также ставится и анализируется ряд новых исследовательских проблем, связанных с психологической перестройкой аудитории молодежных СМИ и самих журналистов.

Рецензенты: кандидат филологических наук Б. Н. ЛОЗОВСКИЙ, редакция Свердловской областной молодежной газеты „На смену!”.

**© МИПП „РАФИС”
Екатеринбург, 1992.**

*Памяти друга Сергея Шахова,
ждавшего перемен,
но не дожившего до них.*

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Молодежную печать второй половины восьмидесятых годов смело можно назвать разведчиком будущего. Даже на фоне динамики развития и качественного изменения других средств массовой информации страны, определенных меняющимися потребностями, новыми целями и задачами общества, молодежные газеты нередко были в роли первооткрывателей. Назовем только пересмотр ряда незыблемых ранее идеологических догм, в основе которых лежало убеждение в возможности выстроить новую общественную формацию по какой-то схеме. Или расширение тематического диапазона газет, анализ проблем, замалчивавшихся в обществе показного благополучия, каким рисовали его средства массовой информации в застойный период. Первыми пришлось столкнуться журналистам газет и с реалиями практической деятельности в новых политических и экономических условиях функционирования прессы, когда дарованная партийными „жураторами” и издателями свобода от мелочной опеки обернулась на деле сотней нерешенных проблем различного свойства, ставящих в повестку дня даже вопрос о том, смогут ли вообще в отдельных регионах выходить молодежные газеты.

Исследуя причины того, что же привело наше общество в состояние глубокого кризиса и вызвало необходимость глобального обновления и радикального переустройства социально-экономического и идеологического бытия, публицисты, литераторы, а нередко и ученые-обществоведы в минувшем пятилетии ограничивались порой рассмотрением лишь отдельных явлений и событий из истории нашей страны. Значительно реже делались попытки выявить общие закономерности этого процесса. Но лишь в последнем случае исследователи находили подтверждение тому, что главным источником негативных явлений было утопическое сознание, владевшее умами людей, формировавших партию и возглавивших ее после революции, их фанатическая уверенность в правильности догм, сколько бы доказательств обратно-го не приносила действительность.

Наше общество было обществом тотальной идеологизации всех сторон жизни, при которой каждое слово (в том числе, конечно, и газетное), каждый поступок измерялись по шкале не практической пользы или даже здравого смысла, а „идейной чистоты”. Общество, в котором идеология главенствовала над политикой, растворила в себе науку и искусство, поглотила мораль, опутала сферу экономики, было похоже на тяжело больного человека, потерявшего способность реально понимать и оценивать собственное состояние.

В связи с этим, говоря о современных тенденциях развития журналистики в целом и молодежной печати в частности, мы не можем не учитывать то обстоятельство, что от этих утопических идей, конечно же, нельзя было освободить общественное сознание в один момент. Важно отметить и то, что негативные явления, присутствующие всему обществу, были взаимосвязаны с совершенно реальными формами их проявления в средствах массовой информации.

Коренной целью обновления является наиболее полное выявление и разрешение накопившихся социальных противоречий. В этой связи особую актуальность приобретает и анализ причин резкого обострения в 80-е годы противоречий в молодежной среде, широкого распространения различных негативных явлений. В числе этих причин следует прежде всего назвать отсутствие условий и возможностей для реализации потенциала молодежи. Главными характерными признаками общества доперестроечного времени были: тоталитарный контроль идеологией всех сфер общественного сознания и деятельности, развитие противоречивых тенденций в сфере труда и негативных процессов в социальной сфере, углублявшийся год от года процесс отчуждения молодежи от культурных, многих духовных ценностей и другие. Административно-бюрократическая система не была заинтересована и в том, чтобы молодежь приближалась к власти, чему способствовали так называемый номенклатурный, а также социально-демографический принципы подбора руководящих кадров, выдвижения кандидатов в депутаты и т. д.

Внимание молодежной прессы, всех средств массовой информации (здесь и далее сокращенно СМИ—В. О.) к молодежи как социальной группе общества обусловлено рядом объективных факторов: молодежь составляет значительную часть населения страны; молодежь — самая образованная часть населения; перестройка выдвинула на первый план задачи, часть которых, в силу их новизны, нестандартности, особых требований, предъявляемых к человеку, по силам решить только молодежи. Проблемы сегодняшней молодежи должны решаться и с учетом того, что через молодые поколения общество воспроизводит себя биологически и социально.

Обращение к современной практике деятельности молодежной печати как к предмету научного рассмотрения также закономерно. На наш взгляд, исследованиям печати не изучен в полной мере феномен быстрого возрастания роли именно молодежной прессы страны, особенно отдельных ее регионов, — в ускорении общедемократических процессов. С одной стороны, ее возрастающее значение на этапе перестройки напрямую обусловлено повышением роли молодежи в жизни общества, а с другой — тем, что утверждение политики гласности с особой остротой поставило проблему обеспечения информационной свободы, в том числе — свободы журналистской деятельности. В условиях, когда еще не был принят Закон СССР „О печати и других средствах массовой информации”, а демократические процессы в комсомоле протекали быстрее и противоречивее, чем в партии, органы комсомольско-молодежной печати сделали более решительные шаги к переходу от гласности и информирования с „разрешенным” уровнем к свободе слова в понимании данного журналистского коллектива.

Процесс этот характерен далеко не для каждой молодежной газеты страны, не для каждого региона¹, что диктует настоятельную необходимость теоретического исследования основных тенденций развития тех молодежных газет, которые особенно наглядно проявили себя в качестве организующего центра и принципиально выразителя точки зрения молодежи, ее дум и чаяний, союзника различных групп молодежи.

Для второй половины 80-х годов характерен процесс дифференциации молодежи прежде всего по социальным и политическим позициям. Молодежная печать также все чаще уходила от нормативных оценок явлений, событий, фактов и т. д., воплощая в практической деятельности плюралистический подход, личностное отношение авторов. Естественно, это привело и к изменению принципов деятельности молодежной печати, ее функций. Что предполагает, на наш взгляд, рассмотрение тенденций развития молодежной печати во взаимосвязи с общими факторами перестройки, с явлениями, характерными в целом для анализируемого периода.

*1 Здесь и далее см. примечания в конце книги.

Необходимо отметить, что многие работы по проблемам молодежной печати, написанные в семидесятые — начале восьмидесятых годов, в большей степени были не свободны от тех недостатков, что характеризуют в целом литературу по общественным наукам того периода. Им присущи абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества, стремление формировать застывший образ социалистических общественных отношений, схематичное изображение социальной структуры общества и, как следствие, — весьма односторонний подход к аудитории лишь как к объекту целенаправленной пропагандистской деятельности молодежных СМИ. Роль самих средств массовой информации нередко сужалась до некоего „инструмента” взаимодействия издателя с массами.

Уникальность нынешнего периода, переживаемого обществом, и в том, что изменились сами взаимоотношения СМИ и аудитории: они являются не только субъектно-объектными, как было чаще всего раньше. Широкая гласность, стремление к демократичности и независимости как принципы деятельности СМИ предопределили ответный отклик. И уже сама аудитория все чаще становилась субъектом взаимоотношений со средствами массовой информации. Вместе с тем определяющее значение фактора изменений психологии молодежной аудитории, условий функционирования СМИ требует и дифференциации этой аудитории, прежде всего, по типу потребления массовой информации и отношению к ней.

Рост социальной значимости СМИ делает весьма насущной потребность рассмотрения системы взаимоотношений молодежной прессы с издателями и учредителями. И здесь недостаточным было бы лишь зафиксировать существо и направленность этих взаимоотношений, ограничиться суммированием тех или иных фактов. Необходимы анализ динамики развития процессов, определение направляющих, взаимосвязанных с общедемократическими тенденциями.

Потребности журналистской практики определяют также необходимость изучения информационно-коммуникативной природы СМИ, поскольку они являются не только сильными средствами прямого влияния на социальную практику, но и средствами концептуально-целостной политической социализации аудитории, молодого поколения в особенности. Проблема выбора наиболее эффективных способов журналистской деятельности предопределена высокой общественной и политической активностью, разнообразием социальных связей молодежи.

Преломление в молодежной печати неординарных экономических, социальных, политических процессов, происходящих в стране, — одна из примечательных характеристик современного развития СМИ. Для ВЛКСМ, как, впрочем, и для других общественных организаций, молодежных объединений и т. д., архиважен (в контексте собственного политического самоопределения и для стратегической социальной ориентации молодежи) тот диалог, который ведется ими с массовым читателем через печать. Однако, как свидетельствуют социологи, молодежным СМИ далеко не всегда удается учитывать информационные, социокультурные потребности и интересы своей аудитории, а также полно и адекватно выражать мнения всех без исключения ее групп. Не устраивает многих опрошенных и то, что зачастую местная информация проигрывает всеобщую по многим важным параметрам: она более аморфна, неопределенна, менее доказательна и эмоциональна.

Таким образом, существует насущная социальная потребность в повышении уровня эффективности журналистской деятельности. От молодежной печати требуется в связи с этим и поиск неординарных подходов к читателю, что предполагает, в частности, активное применение в практической деятельности новых форм организационно-массовой работы редакций. Недостаточная освоенность журналистами-практиками этих в значительной степени результативных форм и методов работы также указывает на актуальность предпринятого исследования, предлагаемого читателю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭФФЕКТ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Молодежная газета и ее аудитория: пути взаимовлияния

§ 1. Состояние молодежной прессы к середине 80-х годов

Внимание к молодежи как социальной группе обусловлено прежде всего тем, что она составляет значительную часть населения страны. По состоянию на 1 января 1988 года из 131,3 млн. рабочих, служащих и колхозников, занятых в народном хозяйстве, 30% составила молодежь в возрасте до 30 лет. Около половины научной и научно-технической интеллигенции — люди моложе 30 лет¹. Молодежь и самая образованная часть населения. Например, „рабочие-интеллигенты”, то есть лица, имеющие высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, составляют 32% общей численности молодых рабочих, в то время как в составе всего рабочего класса их 8,7%. Причем, образовательный уровень общества быстро растет именно за счет молодежи².

Перестройка выдвинула на первый план задачи, часть которых, в силу их новизны, нестандартности, особых требований, предъявляемых к человеку, по силам решить только молодежи³. В числе их, например, можно назвать компьютеризацию, создание новых и новейших технологий и систем управления, составляющих основные факторы интенсификации экономики и другие.

Мы не случайно остановились именно на этом круге проблем. В теории, практике и общественном сознании все большее место занимает формирование нового мышления, связанного с осознанием и поиском пути решения глобальных общепланетарных проблем. Но это затрагивает и некоторые фундаментальные вопросы нашего общественного развития. В частности, такие, как технологическая, или — в иной терминологии — компьютерная и информационная революция со всеми их достижениями, противоречиями и проблемами. По мнению некоторых экспертов, мы отстали в этой области во всемирном соревновании, вероятно, не менее чем на 15 лет. И сейчас нужны чрезвычайные усилия и энергичные реформы для ускорения нашего прогресса⁴.

На проблемы сегодняшней молодежи необходимо смотреть с позиций будущего. Ей жить и работать в обновленном мире, но прежде предстоит совместно со старшими поколениями его построить. И этот завтрашний мир во многом будет таким, каким молодежь его видит сегодня.

На наш взгляд, одной из главных причин резкого обострения в восьмидесятые годы социальных противоречий в молодежной среде, широкого распространения различных негативных явлений было отсутствие условий и возможностей для реализации потенциала молодежи. Прежде всего в ситуации, когда научно-техническая революция открыла новые перспективы экономического и социального прогресса. Попытавшись систематизировать литературу о молодежи, издававшуюся до 1985 года, мы установили, к примеру, тот факт, что главной темой многих популяр-

ных книг было обоснование мифа о нашей молодежи как привилегированном классе. Авторы словно бы уговаривали читателя и друг друга: у нас нет проблем с молодежью, она верна идеалам отцов, конфликта поколений нет и быть не может. На обоснование этой идеи была направлена и энергия многих обществоведов. В специальной же литературе тех лет о молодежи⁵ разговор чаще всего велся о социально-демографических, психологических и т. п. особенностях той или иной группы. Анализировались и негативные явления и факты, но в итоге так или иначе обосновывалась их негипотичность, назывались „реальные“ пути преодоления трудностей.

Рассмотрение конфликта между „хорошим и еще более лучшим“ в молодежной среде, можно сказать, было санкционировано свыше. В известном постановлении ЦК КПСС „О дальнейшем улучшении (выделено мной—В. О.) идеологической, политико-воспитательной работы“ (1979 г.), например, отмечалось, что „значительно более живой, конкретной и убедительной должна стать идейно-воспитательная работа с молодежью. . .“⁶. Вместе с тем, проблемы социализации молодого поколения приобрели уже в 70-е годы особую актуальность. Процесс освоения личностью предшествующего социального опыта и воспроизводства новых форм социальной жизни заключал в себе все более обострявшиеся противоречия.

На этапе перестройки резко усилились самосознание молодежи как активного субъекта социального творчества, ее тяга к самореализации. Для того, чтобы достаточно полно проанализировать этот процесс, необходимо вначале охарактеризовать положение молодежи в обществе накануне 1985 года, назвать и систематизировать наиболее острые проблемы, стоявшие в тот период перед ней. В специальной литературе, на наш взгляд, этот вопрос освещен не в полной мере, а без анализа ситуации, сложившейся тогда в молодежной среде, сегодня трудно выявить основные тенденции развития тех или иных явлений, делать обобщения, позволяющие своевременно прогнозировать развитие событий, принимать принципиальные, радикальные решения и т. п. Существенно и то, что многие из этих проблем были во многом репродуцированы в различной форме в молодежной печати того времени.

Главным характерным признаком общества доперестроечного времени был, как мы уже отмечали выше, тоталитарный контроль идеологией всех сфер общественного сознания и деятельности. И хотя осознание неестественности сложившегося положения было в молодежной среде чаще всего интуитивным, а формы протеста — стихийными и не явно выраженными, но именно люди этого возраста в большинстве своем первыми попытались хоть как-то противостоять машине, которую мы сейчас называем административно-бюрократической системой.

Примечательны размышления молодого писателя Юрия Полякова, у которого, по его выражению, из 33 лет жизни „двадцать точечкохно укладывается в эпоху застоя“: „Это в моем поколении появились бичи с высшим философским образованием и своим собственным, никому не нужным взглядом на мирозданье. Это в моем поколении появились воины-интернационалисты, которые сегодня вынуждены оправдываться, что недаром проливали кровь на чужой земле, хотя оправдываться должны не они, а те, кто их посылал. Это в моем поколении появились рабочие парни, проникающиеся чувством пролетарской солидарности только в очередях за водкой. Это в моем поколении начался исход творческой молодежи в дворники и сторожа. Это в моем поколении явились миру инженеры-шабашники, которые, перекуривая на кирпичках возле недостроенной фермы, спорили о вполне реалистических, но совершенно нереальных тогда планах перестройки экономики. . .“⁷.

Развитие десятилетиями экономики страны экстенсивным путем, явное торможение ее к началу 80-х годов приняли к противоречивым тенденциям в сфере труда. В условиях, когда, например, в промышленности нередко прямо-таки самоцелью был „вал“, в капитальном строительстве царил долгострой, когда просто-напросто разбазаривались природные ресурсы в обществе, а прежде всего, среди молодежи, разрасталась иждивенческие настроения, стал падать престиж добросовестного и качественного труда, в сознании стала укореняться психология „уравниловки“.

По данным НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, полученным в 1986 году, каждый десятый молодой рабочий не справлялся с плановыми заданиями, каждый пятый выпускал продукцию низкого качества, допускал брак, не соблюдал элементарный режим экономии, каждый третий нарушал трудовую дисциплину⁸.

Негативные процессы серьезно затронули социальную сферу. Во главу угла был поставлен так называемый остаточный принцип выделения средств на развитие социально-культурной сферы, то есть в нее направлялось столько, сколько оставалось от дел чисто производственных. Наиболее серьезно это отразилось на положении молодежи. По данным социологов, молодежь в восьмидесятые годы оказалась явно в дискриминационном положении. Средняя зарплата молодого работника была 120–140 рублей, у выпускника вуза зачастую даже меньше. Среднегодовой доход студента, получающего стипендию, — ниже 500 рублей. В очереди на жилье в стране — около 4 миллионов молодых семей и 1,5 миллиона — на получение мест в детские дошкольные учреждения. Лишь 10 процентов рабочей молодежи имели отдельную квартиру, две трети из них в возрасте до 27 лет жили в общежитиях или снимали жилье. Все это крайне обострило проблему молодой семьи.росло число разводов. Большинство молодежи ориентировалось на однодетную семью, и лишь 5 процентов — на трехдетную, которая обеспечивает прирост населения⁹.

Реальностью на рубеже 70–80-х годов стал все углубляющийся год от года процесс отчуждения молодежи от культурных и многих духовных ценностей. В своем стремлении самореализоваться она находила поле деятельности далеко не всегда со знаком „плюс“. Приведем две цифры, открытые для печати лишь недавно и во многом характеризующие криминальную статистику. Удельный вес лиц в возрасте 14–19 лет в числе преступников в 1987 году составил ровно 50 процентов. Каждый третий спекулянт, валютчик и вымогатель — был молодой человек¹⁰.

Зарубежные социологи и психологи, изучавшие импульсивные проявления внешне вроде бы беспричинной ярости, насилия, разрушительных эмоций, в целом криминогенное поведение в молодежной среде, склонны говорить об импульсах высвобождения деструктивной энергии, которая, долгое время не находя выхода, накапливается и неожиданно выплескивается наружу. К сожалению, импульсивные формы социального поведения на самом низком уровне стали характерны и для нашей страны. Тот же „казанский феномен“ — явление, над которым надо было задуматься не только и не столько милиции, психологам, сколько идеологам. Ведь корень зла — в неприкаянности молодежи, в отсутствии организованных форм жизни, помогающих направить энергию молодых в нужное русло. В ответ на то, что общественная деятельность зачастую носит лишь характер ритуала, спорт и музыка направлены на воспитание особо одаренных, школа напоминает казарму — молодежь создает свою полупреступную субкультуру. Типичное заподнение вакуума.

Если говорить о сфере политики, то прежде всего необходимо отметить: административно-бюрократическая система не заинтересована в том, чтобы молодежь приближалась к власти. Подбор кадров на руководящие должности осуществлялся не по деловым, профессиональным и т. д. качествам, а по так называемому номенклатурному принципу. Выборы делегатов на конференции, съезды общественных организаций также были регламентированы многочисленными социально-демографическими рамками, что в итоге могло на практике воплощаться в устранение любого „неудобного“ по той или иной причине претендента.

Комсомол же в застойные годы чаще всего исправно выполнял подчиненную роль „подручного“, „помощника“, „резервом“ партии и т. п. А широко насаждавшаяся идея о воспитании у молодежи высокой сознательности подразумевала ни что иное, как способность не действовать вопреки предписаниям и указаниям „сверху“.

В ситуации, когда не было продуманной государственной молодежной политики, когда многое, если не все в этой сфере, было как бы поручено комсомолу, а значит, самой молодежи, негативные тенденции лишь обострялись год от года.

Наиболее уродливыми формами проявления этого процесса были широко распространенные в молодежной среде алкоголизм, наркомания, проституция. Нарастали настроения апатии, пессимизма, сомнения. Так, результаты уже упоминавшегося исследования НИЦ ВКШ ЦК ВЛКСМ, свидетельствуют: менее 40% молодежи были уверены на первом этапе перестройки в том, что наша страна сможет достичь уровня производительности труда развитых капиталистических стран. Только каждый пятый считал, что нам удастся в ближайшие годы существенно повысить уровень жизни населения. Около 50% опрошенных из числа трудовой молодежи и 60% студентов видели преимущества социализма лишь в бесплатном образовании и отсутствии безработицы, отдавая предпочтение капитализму в области экономики, в решении социально-бытовых проблем, в развитии личных качеств и инициативы людей¹¹.

В застойные годы подобные мнения старались держать при себе. Но о том, что в умах молодых людей тогда было далеко не идейное единство, широко декларировавшееся в брежневской пропаганде, свидетельствует хотя бы такой факт. На переломном этапе перестройки возникла насущная необходимость в идеологии, адекватно отражающей происшедшие в советском обществе революционные перемены. И тут же „был развернут весь арсенал известных миру идеологических систем — от анархизма до монархизма. Оторопь брала при виде того, с какой быстротой в нашей, казалось бы, стерильной идеологической атмосфере, которая полвека свирепо ограждалась от любых „чуждых“ веяний, вдруг спонтанно, в готовом виде (со своими программами и уставами) возникли сотни группировок, проповедующих что угодно, вплоть до расистских и неофашистских взглядов (вот расплата за мнимое „идейное“ единство)“¹².

Необходимо сделать существенную оговорку, что мы выделили в основном негативные тенденции, характерные накануне перестройки для молодежи как социальной группы. И, конечно же, далеко не все. Но, думается, даже они достаточно убедительно доказывают тезис о том, что молодежные проблемы неотделимы от проблем всего общества. Молодежь же — словно увеличительное стекло, через которое можно детально рассмотреть многие сегодняшние беды, а может быть, благодаря этому даже прогнозировать то, как будет складываться и день завтрашний у общества. И решать эти проблемы можно лишь на основе действенной политики.

Журналистика — одно из важнейших социальных явлений. Не вызывает сомнений тезис о постоянно возрастающей роли средств массовой информации в жизни советского общества. Связано это, с одной стороны, — с ростом образования, культуры, общественной активности, развитием общедемократических тенденций в обществе и т. д., а с другой — с научно-техническим прогрессом и, как следствие, с созданием необходимых объективных условий для широкого развития на новой технической основе самих средств массовой информации.

С апреля 1985 года средства массовой информации постоянно находились в центре внимания общества. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто, что „средства информации призваны глубоко анализировать события и явления, поднимать серьезные проблемы и предлагать пути их решения, убеждать своей содержательностью, оперативностью, информационной насыщенностью“¹³. Но уже на XXVII съезде партии в Политическом докладе ЦК КПСС отмечалось: „... можно ли сказать, что наши средства информации и пропаганды в полной мере реализуют свои возможности? Пока нет. Немало еще серости, не преодолена инертность, не излечена глухота к новому. Люди испытывают неудовлетворенность недостаточной оперативностью в освещении событий, поверхностным показом борьбы за то передовое, что входит в практику“¹⁴.

Проведенный нами сравнительный анализ вышеизложенных задач с теми, что ставились перед средствами массовой информации в постановлениях ЦК КПСС в семидесятые — начале восьмидесятых годов¹⁵, убеждает: неоднократно уже звучали

призывы к глубине анализа событий и явлений, актуализации проблематики, повышению оперативности, улучшению формы подачи материалов и т. д. После апреля 1985 года необходимо было найти ответ на главный вопрос — какими должны быть средства массовой информации, способные успешно решать поставленные задачи в новых общественно-политических условиях?

В данном контексте очень важно, нам кажется, рассмотреть роль молодежной прессы страны в общедемократических процессах. Исследователям еще предстоит в полной мере изучить феномен резкого повышения ее значимости на этапе перестройки. С одной стороны, как нам кажется, этот процесс напрямую связан с повышением значимости молодежи в жизни общества, о чем мы говорили выше. А с другой — с тем, что утверждение политики гласности с особой остротой поставило проблему обеспечения информационной свободы, в том числе — свободы журналистской деятельности. В условиях, когда еще не был принят Закон „О печати и других средствах массовой информации“, а демократические процессы в комсомоле протекали быстрее, чем в партии или, допустим, в профсоюзах, других организациях, органы комсомольской печати имели возможность делать более смелые и решительные шаги к переходу от гласности и информирования с „разрешенным“ уровнем к свободе слова.

Закономерен вопрос: на основе чего, на какой базе, в соответствии с какими внутренними законами развития совершался этот переход? Что послужило предпосылкой для развития известных современных тенденций молодежной печати в целом и молодежной печати региона Урала в частности?

Как известно, результативность выступлений средств массовой информации во многом определяется актуальностью содержания. В объективно сложившейся ситуации, когда значительно возросла потребность людей в социальной информации, эффективность практически любого печатного выступления во многом стала зависеть от степени удовлетворения этой потребности в актуальном по содержанию сообщении, от умения учесть интересы и запросы читателя. Отметим, что ставшая общей в середине 80-х годов для многих комсомольских печатных органов тенденция — быть прежде всего выразителем точки зрения молодежи, ее дум и чаяний, стремление быть союзником различных групп молодежи, проявлялась и в конце семидесятых годов. Даже в годы, которые позднее назвали застойными, журналисты молодежных газет и их издатели не могли не учитывать, что, не добившись доверия у своей основной аудитории, невозможно рассчитывать даже на минимальную результативность взаимодействия с читателем.

Примечательно, что в середине двадцатых годов „Комсомольская правда“ задумывалась и была создана как газета руководящая и одновременно массовая. Те же функции возлагались и на другие молодежные газеты. Но в период культа личности Сталина, когда на практике была воплощена догматическая формула: печать — приводной ремень партии в процессе руководства обществом, на первый план вышли задачи молодежной газеты как своеобразного „дикуляра“ для комсомольских активистов. Личность самого журналиста в этих условиях претерпевала определенные деформации. Бюрократический аппарат десятилетиями пытался воспитать в нем „маленького человека“, послушного чиновника, бесхребетного писаксу, а не политического борца, выразителя интересов широких масс населения.

Для второй половины 80-х годов характерен процесс дифференциации молодежи прежде всего по социальным и политическим позициям. Молодежная печать также все чаще уходила от нормативных оценок явлений, событий, фактов и т. д., воплощая в практической деятельности плюралистический подход, личностное отношение авторов. Естественно, это привело и к изменению принципов деятельности молодежной печати, ее функций (прежде всего к изменению содержания работы журналистов, их целевых установок и т. д.).

На наш взгляд, в данном случае уместным и, подчеркнем, необходимым будет рассмотрение тенденций развития молодежной печати во взаимосвязи с общими

факторами перестройки, с явлениями, характерными в целом для второй половины 80-х годов.

Разворачивающийся сейчас процесс обновления начался в форме „революции сверху“. После XIX Всесоюзной партийной конференции, где была заявлена политическая программа перестройки, события стали развиваться стремительно. Хотя, необходимо отметить тот факт, что более позднее подключение масс к активной политической деятельности было в какой-то мере компенсировано средствами массовой информации. Они играли на начальном этапе перестройки едва ли не решающую роль, отражая (иногда в завуалированной форме) сталкивающиеся и взаимодействующие в обществе интересы, складывающиеся на данный момент соотношение социальных сил. По отношению к молодежным средствам массовой информации существенно и то, что они заполнили своеобразный вакуум, образовавшийся после 1985 года в сфере научного осмысления изменений, происходящих в молодежной среде.

Стремление молодежных газет к демократичности и независимости было вызвано прежде всего широким объединением разнородных социальных сил в борьбе со старыми, отжившими отношениями. Система молодежных средств массовой информации, сложившаяся в условиях гипертрофии функций государства, не отвечала насущным требованиям времени. Нарастание кризисных явлений в молодежной журналистике неоднократно фиксировалось в социологических исследованиях¹⁶. Как свидетельствовала практика, целые социальные группы молодежи были свободны от систематического взаимодействия с молодежными изданиями¹⁷.

Изменения молодежной прессы (во взаимоотношениях с издателем, позднее — учредителем, новое содержание, новая форма и т. д.) были неразрывно связаны с общим процессом обновления, подготовлены им. Систематизируем некоторые из этих существенных факторов влияния.

В сфере политики — это, прежде всего, реальная передача власти Советам, формирование устойчивой, подлинно демократической культуры прав человека в обществе. А также попытка перехода от представительной демократии (власть от имени народа) — к прямой демократии (власть народа): развитие стачечного движения, формирование Советов альтернативными силами, первый опыт проведения региональных и местных референдумов по различным вопросам и т. д. Как следствие — появление новых политических сил, чаще всего имеющих возможность формировать общественное мнение не только через официальные, но и через свои собственные печатные органы. Поэтому стремление молодежных газет быть по-настоящему демократичными, независимыми изданиями — не просто дань моде, а единственная реальная возможность сохранить завоеванный авторитет, сохранить своего читателя.

Далее. В процессе нашего законодательства подход к нему с позиций „право для общества и человека“ начал заметно теснить некогда традиционный подход „право для политической власти“, подчинявший общество „государственным интересам“¹⁸. Но главное, что отличало процесс обновления законодательства — это появление в нем таких источников права, которые „говорят о правах“; имеется в виду принятие законов об индивидуальной трудовой деятельности, о собственности, основ законодательства о земле, об аренде, законов о порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан, о гражданстве, о свободе совести и религиозных организациях, о печати и других средствах массовой информации и других.

Юридически оформленная свобода членов гражданского общества в преломлении изменившихся в годы перестройки задач, функций и целей молодежной печати дает возможность нам выделить и такую тенденцию: молодежная газета отныне не только пишет о молодежи и, прежде всего, для молодежи, но и становится газетой молодежи.

Комсомол вступил в перестройку, оставаясь монополистом на молодежные средства массовой информации. Обкомы ВЛКСМ, чьими органами являлись молодежные газеты, а конкретно — аппаратные работники, чаще всего не только диктовали политику, которую должна была „проводить” их газета, но и единовластно формировали коллектив, отрицая саму возможность существования какого-либо „инакомыслящего” журналиста. Во второй половине 80-х годов, еще до принятия Закона СССР „О печати и других средствах массовой информации”, большинство молодежных газет стали органами не обкомов ВЛКСМ, а областных комсомольских организаций. И хотя это было лишь своеобразным переходным этапом к настоящему демократичному процессу учредительства молодежных изданий, но позволило уйти от прямого диктата аппаратных работников как в творческом, так и в организационном плане. В дальнейшем именно молодежная печать поставила вопрос о праве своих читателей на потребление оперативной, объективной, полной и т. п. информации, а не только о Законе о печати как праве журналистов получать эту информацию.

Получив возможность быть соучредителями или даже учредителями своих газет, трудовые коллективы редакций нередко выступали оппонентами областных комитетов ВЛКСМ, политическая позиция которых была зачастую неопределенной. Вместе с тем комитеты комсомола осознавали, что в ситуации, когда циркуляры и указующие инструкции уже не способны сохранить молодежный союз, единственным средством его спасения остается печать. И потому упорство, с которым комитеты комсомола борются за создание новых средств массовой информации и против попыток „увести” у них имеющиеся издания, понятно и объяснимо. Кто же захочет терять свой голос, да еще в тот момент, когда другие организации и движения его обретают?

Молодежная печать в большей степени, чем другая, является выражением самодетельных инициатив. К примеру, функциональная самодеятельность, являющаяся следствием освобождения от идеологической зашоренности прошлого, предполагает право выбора идей, в том числе и касающихся наиболее рациональной организации экономической деятельности редакций. Методологическая самодеятельность включает различного рода структурные изменения во внутриредакционной организации, изменение самой системы выдвижения кадров на руководящие должности и т. п. И, наконец, информационно-содержательная самодеятельность — это ни что иное, как воплощение на практике принципиально иной концепции деятельности молодежной газеты: преобладание информационной функции над аналитической.

Перестройка наметила ориентиры движения к правовому государству или, иначе говоря, — к установлению гармонии между правами личности и властью государства. Однако данная власть — „это не власть обезличенной, сбитой с толку, негодующей и направо и налево толпы, которой (от имени и по поручению всех, конечно!) кто-то уже завладел. Избавившись от одной политической цензуры, одного идеологического гнета, у журналистов нет никакого желания попадать под другие... Только одну зависимость, одну несвободу мы приветствуем — это зависимость от нашего читателя, его интересов и пожеланий”²⁰.

И практика показала, что характерная для молодежной печати в большей степени, чем, к примеру, партийной, советской, профсоюзной, тенденция более активного привлечения различных групп аудитории к производству массовой информации является, по сути, воплощением принципа суверенитета личности, уважения законных прав человека. На наш взгляд, эта тенденция была связана прежде всего с тем, что молодежная печать постепенно брала на себя роль своеобразного средства социального оппонирования от лица своей аудитории.

Однако в данном случае нельзя обойтись без общей характеристики аудитории молодежной печати, без анализа положения, сложившегося к 1985 году²¹.

Проблемная ситуация здесь заключалась, во-первых, в противоречии между знаниями, ценностями, нормами поведения (т. е. моделями социальной действитель-

ности), задаваемыми молодежи средствами массовой информации, с одной стороны, и моделями социальной действительности, реально принятыми в различных группах молодежи, — с другой стороны.

Во-вторых, в результате исследований было установлено, что реальная дифференциация молодежной аудитории происходит не по социально-классовым, демографическим, профессиональным и т. п. признакам, а по социально-политическим, социально-психологическим и собственно массово-коммуникативным параметрам. Естественно, это привело и к изменению самой печати. То есть тезис о том, что в принципе каждый социальный субъект имеет право на свои собственные СМИ в том смысле, что они отражают именно его взгляды и убеждения, имел под собой совершенно реальную основу. Плюрализм мнений, отражение различных точек зрения СМИ в годы перестройки нашли совершенно реальное воплощение на практике.

И, наконец, в-третьих, важным выводом, характеризующим аудиторию молодежных СМИ, был тот, что процесс тотальной идеологизации всех сфер общественной жизни в так называемые застойные годы привел к искажению и представления о ценностях и нормах, которые становятся мотивами ее поведения и определяют отношение к окружающей действительности. Средства массовой информации в эти годы не столько формировали у молодежи личностное отношение, сколько поддерживали уже сложившиеся в обществе и широко декларируемые представления об этих ценностях и нормах — то есть нормативное отношение²².

Исследователи печати называют и ряд других основополагающих тенденций развития молодежной периодики. Например, переход от комсомольских печатных органов с информацией узко комсомольского значения — к системе дифференцированных по тематике и читательской аудитории изданий современного облика; изменение форм и методов привлечения к сотрудничеству новых авторов и так далее²³. Но мы остановились лишь на тенденциях, которые были присущи молодежной печати не постоянно, а в большей степени характерны для второй половины 80-х годов, имели основу для развития сегодня.

§ 2. Психологическая перестройка аудитории и журналистов как условия изменений молодежной журналистики

Серьезный журналист всегда готовит к печати материал в расчете на достижение какой-то цели. Не в том ли секрет мастерства публицистов Анатолия Аграновского, Татьяны Тэсс, Василия Пескова, завоевавших признание в годы, которые мы сегодня называем застойными, что они писали для конкретного, своего читателя, а не для читателя, выступающего лишь в роли объекта идеологической деятельности?

Уникальность нынешнего периода, переживаемого обществом, в том, что после 1985 года изменились и сами взаимоотношения СМИ и аудитории: они являются не только субъектно-объектными, как было, чаще всего, раньше. Широкая гласность, стремление к демократичности и независимости как принципы деятельности СМИ предопределили ответный отклик. И уже сама аудитория все чаще становилась субъектом взаимоотношений со средствами массовой информации. В большей степени это связано с психологической перестройкой, которую мы определяем как изменение внутреннего мира человека, его ориентации и мотивации поведения, формирование умонастроения, выражающего не только и не столько познавательную процедуру освобождения от догм и иллюзий застойного времени и выработку новых идей и представлений о действительности, а прежде всего готовность к действию, включенность в практику по обновлению нашего общества¹.

Для нас важно это определение, так как, отталкиваясь от него, мы сможем в системе показать и изменения, происшедшие в годы перестройки во взаимоотношении СМИ с молодежью.

На наш взгляд, в специальной литературе, рассматривающей проблемы функционирования молодежной печати, до сих пор не дан ответ на вопрос, интересующий практиков: за счет чего в различные периоды перестройки совершался переход к новому качеству прессы. Как мы выяснили в результате устного опроса журналистов свердловской областной молодежной газеты „На смену!“, пермской и оренбургской молодежных газет „Молодая гвардия“ и „Комсомольское племя“², первостепенное значение для журналистской практики имеют знания и представления о тенденциях взаимовлияния, о стремлении к взаиморазвитию молодежной печати и ее аудитории. Это суждение, в той или иной формулировке, высказали свыше 60% всех опрошенных.

Тезис о том, что переориентация общественного сознания, психологическая перестройка, формирование нового мышления являются предпосылкой и обязательным условием общественного процесса перестройки вообще, не вызывал сомнения ни в теории журналистики, ни в практике деятельности СМИ уже на начальном этапе преобразований советского общества. Однако до сих пор нередко под изменениями сознания подразумевают замену одних представлений — догматичных, консервативных, изживших себя, другими — новыми, прогрессивными, революционными идеями и представлениями. Резонен вопрос: почему же тогда столь трудным, внутренне противоречивым оказался для общества именно переход от „критики словом“ — к „критике делом“, реальному обновлению всей жизни? Ведь еще в отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что и после апреля 1985 года „острота жизненных противоречий нередко игнорировалась, отсутствовал реализм в оценке действительного положения дел в экономике, социальной области, да и в других сферах. Наслоения прошлого не остаются без следа. Они дают себя знать, проявляясь в сознании людей, их действиях и поведении“².

Психологическая перестройка, иначе говоря, — качественное преобразование духовного мира людей, формирование глубоко личного восприятия новых требований, выдвинутых новой социальной практикой, осознанное положительное отношение к ним, охватывает как индивидуальное, групповое, так и общественное сознание.³ И неправомерно относить выражение „психологическая перестройка“

лишь к индивидуальному сознанию и тем самым сужать ее содержание. Психологическая, или по-иному скажем, — „теоретическая” перестройка — тесно связана с „практической”, то есть реальным воплощением в делах и поступках новых представлений и взглядов, позиций, ценностных ориентаций человека. Более того — это две стороны единого позитивного по характеру процесса.

Мы уже отмечали, что сопоставление результатов социологических опросов, проведенных исследователями Москвы, Минска, Ленинграда, результаты, полученные нами, показывают, что в 1980—1988 годах в целом повысилась интенсивность потребления массовой информации в молодежной аудитории. Но, на наш взгляд, если в журналистской деятельности учитывать только количественные характеристики этой аудитории, не принимая во внимание процесс интериоризации социальной информации, то в значительной степени будут неточны прогнозы, которые все чаще делаются в редакциях молодежных газет на основе эмпирического изучения своих читателей. Так, редакционной коллегией газеты „На смену!” на основе анкетирования, а также опроса комсомольского актива, участников совещания молодых работников-новаторов, сельских тружеников и т. д. нередко делалась корректировка деятельности отделов. В какой-то мере подобные эмпирические методы полезны для редакционного коллектива, прежде всего, как один из каналов обратной связи. Но абсолютизировать эти результаты, далеко не безупречные с точки зрения репрезентативности, конечно же, не следует.

Если воспроизвести все то, что мы относим к понятию „психологическая перестройка” с учетом общей характеристики аудитории молодежных СМИ, то становится ясно, что традиционный подход в теории и практике журналистики к дифференциации этой аудитории не совсем правомерен. Деление реальной или потенциальной аудитории производится, в основном, по социально-демографическим признакам, реже учитываются состояние регионально-эмоциональной сферы сознания аудитории, ее социально-психологические характеристики. Определяющее значение фактора психологической перестройки молодежной аудитории, изменение условий функционирования СМИ, на наш взгляд, действительно требуют и дифференциации аудитории прежде всего по типу потребления массовой информации и отношению к ней.

Как известно, различные по уровню включенности в сферу влияния СМИ группы отличаются своими социальными и идеологическими позициями. И здесь принципиально важным является вопрос о том, что в исследовании аудитории взято за эмпирический индикатор влияния СМИ. Мы считаем, что весьма перспективное направление избрано белорусскими социологами, которые в качестве такого индикатора, используемого в исследовании, выбрали уровень согласия аудитории с мнением газет, радио, телевидения, а также доверие им как источникам информации.

Молодежная аудитория при таком подходе условно делится на две группы. В первую входят те, кто разделяет „образ” СМИ как трибуны общественного мнения, чаще и систематически потребляет их сообщения, принимает газетных „героев” и отвергает „антигероев”, удовлетворен результатами обращения в СМИ и т. д. Назовем тех, кто входит в эту группу, — „согласные” (термин О. Т. Манаева-В. О.). Отнесенные нами ко второй группе — прежде всего обнаруживают позиции, отличающиеся от тех, что „внедряются” СМИ. „Несогласные” — хуже учатся, испытывают неудовлетворенность учебной, морально-психологическим климатом рабочего и других коллективов, они обнаруживают, в целом, более низкую социальную адаптированность.

Казалось бы, прежде всего на первый план выходит забота о повышении эффективности влияния СМИ на тех, кто входит во вторую группу. Однако исследования позволяют установить, что по целому ряду параметров „несогласная” молодежь характеризуется высоким уровнем активности и самосознания. Представители этой группы значительно чаще являются лидерами неформального общения молодежи, потребляют массовую информацию из других источников (видео, зарубежное радио, телевидение и т. п.), обращаются с письмами в редакции, дают гораздо более опре-

деленные (по сравнению с группой „согласных“) ответы на вопросы о возмо. самореализации, полнее и адекватнее оценивают проблемы молодежной . контркультуры, а самое главное — обнаруживают меньшее расхождение реалы социально-нормативной реакции (имеется в виду своеобразное „двоемыслие“).

„Пожалуй, можно сказать, что они демонстрируют большую морально-психол. ческую готовность к перестройке советского общества, чем „согласные“. Что же сается их социальной адаптивности, то они, в отличие от „согласных“, чаще в. го не адаптированы не к социальной жизни, как таковой, а к тем ее формам, кот. рые оказывались приоритетными в период застоя“⁴.

В исследовании коллег вместе с тем, на наш взгляд, остается открытым такой во. прос: как влияние интенсивности и характера потребления продукции СМИ отдель. ным представителем аудитории на формирование его мироощущения, мироотноше. ния. О том, что и эти показатели существенно значимы, свидетельствуют результа. ты эксперимента, проведенного автором данного исследования⁵. Разделив его уча. стников на три группы: а) тех, кто, по собственному признанию, „систематически и . практически, от „жорки до корки“ читает газету „Комсомольская правда“; б) кто чи. тает эту газету „систематически, но лишь отдельные материалы“; в) и, наконец, тех, кто читает ее „от случая к случаю“, — мы затем предложили всем одновременно по специально составленному вопроснику оценить две наиболее заметных, на наш взгляд, публикации этой газеты за минувший месяц. В итоге выяснилось, что, во. первых, лишь 31% из числа опрошенных респондентов систематически читали . газету; во-вторых, из их числа 92% респондентов читали лишь „отдельные“ материа. лы; в-третьих, предложенный нами тест на „усваиваемость текста“ показал, что лишь около 1,8% от общего числа участников эксперимента смогли дать ответы, по. казывающие, что значимые по теме, ее разработке публикации запомнились им.

Таким образом, нам кажется, что деление аудитории молодежных СМИ лишь по таким группообразующим признакам, как согласие или несогласие с мнением СМИ, доверие или недоверие им, без учета других, может в отдельных случаях дать иска. женный результат.

В условиях развития процессов демократизации во всех сферах общественной жизни, расширяющейся гласности, повышения творческой активности людей изме. няется и роль молодежных СМИ. Будучи информационно-коммуникативными по своей природе, они, как мы уже отмечали, являются не только сильными средства. ми прямого влияния на социальную практику, но и средствами концептуально-це. лостной политической социализации аудитории, которую можно определить, как процесс овладения минимумом политической культуры и последующее включение молодого человека в политические отношения общества.

В середине 80-х годов наше общество столкнулось с таким социальным явлением как молодежные объединения⁶. В связи с их недостаточной изученностью у иссле. дователей сразу же возникло немало вопросов: являются ли такие молодежные объединения политическими? влияют ли „неформалы“ на мировоззрение молодых людей? представляют ли альтернативу традиционным молодежным структурам и т. д.? Но перед исследователями молодежной печати в связи с этим с настоящей. ной необходимостью встал вопрос о том, что при систематическом изучении влияния молодежных СМИ на различные группы аудитории необходимо выделять из них и конкретные социально-психологические типы аудитории, поскольку традиционная дифференциация по социально-демографическим признакам и даже по типу потребления массовой информации, а также отношению к ней, не позволяют полу. чить полностью соответствующие сложившейся практике данные.

И здесь нам кажется не совсем правомерной методика белорусских социологов: выделение ими социально-психологических типов аудитории СМИ производится лишь после того, как молодые люди отнесены к группе „согласных“ или „несоглас. ных“. Следует учитывать, что массовое сознание молодых людей сегодня находится в своеобразном „пограничном“ состоянии, при котором их надежды первых лет пе-

перестройки на быстрое и качественное улучшение своего положения в обществе нередко сменяются разочарованием, пессимизмом, социальной апатией. Выделение лишь в группе „согласных”, как это делают белорусские социологи, таких социально-психологических типов аудитории как „адепты”, „деофиты”, „диники”, а в группе „несогласных” — „драгматики” и различного рода асоциальные группы, самостоятельные молодежные движения и объединения политического характера, — неточно, так как динамика социальных процессов, практика функционирования молодежных СМИ последних лет дают основания к дифференциации этих и других социально-психологических типов аудитории вне зависимости от отношения к массовой информации.

В случае, когда изучение редакциями молодежных газет своей аудитории ограничено лишь рамками привычных характеристик по социально-демографическим признакам, сведения о реальной аудитории бывают не совсем точны. А они выполняют важнейшие функции в ходе творческого процесса: прежде всего формируют цель журналистского произведения и выбор средств для ее максимального достижения.

Социологические исследования аудитории подтверждают, что нередко молодежные СМИ как бы убеждают убежденных. Получается это потому, что знания, ценности, нормы, которые отражены в моделях социальной действительности, предлагаемых молодежи СМИ, принимаются в первую очередь теми группами аудитории, которые в той или иной мере их уже разделяют. Остальные же, не находя в них близкие для себя модели, оказываются значительно меньше включенными в сферу влияния СМИ и активно ищут близкие себе модели в содержании других источников информации. Не в этом ли, в частности, заключен феномен стремительно растущей популярности так называемой альтернативной печати, а также видеокультуры в молодежной среде?

Следует учитывать, что в процессе демократизации общества, который, в частности, выражается в развитии плюрализма мнений, „социальная эффективность” СМИ, их влияние не могут оцениваться только с точки зрения того, в какой мере аудитория принимает предлагаемые ими модели социальной действительности. Особенно в ситуации, когда большая часть СМИ издается органами политической и государственной власти. Если подходить к массовой коммуникации как к своего рода „нервной системе” демократического, открытого общества, то наличие несогласной, точнее говоря, „разногласной” аудитории отнюдь не говорит о ее дисфункциональности. Скорее наоборот, этим характеризуется степень свободы в обществе, его возможность постоянно развиваться и совершенствоваться”⁷.

Важным фактором взаимодействия с молодежью является и психологическая перестройка самих журналистов. Вопрос этот заслуживает специального рассмотрения. В 70–80-е годы наряду с анализом социально-психологических особенностей аудитории исследователи обратились к изучению и психологических особенностей процесса журналистского творчества, отображения журналистом действительности. Эта тема представлена в работах Р. Г. Бухарцева, Л. Э. Варустина, В. М. Горохова, В. И. Здорогеи, Е. П. Прохорова, В. А. Шандры, М. С. Черепанова и других теоретиков печати, журналистов-практиков. Однако два обстоятельства диктуют, на наш взгляд, необходимость продолжения исследований в данном направлении. Во-первых, ранее не выделялся специально круг вопросов, связанных с психологическими особенностями деятельности журналистов молодежной печати; во-вторых, изменения, происходящие в нашем обществе, новый журналистский опыт конечно же требуют постоянного дополнения, уточнения и развития теории журналистики.

Действенное участие средств массовой информации в идеологическом и организационном обеспечении перестройки было невозможно без существенного улучшения работы самих периодических изданий, радио, телевидения, повышения профессионального мастерства, компетентности и ответственности журналистских кад-

ров. Это важно уже потому, что профессиональное становление многих из них проходило в условиях тотальной идеологизации всех сфер общественной жизни.

Для журналистов формирование нового мышления, способствующего положительной самооценке и обеспечивающего самопродвижение в своем развитии, означает прежде всего отказ от целого ряда догматических взглядов и представлений о социализме, формирование установок на полное овладение диалектическим методом познания и преобразования мира, воплощение ее на практике — прежде всего в своем творчестве. Исследователи⁸ рассматривают два уровня профессионального самосовершенствования журналистов. Первый из них связан с осознанием сегодняшних статусных потребностей и способностей, которые возникают и развиваются благодаря положению, занимаемому человеком в обществе, а также с формированием образа требуемых потребностей и способностей. Второй связан с формированием индивидуального творческого метода, а значит, с ростом профессионального самосознания, или, как еще говорят, диалога личности со своим опытом (как прежним, так и вновь формирующимся). Первый уровень в большей степени связан с процессом расширения гласности и демократии, второй — с ломкой профессиональных штампов, отказом от „наследия“ застойных лет, овладением новым опытом и выходом на новый уровень мастерства.

Выделим наиболее важные черты, характерные для нового мышления. Но прежде сделаем два терминологических уточнения. Во-первых, под диалектическим мышлением мы понимаем прежде всего мышление творческое, процесс поисков и открытия нового. Во-вторых, „творчество и творческий процесс — есть наша сущность, наша жизненность. Перекрыть этот процесс значит вызвать болезнь как на уровне отдельного индивида, так и на уровне культуры в целом“⁹.

Анализировать процесс психологической перестройки журналистов, не учитывая данные факторы, сегодня просто невозможно. Иначе не будут ясны причины, способствовавшие относительно быстрой переориентации сознания, появлению новых установок. Осмысление такого явления застойных лет как ограничения, накладывавшиеся на творчество, позволит найти ответ и на вопрос о причинах возникновения негативных явлений в журналистской среде (диапазон их достаточно широк: от творческого и бытового конформизма — до пьянства и наркомании). „Когда накладываются ограничения на нашу творчество, мы заболеваем, становимся напряженными, тупеем. Часто люди начинают прибегать к наркотикам и алкоголю, чтобы прорваться к своей творческой сквозь ограничения и построенные запреты с тем, чтобы войти в измененное состояние сознания. Мы любим наши „высокие“ состояния, но... наркотики и алкоголь становятся тем способом, которым мы входим в соприкосновение с нашей творчество, но при этом разрушаем себя“¹⁰.

На наш взгляд, в практике функционирования молодежных СМИ творческий аспект нередко тесно взаимосвязан с организационным. Так, во время опроса журналистов семи молодежных газет уральского региона мы пытались, к примеру, найти ответ на такой вопрос: насколько типичным в семидесятые — начале восьмидесятых годов было увольнение журналиста из редакции по причинам не творческого характера? К сожалению, подобная статистика никогда не велась. Невозможно было что-то уточнить и по книгам приказов, поскольку обычная формулировка „по собственному желанию“ в одинаковой степени скрывает за собой как увольнение по взаимной договоренности способного, но своенравного журналиста, так и личную трагедию молодого алкоголика. Тем не менее, „старожилы“ и бывшие работники молодежных газет, опрошенные нами, указали, что в среднем около 70% работников увольнялись тогда в связи с переходом на другое место работы (как правило, в областные партийные и вечерние газеты), около 15% — в связи с поступлением на учебу и семейными обстоятельствами, около 5% — в связи с тем, что, как отметил один из респондентов, „иначе были бы уволены по статье КЗОТ“; еще 10% сотрудников — по причинам личной творческой неудовлетворенности.

Эти цифры можно сопоставить с результатами опроса сегодняшних сотрудников молодежных газет Урала. Из 113 журналистов на вопрос: „В молодежных газетах чаще, чем в других, происходит смена кадров. Чем вы объясните такую ситуацию?“ 46% указали в той или иной формулировке — „так как она — своего рода стартовый трамплин в журналистике“. Около 30% назвали „материальную и бытовую неудовлетворенность“, 10% — „отсутствие какой бы то ни было перспективы“, 8% — „полную незащищенность журналистов „молодежки“, остальные не стали отвечать на этот вопрос.

Итак, в каких существенных чертах проявляется сегодня новизна мышления журналистов молодежных газет? Прежде всего следует назвать утверждение реалистического, делового, активного стиля мышления. Безусловно, присуща она, как впрочем и другие существенные черты, в которых проявляется новизна мышления, не только сознанию представителей данной профессии. Но журналист, как никто другой, взаимосвязан в своей повседневной деятельности с процессами, происходящими в обществе. В силу этой специфики есть все основания говорить о высокой мобильности журналистского мышления, подвижности умственной ориентировки пишущего.

Утверждение реалистического стиля мышления не означает только отказ от догматичных представлений прежних лет. В большей степени предполагается проникновение в глубь, в суть политических событий, явлений, осмысление происходящих в обществе изменений, выработка соответствующих понятий, категорий, концепций. Именно в молодежной журналистике, к примеру, впервые со всей остротой был поставлен, а затем концептуально разработан вопрос о том, что кризис, с которым столкнулась страна в 70-е годы и который обострился до предела в начале 80-х, носил не только экономический и политический, но и психологический характер. И журналисты со всей основательностью исследовали в своих работах такие психологические феномены, как апатия, цинизм, разочарование в духовных ценностях и т. д. Деловой, активный стиль мышления находит реальное воплощение и в новых подходах к освещению в молодежной печати экономической темы. И здесь речь идет не только и не столько о развенчивании господствовавшего экстенсивного пути развития экономики страны, утверждении новых методов хозяйствования, системы соответствующих целей и приоритетов, а прежде всего о переориентации сознания.

Новому мышлению присущ в большей степени и критичный и самокритичный характер. Как известно, наряду с новым политическим и экономическим мышлением набирает силу и такой его вид, как социальное (социологическое) мышление. Суть его сводится прежде всего к осознанию места и роли социальной сферы в жизни общества и ее актуальных проблем в условиях перестройки. Процесс переосмысления жизнедеятельности людей, изменений, происходящих в сфере, связанной с удовлетворением их материальных и духовных потребностей, находит воплощение и в публикациях газет на темы здравоохранения, по проблемам образования, жизненного благосостояния, быта и т. д. Появление таких рубрик, как „Портрет социального явления“, „Изучаем явление“ свидетельствует в большей степени о их критично-аналитичном, нежели о критично-информативном подходе, о чем ниже будет особый разговор.

Назовем и такую черту, как возрастание „действенности“ мышления (термин А. К. Уледова), то есть доведение выдвинутых новых идей и взглядов до их реализации на практике. Главенствовавший в прежние годы принцип „воплощения“ редакционными коллективами идей, спущенных с „вершины“ идеологической пирамиды, все чаще заменяется подходом на реализацию отдельно выраженных субъектами идей, взглядов, точек зрения. Главный критерий проверки их истинности — практика перестройки. И здесь необходимо подчеркнуть, что эта характерная черта нового мышления тесно переплетена с той, что мы называли ранее — утверждением реалистического, активного стиля мышления.

Обратимся к результатам опроса журналистов. В нашей анкете был такой вопрос: „Журналисты молодежной газеты, готовя к печати тот или иной материал, разрабатывая определенную тему, ставят вполне конкретные цели и задачи. Что, на ваш взгляд, наиболее часто мешает их достижению?“. Более 40% ответивших назвали такую причину, как „недостаточная квалификация“. Для сравнения скажем, что такую причину, как „давление со стороны руководящих органов“, указали около 10% респондентов, на „нехватку информации, отсутствие достоверных источников“ сослались 7% ответивших и т. п.

Мышление, как известно, есть, прежде всего, способность рассуждать, делать на основе исходных посылок умозаключение. Для журналиста очень важно не ограничиваться лишь пределами информации. В этой связи принципиально важное значение имеет преодоление различного рода „помех“, „препятствий“, так или иначе влияющих на конечный результат журналистской деятельности. Характерно признание известного журналиста, ведущего популярной телепередачи „До и после полуночи“ Владимира Молчанова: „С моей точки зрения, я свободен лишь на 10–15%. Ибо я выходец из брежневской школы журналистики — у меня цензор в крови, в сердце, в почках, — и это очень трудно очистить“¹¹. Несколько иной характер „препятствий“ выделил другой известный мастер Ярослав Голованов: „Мне кажется, многие наши журналисты, когда пишут, думают не о читателе, а о редакторе. Смотрят на написанное его глазами. Но и редактор не думает о читателе. Он читает глазами тех, кто ему может потом позвонить и причинить разные неприятности...“¹².

Показательно, что, отвечая в 1989 году на вопрос нашей анкеты о том, почему иногда у них не реализуется стремление писать материал на определенную тему, журналисты чаще почти в два раза называли причину „внутренней цензуры“ по сравнению с ограничениями Обллита. Осознание подобного рода „помех“, стремление к их преодолению также характерны для нового мышления.

Определенные трудности в практической журналистской деятельности связаны с преодолением своеобразного феномена двоемыслия, порожденного эпохой, когда одной из главных примет был разрыв между официальными и неофициальными отношениями. В профессиональной журналистской среде это нередко находило проявление при оценке коллегами тех или иных публикаций, подготовленных товарищами по коллективу.

Мы проанализировали книгу стенографических записей еженедельных „летучек“ редакции газеты „На смену!“ за несколько последних лет. Выявили некоторые закономерности. К примеру, в плане сравнения по этим записям характера проводимых регулярно как в застойные годы, так и сегодня своеобразных редакционных творческих совещаний по итогам недельной работы. Так мы выяснили, что в 1982 году примерно половина времени, отведенного рецензентам, уходила на пересказ содержания наиболее заметных публикаций, около 25% — посвящалась размышлениям о том, чего не хватало газете на неделе, около 20% занимали различного рода отступления и лишь примерно 5% от общего времени использовалось на высказывание предложений конструктивного характера. Подобный анализ книги записей за 1988 год показал, что предложения, реальная проработка новых подходов к той или иной теме, проблеме занимали уже до 25% времени, отведенного на обзор. К сожалению, трудно практически осуществить подобный подсчет в ходе самого обсуждения, но семилетний практический опыт работы автора данного исследования в молодежной печати свидетельствует о том, что и при этом наблюдались аналогичные тенденции.

Сознание и чувство социальной ответственности — таким образом можно сформулировать одну из ключевых проблем психологии перестройки. Вопрос можно поставить так: насколько широк круг общественных отношений, за которые индивид чувствует себя лично ответственным, а также какова мера этой ответственности? Исследователи отмечают, что, как правило, человек чувствует себя ответственным толь-

ко за те процессы и действия, в которых он принимает более или менее активное участие и имеет возможность выбора¹³. То есть, с одной стороны можно говорить о преодолении „двоемыслия“ непосредственно в творчестве журналистов молодежных газет, а с другой – во взаимоотношениях с представителями официальных органов, партийных и комсомольских комитетов, редакторами, коллегами и т. д. Неразрывно связана эта характерная черта нового мышления и с общадемократическими процессами в обществе и, конечно, с теми, что происходят в самих творческих коллективах (выборы на альтернативной основе руководителей, уход от административных методов в руководстве коллективом и т. п.).

Мы попытались выделить лишь некоторые, наиболее существенные черты, характерные для нового мышления журналистов молодежных газет. Но, на наш взгляд, рассматривать их, не принимая во внимание психологические аспекты торможения социальных изменений в обществе¹⁴, неправомерно, ибо, в противном случае, в тени остаются причины, мешающие реализации полученного знания. Имеются в виду: пассивность и несформированность когнитивного плюрализма; неподготовленность руководящих кадров к работе в новых условиях; рост конфликтности в различных сферах общественной жизни; несоответствие некоторых нравственных образцов, выдвигаемых в ходе перестройки, уже сложившейся этической системе, что может привести к исключительно сильному сопротивлению; рост разнообразия мнений, представлений, суждений в обществе как следствие демократизации общественной жизни и системы управления; и другие.

§ 3. От субординации и конфронтации – к сотрудничеству: изменение характера управления молодежными периодическими изданиями

По мере развития перестройки становилось все более очевидным, что традиционные формы взаимоотношений с молодежной печатью не только не отвечают духу времени, но и ведут к возникновению острейших противоречий между издателями – обкомами ВЛКСМ и редакциями газет. Практически каждая из молодежных газет уральского региона за пятилетие, минувшее с апреля 1985 года, неоднократно подвергалась самым серьезным санкциям за публикацию материалов, по мнению работников аппарата, противоречащих декларируемой линии обкома комсомола.

Наиболее серьезный конфликт возник между Пермским обкомом ВЛКСМ и газетой „Молодая гвардия“. Начавшись с отстаивания конкретного права редактора и редакционной коллегии на принятие решения о судьбе подготовленных к печати материалов, отражающих плюрализм мнений в обществе по тому или иному вопросу, он затем разросся до обсуждения прежде не подвергавшегося сомнению постулата: а всегда ли компетентны комсомольские работники, зачастую считающие свое мнение истиной в последней инстанции, решать возникающие проблемы в условиях расширения гласности и демократии?¹.

Еще один пример. Редакционной коллегии и лично редактору еженедельника „Комсомолец Удмуртии“ на заседании бюро обкома ВЛКСМ, а затем и в постановлении от 13 февраля 1989 года в весьма ультимативной форме было указано на предвзятость, односторонний, поверхностный подход к описываемым в публикациях событиям, обращено внимание на необходимость „повышения персональной ответственности журналистов и авторов газеты за материалы, публикуемые на страницах органа обкома ВЛКСМ“. Почти дословно повторяют коллеге в своем постановлении от 20 марта этого же года члены бюро Башкирского обкома комсомола: „Газетой „Ленинцы–Ленинец“ опубликован ряд материалов, допускающих, вопреки позиции бюро обкома ВЛКСМ, односторонний (выделено мной – В. О.) подход в освещении вопросов общественной жизни...“.

Народный депутат СССР, редактор газеты „Красноярский комсомолец“ Людмила Батынская в 1989 году имела полное основание говорить о существовании пресловутой региональной идеологии. Уровень ее определяется зачастую одним человеком, идеологом местного партаппарата, его образованностью, складом характера, образом мышления, тем или иным личным вкусовым пристрастием, наконец... Любая уважающая себя газета в конце концов сносит барьеры запретов. Это происходит быстрее, если у газеты есть ясная, крепкая платформа. И коллектив, не раздраемый „гражданской войной“².

Подобный стиль взаимоотношений с издателем был характерен в период, который мы избрали для анализа, и для других молодежных газет региона Урала: „Молодого ленинца“ (Курган), „Комсомольского племени“ (Оренбург)³, „Комсомольца“ (Челябинск), „На смену!“⁴. И по их деятельности принимались не раз соответствующие постановления бюро обкомов ВЛКСМ. Проведя анализ, мы установили, что более половины из них (примерно 65%) касались конкретных газетных публикаций, примечательно, что лишь в трети этих постановлений поддерживали выступления своих органов печати. Более 20% – были посвящены анализу деятельности молодежных газет по выполнению постановлений вышестоящих комсомольских или партийных органов. И лишь около 11% – рассматривали работу газетчиков по таким направлениям, как, например, повышение результативности выступлений, работа с письмами, рациональное использование газетной площади и т. д.

Закономерно возникает вопрос об эффективности и правомерности как данных постановлений, так и других форм и методов „руководства“ комсомольской печатью в 80-е годы. К сожалению, именно этот аспект взаимоотношений издателя со своей газетой, а если быть точным – комсомольских или партийных функционеров с жур-

налистами, — чаще всего выпадал из поля зрения исследователей. Видимо, связано это, в первую очередь, с трудностью определения здесь каких-либо конкретных показателей.

Мы решили провести опрос не только журналистов всех семи молодежных газет уральского региона, но и комсомольских, а также партийных работников⁵.

Наиболее принципиальный аспект опроса представляет сопоставление ответов на одни и те же вопросы анкеты руководителей редакций молодежных газет, журналистов, представителей курирующих отделов обкомов ВЛКСМ и КПСС. Подобные результаты по уральскому региону получены впервые.

Первый блок вопросов касался непосредственно деловых взаимоотношений редакций газет с областными комитетами комсомола, а также с идеологическими делами обкомов партии.

Таблица 1

**Ответы на вопросы анкеты
(в % к общему числу опрошенных по группам)**

Вопросы и веер ответов, приведенных к единому основанию	Парт. раб.	Комс. раб.	Рук. газ.	Журн.
1. „Каких сторон работы редакции, по Вашему мнению, чаще всего касаются указания и рекомендации обкома ВЛКСМ?“				
а) „общих направлений деятельности“	67	50	22	3
б) „рассмотрение отдельных публикаций газеты“	22	43	17	9
в) „проведение каких-то оперативных кампаний“	11	7	61	88
2. „В какой форме осуществляет руководство вашей газетой сектор печати обкома КПСС?“				
а) „анализ содержания газеты и выдача общих указов“	100	20	11	2
б) „воспитание“ редактора и „провинившихся“ сотрудников“	—	47	67	31
в) „мгновенная реакция на публикации, которые не понравились лично завсектором или его непосредственным руководителям“	—	33	22	67

С чем можно связать тот факт, что журналисты-практики, комсомольские и партийные работники дали столь разительно отличающиеся оценки уровню своих взаимоотношений? Напомним, что исследование проводилось нами в 1989 году, когда эти взаимоотношения, как, впрочем, и между журналистами и читателями, были, чаще всего, строго субординированны. На наш взгляд, верное замечание сделал по этому поводу в то время исследователь молодежной печати Б. Н. Лозовский: „Одно из самых распространенных и одновременно искренних заблуждений заключается в том, что читатель комсомольского издания считается объектом воздействия. Стало быть, газета — средство, инструмент воспитания. В разных аранжировках эту идею разделяют еще значительная часть журналистов и практически все издатели (комитеты комсомола)“⁶. Относительно „значительной части журналистов“ можно было поспорить, потому что, согласно полученным нами результатам, как раз подавляющее большинство ответивших на анкету журналистов считали уже тогда основными отнюдь не воспитательные или, например, просветительские функции молодежной газеты. Более 80% из них были убеждены, что главная задача — совместное обсуждение с читателями важных проблем, представляющих общественный интерес. Хотя

идея печати как приводного ремня во взаимоотношении с массами достаточно прочно еще была утверждена в сознании многих функционеров. Можно предположить, например, что, отвечая на вопрос об „указаниях и рекомендациях” обкома, многие из этой группы респондентов не особо задумавшись, отметили, что они касаются „общих направлений . . . , общих задач”. Так должно было быть по их мнению.

Показательную картину являют и ответы на второй вопрос (см. таблицу 1). Заметим только, что намеренно прямолинейное употребление нами грамматической формы „осуществлять руководство” по отношению к газетам, являвшимся в период опроса органами обкомов ВЛКСМ, вызвало удивление лишь у единиц. Хотя в целом нетрудно было выделить негативную окраску многих ответов. В большей степени касалось это анкет, на которые отвечали журналисты.

Что же предлагалось как альтернатива? „Переход на политические принципы руководства — убеждение, аргументация позиции, мнения и оценок”; „необходимо ликвидировать сектор печати, дав большие права областной организации Союза журналистов и ее бюро”; „влияние должно быть только опосредованное — через коммунистов, работающих в редакции”; „наши газеты должны быть выведены из подчинения областных организаций, стать органами ЦК ВЛКСМ или РКСМ”; „законом должно быть оговорено недопущение прямого или скрытого вмешательства кого бы то ни было в творческий процесс выпуска газеты. Судить только по итогу работы. Строго наказывать в случае нарушения конституционных норм — пропаганды войны, насилия, порнографии и т. д.”.

Многие из ответивших на нашу анкету считают, что в период перестройки особо заметно стало преобладание „информирующей функции печати” над „аналитической, концептуальной”. Тенденция в целом уловлена верно. И не связана ли она с тем, что долгое время журналисты были не столько творческими аналитиками жизни, сколько добросовестными исполнителями указаний сверху. По мнению многих журналистов-практиков, и по сей день сохранились сложившиеся и оформившиеся еще в годы культа личности административные, а не творческие отношения редакции молодежной газеты с издателем и с обкомом партии, в свою очередь — журналиста с редактором и т. д. Показателен, к примеру, такой факт. На вопрос анкеты „В какой помощи со стороны партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов нуждается, на ваш взгляд, редакция газеты?” ответ большинства работников молодежной печати был единодушным — „журналист нуждается в социальной защищенности” (86% ответивших). И имелись в виду не только условия труда, быт, материальное обеспечение. Суть многих ответов, помимо этого, сводилась и к тому, что „журналист часто не защищен от нападок административно-бюрократического аппарата после критических выступлений” (51% опрошенных).

Действительно, никогда еще, наверное, в адрес прессы не раздавалось столько критики, сколько в середине 80-х годов. Она звучала на всех уровнях — от районного до всесоюзного; и с трибуны пленума райкома комсомола, и на XIX Всесоюзной партийной конференции, съездах народных депутатов . . . Чем объяснить это? Ведь и в самые застойные годы появлялись время от времени буквально зубодробительные статьи, и ораторы часто считали своим долгом ссылаться на них как жизненные примеры восстановления поправной справедливости. Ситуацию же, сложившуюся в первые годы перестройки, можно объяснить прежде всего тем, что публицистика, основываясь на конкретных фактах, все чаще стала подниматься до серьезных обобщений, доходить до сути многих негативных общественных явлений. И сразу — окрик. Административно-бюрократическая система, имевшая еще достаточно глубокие корни, подобного простить не могла.

Хотя, с другой стороны, и сами работники печати по причинам прежде всего психологического характера, о чем мы говорили выше, нередко сужали рамки собственных творческих возможностей. Весьма четко и образно сформулирована эта мысль в беседе известного ученого Я. Н. Засурского с корреспондентом

„Собеседника”: „Наша пресса, как мне кажется, пока еще на коротком поводке. Кстати, этот поводок она часто сама себе укорачивает. Мы любим ссылаться на слова Ленина, который говорил, что публицисты пишут историю современности. Но мы-то пишем историю наших руководящих указаний. А настоящую историю, динамику развития событий наша пресса не освещает. Традиция эта пришла к нам из 30-х годов. Именно тогда журналистика стала рупором. . .”⁷.

Перед проведением социологического исследования мы выдвинули следующую гипотезу: факт перехода многих молодежных газет на еженедельный выпуск номеров был связан, прежде всего, с неудовлетворенностью журналистов „неаналитичностью” своих газет. В ответах на анкету 48% журналистов и 65% руководителей газет отметили в разных формулировках, что подобная форма „дает возможность газете быть концептуальной” и лишь соответственно 12 и 8% ответивших указали, что „с утратой оперативности снизились пропагандистские возможности газеты”.

Мнение, что задача газеты „не сигнализировать, а диагностировать болезнь”, то есть быть более аналитичной, разделяет подавляющее число ответивших — 86%.

Не случайно, на наш взгляд, и то, что именно молодежные газеты страны первыми попытались приподнять занавес таинственности над такими **порками**, присущими, как выяснилось, не только капиталистическому обществу, как наркомания, проституция, организованная преступность. Думается, не правы те из представителей старшего поколения, кто объясняет появление подобных материалов лишь желанием журналистов „горячими” фактами завоевать признание читателей, стремлением всеми способами достигнуть роста тиража своего издания. Само время заставило каждый печатный орган, каждого пишущего сдать экзамен на „соответствие” требованиям гласности и перестройки.

Далеко не всегда удавалось молодежным газетам подняться над сенсационными фактами. Но те из материалов на экономическую, правовую темы, на темы нравственности, которые были серьезно аргументированы, нетривиальны по фактам и авторской концепции, конструктивны, как правило, имели широкий общественный резонанс. Примечательно, что все чаще подобные публикации в конечном итоге апеллировали не к высоким инстанциям или высокопоставленным чиновникам, а непосредственно к читателям, общественному сознанию.

Приведем такой пример. В начале 1988—1989 годов на страницах газеты „Ленин-сы-Ленинец” (Уфа) было опубликовано несколько материалов, отражающих позицию противников строительства Башкирского водохранилища. Убедительно, аргументированно доказывалось, что 430 миллионов рублей (сметная стоимость строительства) не будут окуплены даже к середине будущего века, что безвозвратно будет потеряно 3300 гектаров прекрасных пахотных земель, 1900 гектаров пастбищ и сеноскосов. . .

О действительности публикаций в привычном по практике прошлых лет понимании и речи идти не могло, потому что точка зрения молодежной газеты была кардинально противоположна той, что занимали Совет Министров республики — один из инициаторов строительства, обком КПСС и обком ВЛКСМ — издатель газеты. Другие, более „взрослые” газеты республики острую ситуацию со строительством, вызвавшую большой общественный резонанс в регионе, почти два года просто „замалчивали”. Вместе с тем, постановлением бюро Башкирского обкома ВЛКСМ от 20 марта 1989 года редактору газеты „Ленинсы-Ленинец”, а также заместителю редактора, ответственному секретарю были объявлены строгие взыскания „за серьезные недостатки в работе по руководству газетой. . .”. А вскоре редактор „самовольщик” вообще был освобожден под благовидным предлогом от этой должности. Напомним, что произошло это на четвертом году перестройки, а не в годы, которые принято называть застойными. Ситуация же дальше складывалась следующим образом. Экспертная комиссия Госкомприроды СССР выносит заключение: „. . .остановить строительство Башкирского водохранилища ввиду его экологической и экономической необоснованности”⁸. „Шлюзы” для публикации в газетах республики материалов, аргументирующих эту точку зрения ученых, открываются. . .

В нашей анкете был такой вопрос: „Удовлетворены ли вы тем, как руководители и должностные лица различных хозяйственных, государственных, общественных организаций относятся к газете и ее полномочным представителям?“. Ответ „полностью удовлетворен“ не дал ни один из респондентов групп партийных, комсомольских работников и руководителей газет. „В основном удовлетворены“ — 4% всех ответивших на анкету, „отчасти“ — 25%, „скорее не удовлетворены“ — 19%, „не удовлетворены“ — 49%. Заметим, что больше всех тех, кто был не удовлетворен сложившимися отношениями с руководителями и должностными лицами — в группе журналистов (62%). В открытой части ответившие указывали, почему: „так как воспринимают газету чаще всего лишь как некоего „сигнальщика“, а не как структуру в формировании общественного мнения“, „боязнь гласной критики, отсутствие четкой правовой основы взаимоотношений“, „так как до сих пор существует деление газет по ранжиру в зависимости от того, кто издатель. Это главная помеха действенности вообще“ и т. д.

Примечательны и ответы на вопрос: „Что, по вашему мнению, нужно сделать для того, чтобы достичь взаимопонимания между журналистами и должностными лицами?“. Партийными и комсомольскими работниками наиболее часто высказывались такие предложения: „подтверждать журналистские эмоции конкретными неопровержимыми фактами“, „добиваться корректности и объективности публикаций“, „не поддаваться влиянию конъюнктуры“, „быть компетентным по той проблеме, которую выносишь для обсуждения“ и т. д. Нетрудно заметить, что предлагается устранить противоречия, так сказать, субъективного характера. В то же время руководители редакций и журналисты в подавляющем большинстве (78% ответивших) видят решение проблемы в изменении юридических норм взаимоотношений прессы и государственных учреждений: „печать как выражение гласного общественного контроля“. Предлагалась и такая форма, как рассмотрение критических материалов газет непосредственно в коллективе критикуемой организации, а не в узком кругу руководителей, должностных лиц. Хотя некоторой части из ответивших, что тоже показательно, присуща непримиримость: около 7% респондентов были убеждены, что „достижение взаимопонимания с должностными лицами — есть отступление с завоеванных позиций демократизации всех сфер общественной жизни и гласности“.

„Любые дискуссии о развитии гласности останутся пустым звуком, — справедливо замечает публицист В. Синенко, — если острые выступления средств массовой информации не будут подкрепляться принятием конкретных мер к тем, кто пытается оградить себя от справедливых замечаний, уверовал в свою непогрешимость, идет в атаку на людей, посмеявшихся вынести „сор из избы“. Отношение к критике в прессе — серьезный показатель того, как идет перестройка“⁹.

На наш взгляд, одним из своеобразных катализаторов процессов, происходящих в сфере функционирования молодежной печати и о которых в какой-то мере можно судить по результатам, полученным в ходе нашего исследования, можно назвать противоречие между усиливающимся плюрализмом общественного мнения в молодежной среде и попытками аппаратных работников, отстаивающих прежний стиль работы, сохранить монополию на истину. Результаты опроса дают возможность говорить о кризисе доверия журналистов к издателю. 52% ответивших газетчиков поставили знак равенства между обкомом ВЛКСМ, чьим органом является газета (напомню, речь идет о времени, когда проводилось анкетирование — В. О.), и работниками его аппарата. Мы попросили анкетлируемых представить ситуацию, что на их публикацию пришло опровержение, и ответить на вопрос: „Будете ли вы уверены, что работники обкома ВЛКСМ объективно и скрупулезно разберутся в этой ситуации в случае обращения опровергателя непосредственно к ним?“. 73% журналистов, участвовавших в опросе, дали отрицательный ответ и лишь 4% — утвердительный. В группе руководителей газет эти цифры равны соответственно 50% и 43. Более того, 71% журналистов и 66% работников редактората не уверены были, что объективно и

скрупулезно проведет разбор опровержения на публикацию сектор печати или идеологический отдел обкома КПСС. Причем, точно так же считали и 43% комсомольских работников. Что же касается ситуации, когда опровергатель обращается к руководству редакции, то 71% ответивших журналистов, ровно половина комсомольских работников и все, кроме одного, партийные работники считали, что разбор будет объективным, скрупулезным.

Рассматривая тенденции развития молодежной печати, важно отметить, что некоторые общедемократические факторы деятельности газет „дозрели“ на какое-то время раньше, чем те, что были характерны для коммунистического союза молодежи в целом. Здесь мы условно выделили бы три периода. В первые годы перестройки молодежные газеты в основном осваивали новые тематические пласты, журналисты и их непосредственные руководители учились работать в условиях демократизации общественной жизни, гласности. Для второго этапа характерно возникновение острых противоречий между редакционными коллективами и аппаратом обкомов комсомола, о которых мы говорили выше. Во многом это было связано и с тем, что, как отмечал секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Пальцев, — „... в условиях, когда комитеты комсомола не имеют своей ясной политической программы и четкой позиции по вопросам текущего момента, комсомольская газета, оставаясь единственным молодежным изданием в своем регионе, стремится ориентироваться на запросы своих читателей, превращаясь все в большей степени в общемолодежное издание, в орган собственной редакции“¹⁰. И, наконец, третий этап — это этап строительства качественно новой системы взаимоотношений обкомов ВЛКСМ со своей молодежной газетой. Вторая половина 1989 года характеризуется прежде всего как время изменения статуса молодежных газет региона Урала. Областные отчетно-выборные комсомольские конференции принимают постановления об изменении статуса газет, выходивших как орган областного комитета ВЛКСМ, и утверждают их органами областных организаций ВЛКСМ.

Принципиально важным является и то, что редакционная коллегия и редактор газеты утверждаются по уставу отныне областной комсомольской конференцией. Конференция также заслушивает отчет о работе редакционной коллегии. Вопрос о назначении и об освобождении от должности редактора решают областная комсомольская конференция, а также пленумы обкома ВЛКСМ по требованию большинства первичных комсомольских организаций. В состав редколлегий, помимо журналистов, отныне, как правило, входят и некоторые члены обкомов комсомола. А в целом, при такой системе молодежная газета уже не может быть ни бессловесной „служанкою“ аппарата, ни выразительницей взглядов и точки зрения одной какой-либо группы.

Поскольку подобный процесс характерен далеко не для всех регионов страны, есть смысл проанализировать его более подробно. Тем более, что демократические преобразования в сфере взаимоотношений газеты и ее издателя, учредителя — одна из главных примет перестройки деятельности молодежной прессы страны.

Анализ результатов нашего исследования, материалов Всесоюзного совещания молодых журналистов, выступлений редакторов молодежных и детских газет и журналов страны на факультете повышения квалификации ВКШ при ЦК ВЛКСМ дает возможность говорить о том, что работники молодежной печати четко представляли и формулировали новые идеи, рожденные практикой перестройки, имели осознанное желание их реализовать. Но не было самого механизма реализации.

Изменение статуса молодежной газеты — не стремление вывести редактора из-под контроля, освободить от ответственности за те или иные публикации. Это, прежде всего, решение вопроса о „гласности“, личной ответственности редактора, редакционной коллегии в целом, изменение самой практики решения того или иного спорного вопроса старыми или аппаратными методами. Действительный демократический контроль общества над молодежной прессой в перспективе может

осуществляться и в форме общественных редакционных советов, наделенных консультативными, экспертными, совещательными полномочиями. О необходимости подобных „неформальных” структур неоднократно высказывались и сами журналисты-практики, и комсомольские работники.

По мнению опрошенных нами журналистов, это позволило бы „избежать дилетантского подхода в освещении сложных вопросов общественной жизни”, „стать молодежным газетам центрами изучения новых явлений в молодежной среде, проведения экспресс-опросов и т. п.”. Газета, на наш взгляд, должна не только писать о том, что волнует молодежь, но и иметь систему отбора, классификации и систематизации наиболее интересных идей, рожденных в молодежной среде. И затем, главное, газета должна выступить в роли посредника для воплощения в реальной практике тех идей, что оценены квалифицированными экспертами как заслуживающие внимания.

В явное противоречие с декларируемым принципом организационной самостоятельности комсомола уже в первые годы перестройки вступило положение, при котором обком ВЛКСМ был экономически бесправен по отношению к выходящей под его эгидой газете. Мало что менялось и в экономической основе существования самих журналистов. Несмотря на резолюцию XIX Всесоюзной партийной конференции не появилось в то время и никаких экономических гарантий дальнейшего развития гласности и демократизации.

„Мы влачим нищенское существование! — писали в коллективном обращении в Верховный Совет СССР 12 редакторов молодежных газет страны. — Не имеем социальной базы для привлечения творческих сил, все ощутимее отток молодых журналистов в кооперативы, в „молодежках” нет жилья, о техническом обеспечении говорить не приходится, условия работы плохие, зарплата мизерная. Многие газеты, которые могут быть рентабельными, искусственно сдерживаются ведомственными препятствиями. До сих пор мы абсолютно не самостоятельны в решении жилищных вопросов”¹¹.

67% всех опрошенных нами в ходе исследования респондентов отметили, что в той или иной мере не удовлетворены конкретными, материально выраженными результатами профессиональной деятельности журналистов молодежных газет. В открытой части ответов анкетированных из групп журналистов и руководителей газет чаще всего назывались: неудовлетворенность бытовыми условиями (85% от числа всех ответивших), плохая техническая оснащенность редакций (78%), низкая заработная плата (52%), устаревшая полиграфическая база (31%) и т. д.

За каждой из вышеприведенных цифр стоят конкретные редакции с их конкретными бедами. Практически все коллективы редакций молодежных газет региона Урала, согласно нашим данным, не получали в течение последних 5—7 лет квартиры для сотрудников. Ни в одной из них нет у журналистов редакционных диктофонов, пишущих машинок на каждом столе, а также ксерокса, мини-компьютера (хотя бы для информационной службы) и т. п., — то есть минимума, которой сегодня необходим для работы¹². С переходом почти всех газет региона на форму еженедельника — особо заметно стало весьма плачевное их полиграфическое оформление. Немало несურазностей существовало до последнего времени и в оплате труда: жесткая сетка окладов, „потолок” в выплате отпускных, единый налог с суммы должностного оклада и гонорара и т. д.

Московская организация Союза журналистов СССР выявила такой парадоксальный факт: оказывается, многие пункты финансовой деятельности редакций до сих пор определяются постановлением секретариата ВЦСПС от... 2 февраля 1936 года (незначительные изменения вносились в него в 1968 году). По мнению исследователей, в сфере журналистской деятельности нуждаются в серьезной проверке на действительность и 47 статей КЗОТа РСФСР.

„По поводу всякой мелочи, начиная от канцелярских скрепок и кончая настольными лампами, мы вынуждены писать челобитные руководству своих издательств,

— писали с болью в „Комсомольской правде” редактор газеты „На смену!” В. Ефимчик и заместитель редактора О. Балезин. — Не издателям, не комитету комсомола — а издательству. Получим блокноты или не получим, зависит от держателей материальных ценностей. Газеты наши комсомольские. Прибыли мы перечисляем в партийную кассу. А оклады нам устанавливает еще один хозяин — Госкомиздат”³.

Парадоксальная экономическая ситуация, когда у молодежной газеты было несколько „хозяев” при весьма бесправном положении в этом отношении самих редакционных работников, и являясь первопричиной административного распределения прибыли. Примечательно, что в качестве выхода из сложившегося положения 52% всех ответивших на нашу анкету, в том числе 69% журналистов и руководителей газет предлагали переход на хозрасчет. Были здесь и другие предложения: „редакция как хозрасчетная ассоциация временных творческих коллективов”; „найм журналистов по контракту, со строго оговоренными правами и обязанностями”; „создание на деньги регионального комсомола собственной полиграфической базы”; „газета — как коллективная собственность акционерного общества ведущих комитетов комсомола” и т. п.

Было бы крайне односторонне и необъективно видеть взаимоотношения молодежной прессы с областными комитетами комсомола и их штатными работниками только в негативном свете. Во-первых, в ходе отчетно-выборной кампании 1989—90 года значительно обновился кадровый состав как выборных органов, так и аппарата обкомов. Во-вторых, нельзя не учитывать фактор психологической перестройки людей, о чем мы подробно говорили в предыдущем параграфе. И, в-третьих, очень важный момент заключается в том, что цели комсомола и комсомольско-молодежных изданий не имеют принципиальных расхождений. Конфликтные же ситуации чаще всего создавались в тех случаях, когда происходило запаздывание в анализе или неверное толкование реальных политических процессов. Когда проявлялись, с одной стороны — рецидивы администрирования, не учитывались реальные изменения в обществе, а с другой — истинно юношеская нетерпеливость, стремление газетчиков одним махом решить все копившиеся десятилетиями проблемы. „Сегодня взаимоотношения средств массовой информации с общественными и политическими структурами должны строиться на правовой основе”. Так записано было в резолюции УПШ пленума ЦК ВЛКСМ. ЦК высказался в этой связи за скорейшее вынесение на обсуждение и принятие Закона о печати и других средствах массовой информации. Закон снял многие противоречия во взаимоотношениях между прессой и партийными, комсомольскими органами, упорядочил законодательные акты, регламентирующие работу журналистов, а также определил общественный статус журналиста, поднял его роль как политического деятеля⁴.

В конце 80-х годов активно стал развиваться процесс создания принципиально новых структур в системе печати СССР. Возникли свои позиции у областных Советов народных депутатов, облсовпрофов, других организаций, кооперативных объединений и т. п.

Возникшие в период перестройки острейшие противоречия между областными комитетами ВЛКСМ и редакциями молодежных газет отнюдь не случайны. Они явились следствием кризиса застывших, чисто бюрократических форм и методов „руководства” обкомов ВЛКСМ своими изданиями. Мелочная опека, весьма некомпетентные рекомендации, администрирование — все эти приемы из времен, когда пресса была не более чем „служанкою” в идеологическом „пиришестве”, должны кануть в лету. Сторонники охранительных тенденций пугают, что без „твердой руки” молодежная печать станет неуправляемой. Но, во-первых, каждый из редакторов молодежных газет Урала — член бюро обкома ВЛКСМ, подчиняющийся его решениям и несущий персональную ответственность. Во-вторых, меру ответственности каждого пишущего сегодня четко определяют Закон СССР „О печати и других средствах массовой информации” и, наконец, соответствующие статьи Уголовного кодекса.

И, в-третьих, тот же хозяйственный расчет для газеты – не панацея от финансового краха при неумелом руководстве или неквалифицированной работе журналистов, выпускающих неконкурентоспособную газету, а прежде всего, отвечающая духу времени система учета качества труда каждого сотрудника.

– Правда, последний тезис – об экономической самостоятельности газет – необходимо рассматривать, учитывая определенные особенности практики. Еще в начале 1990 года, на пленумах ЦК ВЛКСМ звучали отчаянные призывы, обращенные к партии: дайте волю молодежным газетам, прекратите остаточный принцип финансирования в материально-техническом снабжении, – комментировал сложившуюся ситуацию заведующий сектором печати ЦК ВЛКСМ Василий Устюжанин. – Секретариат ЦК КПСС пошел навстречу – передал молодежную печать и детские журналы на баланс комитетов комсомола. И обнаружилось, что мы сами себе подготовили ловушку: в условиях резкого изменения издательской политики в стране (о ней говорили, но никто не думал, что она грянет вот так стремительно) многие редакции остались один на один с проблемами, не решаемыми десятилетиями.

После принятого Секретариатом ЦК КПСС постановления от 10 июля 1990 г. „О передаче ЦК ВЛКСМ молодежных и детских изданий, находящихся в составе издательств партийных органов” партийные издательства, на полиграфической базе которых выходили молодежные газеты региона, поставили даже вопрос о целесообразности заключения договора на новых условиях на 1991 год. Ибо арендовать занимаемые помещения по новой цене, доставать бумагу по договорным ценам, выполнить требования учреждений связи, повысивших в несколько раз цены на услуги по распространению газет, редакционные коллективы не могли. Даже самая стабильная в финансовом отношении газета региона „На смену!”, до 1991 года ежегодно дававшая в партийную казну прибыль свыше 450 тысяч рублей, оказывалась убыточной, не говоря о других „молодежках” Урала.

Лишь после акции по защите прав молодежных изданий, в которой приняли участие практически все СМИ страны, депутаты Советов различного уровня, читатели, ЦК КПСС вынужден был дать разъяснение, что „необходимо в каждом конкретном случае возникающие вопросы решать с учетом как интересов комитетов комсомола, издательства, так и интересов упрочения политического сотрудничества КПСС и ВЛКСМ. Источники покрытия убытков по изданию молодежных газет и журналов должны быть, как правило, изысканы соответствующими комитетами комсомола. В случаях, когда выделение изданий комсомола из состава партиздатств объективно неизбежно, считаем целесообразным сохранить за ними занимаемые служебные помещения, редакционное имущество и при заключении договоров устанавливать расценки на полиграфическое и другое обслуживание, исходя из соответствующих расценок для партийных изданий”¹⁵.

На наш взгляд, молодежная печать оказалась своего рода „заложницей” в противоборстве уходящих и новых структур власти. Выражается это в том, что, с одной стороны, молодежные издания лишились покровительства КПСС, являющейся по сути дела монополистом большинства современных типографских мощностей, с другой стороны, не нашли поддержки, выразившейся в какой-то конкретной помощи у обновленных Советов.

Почти 60% молодежных газет в стране были убыточными и до перехода к рыночным отношениям. И все-таки ЦК ВЛКСМ перечислял через партийные издательства, где печатались „молодежки”, в бюджет ЦК КПСС ежегодно около 12 миллионов рублей¹⁶. За последние десять лет, например, только газета „На смену!” перечислила туда 4,5 миллиона рублей. При этом зарплата журналистов никогда не зависела от конечного результата – тиража, а, значит, прибыли.

Нам кажется, одним из реальных путей выхода из создавшегося положения было бы возвращение через арбитраж хотя бы части этих средств как основных фондов молодежных газет. Со стороны ЦК ВЛКСМ необходимым являлось и решение о создании страхового фонда молодежных изданий, из которого бы могли покрываться

впредь убытки. Хотя оговоримся, в последнем случае речь не идет о том, чтобы подставлять „костыли” под падающее издание, которое читателям неинтересно и за которое они, следовательно, не голосуют рублем в период подписной кампании.

Реален в перспективе, по нашему мнению, и вариант, при котором молодежная газета становится акционерным предприятием, продав акции учредителю — обкому ВЛКСМ и своим журналистам. В таком случае экономически слабые издания могли бы объединиться и выходить как региональные.

И, наконец, нельзя не рассматривать тот путь, при котором учредитель и редакционный коллектив становятся владельцами собственной полиграфической базы и создают свою систему распространения газеты.

В заключение главы отметим, что сам термин „руководство комсомольско-молодежной печатью” рассматривается сегодня в контексте происшедших изменений как устаревший. Мы сохранили его в тексте лишь потому, что в анализируемый нами период подобные отношения „подчиненности” существовали на практике вплоть до 1990 года.

Перестройка политической системы нашего государства включает в себя в качестве важнейшего и такой аспект, как повышение роли общественных организаций. Это, в свою очередь, предопределяет изменение внутриорганизационных отношений. Декларированная Законом СССР „О печати и других средствах массовой информации” профессиональная самостоятельность редакции молодежной газеты отныне исключила саму возможность диктовать волю, навязывать принятие решений относительно того, что публиковать, что не публиковать на страницах своей газеты. В большей степени это важно, как свидетельствуют результаты проведенного нами опроса журналистов, для взаимоотношений редакций молодежных газет региона с учредителями.

Вместе с тем принцип профессиональной самостоятельности редакционных коллективов отнюдь не предполагает отчуждение интересов учредителя. Областная организация ВЛКСМ в лице обкома комсомола в каждом конкретном случае определяет главное направление, общеполитическую линию в молодежном движении, стратегию и тактику своей деятельности. Редакционный коллектив молодежной газеты выбирает форму и методы их отражения. Главенствующим для журналистов здесь, безусловно, является принцип: разрешено все, что не запрещено законом; конкретно — Законом „О печати и других средствах массовой информации”.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РОМАНТИКА И ПРОЗА ПЕРЕСТРОЙКИ

Динамика политических изменений в обществе и творческие процессы в молодежной журналистике второй половины 80-х годов

Сегодня нередко обращаются к известным ленинским словам о том, что массы должны все знать, обо всем судить и на все идти сознательно. По сути – это сжатое определение гласности в нашем понимании происходящих в обществе перемен. Если его „раскрыть”, то можно выделить два взаимосвязанных процесса: гласность как реальная возможность получать полную, объективную, правдивую информацию обо всем, что происходит в обществе, и гласность как гарантированное законом право на свободное, никем и ничем, кроме этого закона, не ограничиваемое, публичное обсуждение всех общественных дел, право отстаивать позицию, беспрепятственно высказывать свою точку зрения.

Средства массовой информации внесли немалый вклад в процесс осмысления общества, в котором мы оказались в середине 80-х годов, того, что вокруг нас в мире происходит. Мы считаем весьма важным изучение взаимосвязи эволюции общественных и творческих процессов в журналистике, анализ и систематизацию конкретных форм проявления этой взаимообусловленности. Ведь одна из главных задач СМИ сегодня – отстаивать и развивать демократические преобразования во всех сферах советского общества.

§ 1. Изменение функций журналистики для молодежи как следствие переориентации общественно-политического сознания

Каждый вид деятельности характеризуется, прежде всего, назначением, совокупностью задач, которые решаются с его помощью. Определенным образом упорядоченная деятельность, способы достижения цели представляют в своем наиболее общем значении категорию метода. Общественная практика многообразна и многообразны используемые ею методы. Но в основе любой деятельности лежат объективные законы действительности. Поэтому мы можем говорить об общих и специальных методах. Все специальные методы, относящиеся к различным областям науки и конкретным видам практики, базируются на общем методе познания и преобразования мира – материалистической диалектике¹.

Публицистика как специализированный вид общественной практики имеет свой собственный метод. Говоря о его своеобразии, В. И. Здоровага отмечает, что публицистический метод „сочетает в себе приемы научно-теоретического, практически-духовного, в том числе обыденного познания, конкретно-образного мышления с большими или меньшими элементами художественного”².

Для того, чтобы охарактеризовать предмет публицистического воздействия как целенаправленной деятельности, необходимо прежде определить, на какие именно сферы общественного и индивидуального сознания это воздействие направлено. Одна из наиболее очевидных функций и сфер воздействия молодежной журналистики — формирование общественного мнения, которое прежде всего связано с оценкой молодыми людьми того или иного явления, процесса. То есть, специфика которого заключается в том, что это не только осознанное, но и оценочное бытие. В. С. Коробейников определяет общественное мнение как „проявление (состояние) общественного сознания, в котором отражается прежде всего оценка большими социальными группами (классами, союзом классов), народом в целом явлений, представляющих актуализированный общественный интерес, на основе существующих общественных отношений”³.

Однако существенно и то, что деятельность журналистики „по формированию фундаментальных „блоков” сознания находится в прямой связи с процессом выражения и формирования общественного мнения... Целевая функция идеологической деятельности журналистики состоит, следовательно, в том, чтобы постоянно способствовать росту сознательности масс путем всесторонней социальной ориентации их, выражающейся в формировании всех компонентов массового сознания при акцентировании внимания на задачах по развитию общественного мнения”⁴.

Примечательно, что перестройка, начавшаяся с решения проблем ускорения научно-технического прогресса, пройдя затем этапы, когда главными были названы вопросы децентрализации и кардинального изменения экономических структур, с неизбежностью столкнулась затем с актуализацией проблем демократизации всего общества. Практика показала: дальнейшее прогрессивное, поступательное движение вперед просто невозможно без того, чтобы сделать человека субъектом своей деятельности, истинным хозяином всех планов и решений, которые ему предстоит осуществить, реализовать и за которые он полностью ответственен. И что права человека начинаются с права и реальной возможности „критиковать делом”, а не с права „облаять кого хошь”, как выразился публицист⁵.

Ранее мы охарактеризовали молодежную аудиторию как наиболее восприимчивую и готовую по целому ряду причин к переменам, происходящим в советском обществе. Вместе с тем рост популярности подавляющего большинства молодежных изданий во второй половине 80-х годов, выражающийся прежде всего в увеличении тиражей⁶, на наш взгляд, был связан, прежде всего, с изменением роли, отводимой этим печатным органом. В различные периоды истории советского общества, как мы отмечали, этот вопрос решался по-разному. Но в последние десятилетия молодежная печать чаще всего брала на себя две функции из числа основных: во-первых, была своеобразным коммуникатором между центральными и местными комсомольскими органами и широкими массами комсомольцев и молодежи, во-вторых, по мере возможностей и в меру таланта и творческих способностей своих сотрудников выполняла роль наставника, воспитателя, информатора и т. п., рассматривавшего молодых людей прежде всего как объект пропагандистского воздействия и направленного одностороннего влияния. Исследователи молодежной печати⁷ отмечают, что мерилом эффективности печатной пропаганды при этом служили, как правило, производственные показатели молодых тружеников и их трудовых коллективов, настрой на выполнение планов пятилеток и т. п. Но при таком подходе чаще всего заглушался интерес журналистов к конкретному молодому человеку с его радостями и бедами. А, допустим, о противоречиях в его мироощущении и миропонимании речь могла зайти чаще всего лишь при рассказе о „нетипичных” случаях нарушения „идеологической” или „моральной” чистоты.

Перестройка общественной жизни, значительное расширение круга социально-политических, а также экономических задач, решаемых с помощью СМИ, создали предпосылки для изменения позиции молодежных изданий. Первостепенной стала задача выработать „сильную, целостную государственную политику в отношении

подрастающего поколения”⁸, создающую прежде всего условия как для максимального раскрытия способностей личности, так и для реализации ее жизненных целей. Задачей СМИ становится не пропаганда некой единой для всех модели жизнедеятельности, а развитие сущностных сил личности, ее „субъектности” в сфере экономики, политики, культуры. Критерием оценки влияния СМИ на демократизацию образа жизни становится возможность выбора позиции, характер ценностного содержания информации, „свобода использования СМИ как демократического института общества для выражения своей активности, отстаивания своей позиции, участия в политике и общественной деятельности”⁹.

В период перестройки стержневой задачей молодежной печати стала не просто пропаганда экономической политики государства, анализ многосторонней работы различных хозяйственных органов, комитетов ВЛКСМ, предприятий и объединений и т. п. по ускорению научно-технического прогресса, хозрасчета и самофинансирования, подрядных и арендных отношений, а как бы преломление большинства проблем через судьбу конкретной личности.

Чем заявил о себе проблемно-личностный подход к освещению социально-экономической темы? Во-первых, молодежная пресса сконцентрировала внимание не только на решительном преодолении застойных процессов в экономике, сломе механизма торможения, но и выдвинула задачу повысить уважение к ценности и достоинству личности. „Твое место в перестройке”, так называется, к примеру, рубрика, появившаяся в газете „Молодая гвардия” в 1987 году. В материалах, выходящих под ней, пермские журналисты рассказывали о молодых людях, однозначно решивших для себя актуальнейший вопрос: сколько брать на себя. Вот размышления о судьбе сельского парня, которому односельчане в 26 лет доверили возглавить колхоз, и Ю. Меньшиков оправдал это доверие¹⁰. Убедителен и рассказ об инициативе комсомольцев объединения „Моторостроитель”, в день Всесоюзного коммунистического субботника сменивших своих руководителей в цехах¹¹.

Газета „Комсомолец” подняла проблему сочетания решения масштабных, кардинальных вопросов жизни общества с решением тех, что мы называем повседневными. В течение нескольких лет она постоянно держит под контролем актуальные для подавляющего числа молодых людей вопросы, суть которых раскрывается в названии постоянной рубрики газеты: „Молодежная мода: создаем, производим, продаем”. И именно „Комсомолец” был одним из инициаторов создания в области так называемых сквозных бригад качества в объединении „Молодежная мода”¹².

Газета „На смену!” с самых первых публикаций новой рубрики „Резервы экономики” также сделал акцент на социальную сторону производственной деятельности. К примеру, пристальное внимание было уделено осмыслению известного почина металлургов Северского трубного завода „Трудовой дисциплине — гарантию коллектива”¹³. Примечательно, что журналисты не остановились тогда, как это часто было во многих публикациях других изданий о модном, одобренном „сверху” почине, на фактах, лежащих на поверхности. Была сделана попытка с помощью общественных исследователей данное явление как феномен этапа психологической перестройки общества¹⁴.

На первый план в практической деятельности молодежных газет в этот период вышло и освещение социальной политики, всей многосторонности внутренней жизни страны.

Вот как сформулировали задачи, открывая новую рубрику — „Уроки экономики”, журналисты „На смену!”: „Газетная рубрика будет новой, хочется верить, не только по форме, но и по содержанию ее материалов, пониманию тех задач, которые стоят сегодня перед нами. Задачи серьезные, глубокие. Требующие не только активного желания для их решения, но и немалых знаний, широкого кругозора, всесторонней информированности... Учиться можно по-разному. Давайте попробуем так. Анализируя свои или чужие ошибки, набираясь опыта у более инициативных и прозорливых, осваивая премудрости идеологического диспута, прислушиваясь к мнению

авторитетных специалистов"¹⁵. И газета в течение трех лет была своеобразным консультантом по актуальным вопросам практической перестройки хозяйственных механизмов, внедрению новых форм экономической деятельности, стала „банком" передового опыта и т. д.

Журналисты „Молодой гвардии" выбрали несколько иную форму подобного „просветительства". Постоянный ведущий рубрики „Экономические диалоги" кандидат экономических наук Андрей Климов так сформулировал задачу задуманной долговременной кампании: „Чтобы понять проблемы экономической жизни, подняться над уровнем обыденного мышления, необходимо уйти от предположений и слухов, встать на позиции цифр и фактов. Только тогда, руководствуясь научной логикой, можно найти верный ответ на все, даже самые „каверзные" и острые вопросы. Правильно осознать себя, свое место в сложной системе, именуемой обществом"¹⁶.

Сами заголовки этих публикаций свидетельствуют о круге обсуждаемых вопросов: „Сколько стоит счастливое детство?", „О шабашнике Васе, царе Мидасе и семейном балансе..."¹⁷ и др. В течение двух лет были рассмотрены и проанализированы с экономической точки зрения практически все приоритетные направления развития социальной сферы, более полного удовлетворения потребностей людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, медицинского обслуживания и т. п.

Исследуя различные факторы изменения молодежной журналистики, необходимо рассмотреть, на наш взгляд, и возрастание роли СМИ в политической жизни общества в связи с осуществлением реформы политической системы. Газеты, как мы отмечали, все меньше выполняли роль своеобразного „продолжения комсомольского аппарата", а постепенно становились одним из важнейших организующих центров областной комсомольской организации.

Исследователи печати неоднократно в последние годы обращали внимание на необходимость придания информационно-пропагандистскому процессу коллективности. К сожалению, как показывает практика, именно этот аспект деятельности молодежных СМИ остается пока вне внимания теоретиков печати. Связано это в первую очередь с тем, что и молодежной журналистике в целом далеко не всегда хватает знаний, компетентности, конструктивности и ответственности. „Журналистика, — справедливо отмечает М. В. Шкондин, — должна выходить не только на новый уровень аналитичности и публицистичности, но и на новый уровень коллективности в осуществлении массового информационно-пропагандистского процесса."¹⁸

Коллективность политического, организационного процесса требует, чтобы все его субъекты — классы, нации, народности, другие социальные, а также производственно-отраслевые, профессиональные, региональные группы, партийные, комсомольские, общественные, государственные и иные организации — активно участвовали в его осуществлении. Но для того, чтобы люди могли плодотворно участвовать в обсуждении своих актуальных проблем, подготовке и принятии решений, они прежде всего должны быть хорошо информированы. И здесь с настоятельной необходимостью встает вопрос о рассмотрении гласности как общего принципа деятельности молодежных СМИ периода перестройки.

Согласно точке зрения И. Д. Фомичевой, можно сформулировать ряд критериев для измерения гласности¹⁹. Во-первых, гласность понятие многомерное. Во-вторых, она разворачивается не только на стадии сбора и подготовки информации, ее отбора для публикации, но и в процессе распространения. В-третьих, гласность есть принцип, который реально осуществляется на всех „социальных полюсах", то есть когда равным правом и возможностью для свободы высказывания обладают все социальные субъекты, участвующие в информационном обмене, в обсуждении той или иной проблемы.

На наш взгляд, практика последнего времени дает основание, чтобы сформулировать еще один критерий — гласность как предпосылка к свободе выбора решений.

Каким же образом в повседневной деятельности молодежных газет осуществляется процесс выхода на новый уровень коллективности? Готовясь к проведению кон-

тент-анализа газеты „На смену!“, мы выдвинули такую гипотезу: различные группы аудитории неравномерно привлекаются к производству массовой информации и посредством этого — к социальному управлению. Результаты показали, что в 1986 году служащие и инженерно-технические работники в четыре раза чаще печатались на страницах газеты, чем рабочие, в два раза чаще, чем студенты, в три с половиной раза чаще учащихся школ и ПТУ. В 1988 году эта тенденция сохранилась, а в 1990 году служащие и инженерно-технические работники, по-прежнему оставаясь самыми „привилегированными“ авторами, опережали рабочих в три раза, студентов — в два с половиной раза, учащихся — в шесть раз²⁰.

Вместе с тем мы установили, что ни в одной из семи молодежных газет региона Урала в течение последних пяти лет не проводилась работа по изучению социальной структуры авторского актива. По инициативе редакционных коллегий 1–2 раза в год, как правило, в период подписной кампании, проводилось анкетирование читателей, но с социологической точки зрения вероятность достоверности получаемой информации, конечно же, была весьма мала.

Примечательная деталь: 44% опрошенных нами журналистов этих газет указали, что гласность для них — это „прежде всего получение возможности иметь доступ к любой информации и возможность ее публиковать без всяких ограничений“. Хотя, как видим, даже в период перестройки для рядового читателя мало что изменилось — гласность как возможность опубликовать свое мнение или высказать свою точку зрения на страницах газеты для него по-прежнему зависит от журналиста. И тот факт, что молодежные газеты даже сегодня нередко являются „трибуной“ прежде всего для различного рода функционеров, объясним.

ИТР, служащие, творческая интеллигенция, выступающие чаще всего в роли субъектов социального действия, генерирующих те или иные идеи, но не исполнителей, воплощающих их в практической деятельности, согласно мнению некоторых исследователей молодежной печати²¹, имеют и больший творческий импульс для выражения своего „я“ посредством печати. И связывают это, как правило, с тем, что у этой категории авторов объективно большие возможности для внесения конструктивных предложений по той или иной обсуждаемой в печати проблеме. Однако подобный подход нам представляется в свете перемен, происшедших во всех сферах общественной жизни, устаревшим.

Молодежная печать в середине 80-х годов в большей степени была информативна, нежели конструктивна. Причины данного явления мы назвали в первой главе. Вместе с тем сам факт отказа в некоторых случаях журналиста от конструктивности при подготовке к печати материалов по той или иной проблеме, до сих пор нередко „доскорбляет“ учредителей, издателей и значительную часть коллег. Мотивировка: критикуя, обсуждая, всегда надо что-то предлагать; всякое выступление печати должно быть действенным, следовательно, автору необходимо указать хотя бы направление конструктивного поиска. В годы „застойной стабильности“ данные аргументы были неоспоримы, в ситуации же центростремительных перемен во всех сферах жизни журналист далеко не всегда мог выступить в роли своеобразного „пророка“.

К слову говоря, в данном случае можно обратиться и к авторитету выдающегося немецкого философа Теодора Адорно. В эссе „Разумно ли действительное? или Почему силы разрушения требуют от критики „конструктивности“ (1969 г.) он писал, что некоторые газеты, отнюдь не стремившиеся выглядеть реакционными, „позволяют себе такой тон в высказываниях, который в Америке называют понтификальным, епископским. Они вещают, как будто находятся над (выделено мной—В. О.) оппонентом. Понтификальная поза скрывает позицию подчинения авторитетом, причем как у тех, кто эту позу принимает, так и у потребителей, на которых все это умно рассчитано... Антикритическая схема включает в себя и „закятие позитивным“, когда к слову критика обязательно приставляется слово „конструктивная“. Логическая уловка здесь состоит в том, что только тому позволительно заниматься

критикой, кто может предложить что-то лучшее вместо критикуемого обстоятельства. Обузданная позитивностью, критика напрочь лишается своей стремительности, силы, резкости. . . . Требование позитивных предложений вновь и вновь становится невыполнимым, и поэтому тем более облегчается задача тех, кто клеветает на критику"²².

Нам кажутся слова эти очень актуальными.

Устранение своеобразных „ножниц“ между гласностью „для себя“ и гласностью как выражением на страницах печатного органа всего спектра мнений, по нашему мнению, таит для работников СМИ немало резервов для повышения эффективности журналистской деятельности.

В целом же уровень коллективности в молодежной печати периода перестройки стал качественно иным, чем на рубеже 70—80-х годов. Ушли в прошлое своеобразные „резервации“ для читательских писем. Если еще в начале 80-х годов они печатались, прежде всего, в специальных подборках или полосах писем, то с 1985 года, а в большей степени с 1986—87 годов читательские письма, отклики на опубликованные материалы и просто на какие-то события все чаще выходят на открытия номера. Связано это было в первую очередь, с тем, что изменился и сам характер почты. От каких-то частных вопросов бытового характера (в газете „На смену!“ в 1982 году подобные письма, как мы установили, составляли 46% от всей годовой почты) авторы все чаще отходили в сторону осмысления происходящих общественных изменений. Процесс этот коснулся каждого издания. Принципиально иным стал и характер работы с письмами, пришедшими в адрес редакции. Заведующие отделом писем молодежных газет региона Урала в устном опросе, проведенном автором в 1989 году, отметили, что до 60% писем, пришедших в редакцию, имеют конкретного адресата — автора публикации, вызвавшей отклик, редакционный отдел, в котором готовятся к печати материалы на ту или иную тему. Подавляющее число опрошенных журналистов (более 70% от общего числа) указали, что при работе с письмами практически не используется прием „правка-переделка“. Примерно 30% пришедших в отдел писем, судя по их ответам, направляется в различные организации для принятия мер, еще столько же требуют личного ответа автору письма, а примерно 40% — после „правки-сокращения“ или минимальной стилистической правки — идут в печать.

В газете „На смену!“ публикация читательских писем в 1985 году осуществлялась в основном в полдсе „Читатель и газета“, а также в подборках материалов „Добрый день, уральцы!“. Выделить какую-то систему в этом не представляется возможным. Понимали уязвимость подобного подхода, видимо, и сами журналисты. Поиск новых форм подачи читательских писем велся постоянно, но по существу все оставалось неизменным до 1987 года, когда на страницах „На смену!“ стали, наряду с традиционными, использоваться такие качественно новые по принципу формирования подборки, как „Резонанс“, „Во весь голос“, „Я думаю. . .“

В первой из них еженедельно публиковались отклики на газетные материалы, вызвавшие у читателей наибольший интерес. Казалось бы, в этом ничего нового по форме не было. Но принципиально иное содержание самих публикаций, послуживших отправной точкой для разговора, обращение газеты к наиболее актуальным для читателей темам — предопределили и новый ракурс „Резонанса“. По сути эта регулярная подборка выполняла функцию фокусирования общественного мнения на важных темах. В качестве примера можно привести нетрадиционное обсуждение на страницах газеты такой сложной темы, как живучесть просталинских традиций в нашем обществе²³. Этот опыт характерен и тем, что в данных публикациях редакция использовала прием сопоставления диаметрально противоположных точек зрения. Неоднократно журналисты и постоянные авторы „На смену!“ находили у читателей поддержку в довольно сложных ситуациях, когда после публикации приходили опровержения от главных „героев“ критических или остропроблемных публикаций. Так, к примеру, произошло после выхода в свет материала „Перекося“, в котором

автор ставил вопрос о бюрократизации форм и методов работы Ирбитского горкома ВЛКСМ. Публикация вызвала большой резонанс, хотя реальную действенность получила только после вмешательства ЦК ВЛКСМ²⁴.

“Я думаю...” — это своеобразный политекст читателей на страницах „На смену!”. Предшествовавшая ей рубрика „Во весь голос” главным принципом отбора писем для публикации имела актуальность. Здесь печатались письма-отклики на те или иные события, в которых главным их достоинством была своеобразная „непричесанность”, нетрадиционность. „Я думаю...”, родившаяся 18 мая 1988 года, сразу же вышла на новый уровень осмысления явлений, а не отдельных фактов. Авторы не просто высказывали суждения, но и пытались найти конструктивный выход из положения, в котором оказались они лично и их окружение, предлагали способы совместных действий”²⁵.

Газета „Комсомолец” нашла несколько иную форму использования подобных писем. В выпусках по письмам читателей „Социум” каждый раз обсуждалась совершенно конкретная проблема, то есть здесь использовался прием тематической группировки писем. Так, один из выпусков был посвящен утверждению арендных отношений²⁶, другой — проблемам экологии²⁷ и т. п.

Хотя, видимо, следует оговориться, что во всех этих случаях мы рассматривали систему работы со „свободным потоком” редакционной почты. Подача же авторских материалов, написанных, как правило, по заданию редакции, осуществляется чаще всего в системе традиционных рубрик²⁸.

Таким образом, от рассмотрения собственно деятельности журналистов молодежных газет в контексте психологической перестройки мы вплотную приблизились к выявлению условий и факторов повышения ее эффективности. Одним из главнейших из них, как мы уже отметили, является учет в практической деятельности молодежных средств массовой информации изменений в общественном сознании. Молодежная печать, наряду с другими СМИ, является важным средством социализации молодого поколения. Однако необходимо подчеркнуть: поскольку перестройка предполагает существенное изменение как условий, так и критериев эффективности социальной деятельности аудитории, что и является основой обновления ее мировоззрения, соответственно должна измениться и „надстроечная” часть — прежде всего социально-мировоззренческая, а также иная информация²⁹. В новых условиях она нуждается, следовательно, в новых критериях эффективности. А также, как мы доказали выше, происходит обновление функций — целей журналистики.

Молодежным газетам в большей степени, чем партийным, отраслевым и другим изданиям, свойственна полемичность, в какой-то мере даже нетерпимость в споре. Но, проанализировав свыше 150 публикаций, в которых так или иначе идет переосмысление представлений о реальном социализме, мы не обнаружили ни у одной из молодежных газет стремления, так сказать, монополизировать право на истинность суждений. На их страницах в течение пяти лет были представлены мнения самого различного толка — от „прозападных”, до „прославянофильских”, включая „центристские”³⁰. Но это не говорит о том, что редакционные коллективы оставались в стороне от принципиальных споров, выступая лишь в роли „ретрансляторов”.

В активе каждой из газет в годы перестройки появились новые формы освещения различных проблем. Так, газета „Комсомолец” выступлениям авторов, а нередко и своих журналистов по принципиальным вопросам совершенствования политической системы общества, предпосылает комментарии специалистов, а порой и людей, имеющих диаметрально противоположные взгляды. Такой, в целом оставляющей читателю право окончательного выбора, была, например, публикация, рассказывающая о проходившем в Челябинске совещании координационных советов Демократического союза (ДС)³¹. Автор подробно, честно, объективно (это потом подтвердили в откликах на материал и сами участники совещания) рассказывает о том, как

оно проходило. Сообщает о причинах разногласий внутри ДС, о их сути. Высказывает свое личное (оговаривая это) мнение о том, что итоги совещания в целом неутожительны: вновь всплыла очевидная истина, что любая партия без народа — только игра в партию. Отнюдь не в стиле „разносных“ и соседствующая с данной публикацией статья секретаря Центрального райкома КПСС г. Челябинска Г. Сачко „Есть ли у КПСС оппозиция?“. Авторы на основе убедительных и наглядных фактов подводят думающего читателя к выбору.

Проведенный нами опрос студентов г. Свердловска показал, что в случае, когда читатель имеет возможность сравнивать альтернативные точки зрения, изложенные в материале, к нему обращаются и, как правило, дочитывают до конца — 62% респондентов; в то время как „нейтрально“ относятся к этому фактору лишь 27% опрошенных, а никогда не задумывались над этим вопросом — 11%.

Проведенный анализ публикаций, на наш взгляд, позволяет условно разделить их на две группы. К первой из них можно отнести материалы, в которых делается попытка на научном (теоретическом) и обыденном уровнях по-новому осмыслить связь общественного бытия и общественного сознания, исходя из потребностей современного общественного развития, потребностей перестройки. Ко второй — публикации, в которых главной целью является восстановление реального отношения к социальной деятельности и общественной практике, рассматриваемой как диалектически сложный, противоречивый общественный процесс, не сводимый только к достижениям или недостаткам, к набору фактов, наблюдений, мнений и т. п.

В качестве примера из первой группы публикаций можно назвать долговременную дискуссию о смысле жизни „Эта легкая „легкая“ жизнь?“, проводившуюся газетой „На смену!“ в 1985–86 гг.³²

Но по-настоящему большую высоту в осмыслении связи общественного бытия и общественного сознания попыталась достичь газета, организовав на своих страницах философскую дискуссию³³. Для молодежных газет подобный опыт — далеко не часто встречающийся. Тем более, что отправной тезис дискуссии — „гоняют ли сегодня философы „лужок“? в полемическом запале с частного факта — не очень организовано прошла научная конференция — невольно выводился автором на обобщения.

Конечно, строго научной дискуссии о том, что значит сегодня преподавать философию „по-новому“, не получилось. Нашупав довольно „болеву“ точку (что подтвердило принятое через несколько месяцев специальное постановление правительства о недостатках в организации системы преподавания общественных наук в вузах), журналисты редакции и их авторы в основном так и не смогли уйти от констатации фактов „отрыва философии от жизни“. По поводу дискуссии было подготовлено „разгромное“ постановление бюро обкома ВЛКСМ, в котором главное внимание было сконцентрировано на фактах „некомпетентности“ журналистов³⁴. Хотя отрицать, что газета обнаружила актуальную проблему: противоречия догматично преподаваемого в вузах предмета и реальной практики, — было невозможно. А сама данная дискуссия — хороший пример изменения роли молодежной печати, поставившей проблему в общественном сознании и его разбудившей.

Вполне правомочным можно считать выбор в качестве предмета дискуссии не только вопросов мировоззренческого характера, но и тех, с которыми молодые люди сталкиваются в своей повседневной деятельности. К примеру, на „Дискуссионной трибуне“ „На смену!“, наряду с проблемами переосмысления философского наследия, психологической перестройки людей, были обсуждены и проблемы перестройки школьного образования, системы народного просвещения в целом и другие³⁵.

Теперь о публикациях, в которых главной целью является восстановление честного отношения к социальной действительности и общественной практике. Примечательная деталь: 73% опрошенных нами в декабре 1988 года журналистов газеты „На смену!“ указали, что, по их мнению, читателей прежде всего интересует исторический аспект этой проблемы. Результаты заочной читательской „летучки“ свиде-

тельствуют³⁶: около 50% тех, кто прислал свои анкеты с ответами в редакцию, отдадут предпочтение „честному“, „беспристрастному“, „откровенному“ освещению газетой актуальных проблем сегодняшней практики. „К сожалению, вашей газете иногда присуща однобокость, особенно в освещении острых политических моментов сегодняшнего дня. Где плюрализм мнений?“ — отметила, в частности, Л. Симакова³⁷.

Предубеждение журналистов, что читатель ждет от них в первую очередь осмысления опыта прошлых лет, подтверждается и статистически. Из 177 проанализированных нами публикаций газет „Комсомолец“, „Молодая гвардия“, „На смену!“ — 78 или свыше 66% рассматривают именно исторический аспект восстановления честного отношения к социальной действительности и общественной практике.

В „Молодой гвардии“ пошли по пути систематизации подобных материалов под рубрикой „Уроки истории“. Политическая судьба П. А. Столыпина, страницы трагической хроники 1939 года и наше отношение к тем событиям, развитие административно-бюрократической системы и истоки идеологической демагогии в годы застоя — вот лишь несколько тем публикаций³⁸. Газета „Комсомолец“ в рубрике „Взгляд сквозь годы“ помимо того, что предлагает по-новому взглянуть на какие-то известные события, сделала попытку как бы „перекинуть мостки“ в день сегодняшний. Но, к сожалению, настоящего анализа или хотя бы рассмотрения негативных тенденций, развившихся и существующих в практике сегодняшнего дня, ни в одной из этих публикаций нет³⁹. Показательно это было в то время и для практики деятельности газеты „На смену!“⁴⁰.

Вместе с тем нечасто появлявшиеся в той же „Молодой гвардии“ выпуски „Политклуба „МГ“, посвященные обсуждению острых политических проблем сегодняшнего дня, вызывали буквально шквал читательских откликов. „Публикацией года“ назвали в письмах многие читатели выпуск „Политклуба“ от 4 декабря 1988 года. Напечатав отчет специального корреспондента со встречи Б. Н. Ельцина с преподавателями и слушателями ВКШ при ЦК ВЛКСМ „Политик или авантюрист?..“, журналисты решили двуединую задачу: сняли покров ненужной „сенсационности“, некой „таинственности“, возникших в читательской среде в виду дефицита информации об этом политическом деятеле и одновременно недвусмысленно заявили о программе действий редакционного коллектива под руководством нового редактора: „Мы, члены редколлегии „Молодой гвардии“, были в нерешительности: публиковать или нет ответы Б. Н. Ельцина на вопросы преподавателей и слушателей ВКШ при ЦК ВЛКСМ? То есть и мы, журналисты, еще не можем избавиться от запретительского синдрома... Дилемма — или говорить правду, рискуя „непредвиденными последствиями“, или давать на вопросы отбечаемые ответы стояла перед нами...“⁴¹.

Следует подчеркнуть, что на примере данной публикации можно наглядно увидеть „пуск механизма“ одного из интересных аудиторных феноменов периода перестройки. Как нам удалось выяснить на основе анализа читательской почты и тех материалов, что появились как отклик, позиция Ельцина по различным актуальным вопросам действительности в равной степени связывалась с позицией газеты, точкой зрения журналистов в оценке тех или иных явлений. Примечательно в полосу откликов на данную публикацию⁴² письмо доцента Пермского политехнического института Е. В. Грисенко, указавшего также, что он является партгрупоргом кафедры технологии машиностроения: „... Кто в Перми возьмется за создание таких институтов защиты перестройки, как Народный фронт, „дискуссионная трибуна“, политклубы? Может в качестве кристаллизатора и коллективного организатора ты, „Молодая гвардия“, возьмешься? Запишите меня первым!“

Газета „На смену!“ ввела в практику своей повседневной деятельности регулярный обмен мнениями с читателями по наиболее волнующим аудиторию политическим проблемам. Для этого использовалась, к примеру, такая форма [как „Горячий телефон“ (о нем мы подробно поговорим ниже), а также материалы рубрики „Встре-

ча для вас”⁴³. Челябинские журналисты в материалах выпуска политклуба „Современник” — делали акцент на проблемы именно молодежной аудитории⁴⁴.

Мы проанализировали лишь наиболее типичные примеры эффективной газетной практики второй половины 80-х годов, характеризующие процесс взаимовлияния молодежных СМИ и аудитории. Стараясь показать его в развитии, мы в меньшей степени давали рекомендации по оптимизации, а следовательно — повышению эффективности молодежных СМИ. Именно об этом пойдет речь дальше.

§ 2. Способы реализации творческих возможностей журналистов молодежных газет в период социального обновления

Вторая половина восьмидесятых годов для молодежной печати Урала была примечательна прежде всего тем, что благодаря многим существенным факторам влияния на читателя удалось вырваться из так называемого „круга региональной значимости“. Мы считаем правомерным введение данного термина, так как стремление к удовлетворению потребностей того или иного конкретного слоя аудитории в информации соответствующего объема и вида породило в годы перестройки своеобразный феномен информационной межрегиональности, когда публикации той или иной областной, республиканской молодежной газеты имеют по ряду обстоятельств всесоюзное „звучание“. Не останавливаясь специально на этом вопросе, поскольку он требует отдельного исследования, лишь отметим, что для данных журналистских текстов характерны: значимость темы для широкого круга читателей; глубина ее разработки и конструктивность предлагаемых реальных путей решения проблемы; необычность подходов к теме или поиск „необычного в обычном“; преодоление признаков прежнего „раболепия“ перед авторитетами; высокое мастерство исполнения; нетрадиционность оформления и т. д.

Ярким примером подобной информационной межрегиональности является деятельность в анализируемый период „Московского комсомольца“, латвийской газеты „Советская молодежь“. Их публикации по многим вопросам получили воистину всесоюзный резонанс, материалы на „закрытые“ доселе темы перепечатывались многими молодежными газетами страны, копии, снятые на множительной технике, буквально зачитывались до дыр. О популярности данных газет свидетельствовало и то, что они имели десятки тысяч подписчиков и постоянных читателей во всех республиках и очень многих областях страны.

Сам факт выхода молодежной печати Урала за „круг региональной значимости“ был связан, на наш взгляд, прежде всего с тем, что в течение первых двух лет перестройки этим газетам удалось определить свою позицию в условиях плюрализма мнений, характерного и для различных средств массовой информации. В обобщенном плане ее можно сформулировать так: не пропаганда некой единой для всех модели жизнедеятельности, а развитие сущностных сил личности, ее „субъектности“ в сфере экономики, политики, культуры¹, отражение острейших проблем социализации молодого поколения.

Особенно наглядно сравнение в этом плане позиций газет „Комсомолец“, „Молодая гвардия“, „На смену!“ и областных партийных газет – соответственно „Челябинский рабочий“, „Звезда“, „Уральский рабочий“ в освещении молодежной проблематики.

Проведенный нами выборочный анализ публикаций этих газет в 1987 и 1989 гг. свидетельствует, что свыше 70% из них освещали проблемы молодежи лишь через призму деятельности комсомольских организаций. В то же время наш опрос комсомольского актива показал, что регулярно обращались к данным материалам в областных партийных газетах лишь 8% участников исследования. Безусловно, на основании лишь этих результатов делать обобщения и выводы нельзя, но, как свидетельствуют устные интервью, взятые автором данной работы у ряда корреспондентов

тов партийных газет региона, освещающих молодежную тематику, подавляющее большинство из них не удовлетворены и тем откликом, который вызывают данные публикации или даже целые полосы, подборки материалов у молодежи.

Так, в газете „Звезда”, например, в 1988 году письма-отклики на них составили лишь 0,9% от общего количества писем, пришедших в редакцию (исключая бытовую тематику). В „Советском Зауралье” (Курган) данная цифра в 1988 году была выше — 2,5%, но подавляющее число писем от читателей в возрасте до 30 лет приходило лишь после публикации материалов на нравственные темы.

Теперь перейдем непосредственно к анализу практической деятельности молодежных газет². В соответствии с программой исследования³ нами рассматривались лишь те материалы, в которых описывались следующие проблемные ситуации: противоречия между общественными и личными интересами; между широкими возможностями участия народа в социальном управлении и недостаточной активностью в этом плане молодежи; между стремлением молодежи к полноценному общению, взаимопониманию и одиночеством, отсутствием взаимопонимания среди части молодежи. Всего за 1985, 1987 и 1989 годы нами был сделан контент-анализ в совокупности 270 материалов, опубликованных в газете „На смену!”. Основные тенденции мы проверяли на менее объемной выборке, проведя контент-анализ публикаций газет „Комсомолец” и „Молодая гвардия” за один и тот же месяц каждых из этих трех лет, что дополнительно составило еще 92 материала.

Проблема противоречия между общественным (государственными, коллективными) и личными интересами занимала ведущее место в проанализированных нами материалах. В 1985 году публикации по этому вопросу составили 54% от общего числа, в 1987 году — 48% и в 1989 — 51%. Некоторое уменьшение количества публикаций, касающихся этого вопроса, можно связать с переменами, которые произошли в обществе. Принятие ряда законов, позволяющих уйти от пресловутой „уравниловки” в оплате труда, демократизация всех сфер общественной жизни, утверждение принципа гласности — все это способствовало урегулированию в какой-то степени противоречий между общественными и личными интересами⁴.

Однако проведенный нами в 1989 году выборочный устный опрос журналистов газеты „На смену!” показал, что около 80% опрошенных, основываясь лишь на собственных интуитивных предположениях, были уверены в необходимости более активной своей деятельности по подготовке материалов именно по данной проблеме. Подтверждено стремление было, как свидетельствуют приведенные выше результаты контент-анализа публикаций за этот год, и конкретной работой в данном направлении. Наши результаты характеризуют и то обстоятельство, что в среднем в 75% проанализированных материалов была выражена лишь одна точка зрения (в 1985 году — в 79% материалов, в 1989 — в 69%), более того, около 78% публикаций по этой проблеме (эта цифра почти стабильна все годы) подготовлены профессиональными журналистами.

Включение молодежных СМИ как средства реализации новых общественно-политических установок в перестройку, на наш взгляд, неразрывно связано с процессом психологической перестройки аудитории, изучением условий наиболее эффективного взаимодействия содержания публикаций по тем или иным проблемам с информационными потребностями читателей. К сожалению, ни одна из молодежных газет региона с 1985 по 1991 годы не проводила систематического изучения своей аудитории. Между тем, данные проведенного нами опроса комсомольского актива Свердловской области свидетельствуют, к примеру, что 82% постоянных читателей из числа ответивших, обращаются к газете „На смену!” прежде всего потому, что „доступки”, поведение конкретных людей в тех или иных обстоятельствах, о которых рассказывается, помогают выбрать свою линию поведения”.

В то же время контент-анализ газеты показывает, что в проблемных публикациях 1985 года главное место занимал анализ ситуаций, в которых субъектами взаимоотношений выступали коллективы или группы лиц, — 67% от общего числа материалов. 1987 год в целом подтвердил эту тенденцию. И лишь в 1988 году в проблемных публикациях газеты на первый план все чаще во взаимоотношениях с общественно-политическими организациями, органами власти, а также коллективами людей стала выступать конкретная личность. И если в материалах этого года подобный анализ составлял главное содержание, то в публикациях 1989—1990 гг. наблюдалась тенденция к тому, чтобы взаимоотношения на уровне „личность-коллектив“, где вторая составляющая — персонифицированные организации, органы власти и т. п., заменить вектором „личность-личность“. Подобные публикации в 1989 году составили 48% от общего числа анализировавшихся нами, в то время как та группа, что превалировала в 1985 году, — лишь 27%.

Тенденция к публицистическому анализу проблемных ситуаций на уровне „личность-личность“ была перманентно связана с процессом развития гласности. Одним из последствий сталинизма было и широко пропагандируемое „единомыслие“ как высшего эшелона партийной и государственной власти, так и всех других структур — вплоть до низового комитета комсомола. Принцип: есть два мнения по этому вопросу — мое и неправильное, широко был распространен в застойные годы не только на вершине административно-бюрократической пирамиды власти. Так, проведенный нами анализ проблемных публикаций показал, что в 1985 году лишь в каждой девятой из них представителями одного и того же административного или комсомольского аппарата высказывались противоположные суждения по обсуждаемому вопросу. В 1987 году — в каждой шестой. Необходимо уточнить: с большой долей точности подобный подсчет практически осуществить было невозможно. Более того, весьма условной была и градация этих суждений. Тем не менее тенденции наблюдались весьма характерные.

Значительно активнее журналисты стали высказывать свои суждения по острым проблемам, проявлять свою личную позицию при рассмотрении проблемных ситуаций, не исключая вопросы политического характера. Свердловчанин Б. Ярков, к примеру, анализируя причины, которые привели к забастовке шахтеров Североуральска, не только приводит аргументы председателя стачечного комитета, но и сам, на основании фактов, делает вывод: не в подстрекательстве по материальным мотивам, к которым рады бы свести суть кризиса руководители всех рангов, дело, а в том, что десятилетиями загонялась вглубь „болезнь“ горнодобывающей отрасли, что администрации проще иметь „трирученный“ совет трудового коллектива, чем по-настоящему дееспособный, что здесь возникла настоящая пропасть отчуждения между ИТР и рабочими и для этого есть причины⁵. Пермский журналист Н. Нефитайлов, анализируя не менее драматичную ситуацию, размышляет: „...сейчас любой нерадивый работник на замечание администрации или тем более увольнение по сокращению штатов может кричать о преследовании за политические убеждения. Хороша ширма“⁶.

Тенденция к утверждению в публицистике взаимоотношений героев публикаций, автора и героя и т. д. на уровне „личность-личность“ связана прежде всего с гуманистической направленностью социальной политики государства и общественно-политических структур нашего общества, призванием так называемого человеческого фактора решающей силой преобразований в обществе. Правомерно утверждение, что проблемный подход к изображению человека означает прежде всего вскрытие противоречий социального бытия. „Любой конфликт, возникающий на почве внешних обстоятельств существования человека или его внутренней жизни, даже конфликт, казалось бы, сугубо интимного свойства, прочитывается публицистикой как общественная проблема“⁷. В процессе активизации личности посредством СМИ можно выделить две основных составляющих взаимодействия: влияние журналистики на гуманизацию всех элементов социальной среды; прямое воздей-

вие на индивида, находящегося со СМИ в постоянном контакте. Отстаивая демократические преобразования, способствуя росту социальной активности людей, пресса тем самым усиливает воздействие субъективного фактора на положительные изменения реальной действительности.

В практической деятельности молодежной печати можно назвать следующие направления, связанные с гласностью как ключевым элементом демократии. Политическая направленность гласности выражается прежде всего в том, что она обеспечивает народным массам широкие, всеобъемлющие возможности общественного самоуправления и контроля. „Открывая дорогу подлинно народному контролю, информированности, свободе выбора решений, — отмечал И. Д. Лаптев, — гласность является политикой, обеспечивающей участие масс в самой политике”⁸. И в этом контексте процесс открытого ведения общественных и государственных дел и полное, достоверное информирование граждан по всем основным вопросам общественной жизни как принцип деятельности СМИ должны быть взаимосвязаны. В реальной практике это получило воплощение, например, в прямых телевизионных трансляциях со съездов народных депутатов СССР и РСФСР, сессий Верховного Совета и т. д. Но на низовом уровне подобная практика, к сожалению, распространения не имела. Речь идет не о том, что молодежные газеты должны, допустим, публиковать пространные отчеты со всех заседаний руководящих комсомольских или иных органов. Нынешний уровень решения ими проблем молодежи не всегда отвечает реальным требованиям сегодняшнего дня. Анализ публикации молодежных газет региона Урала позволил нам установить, что, например, за 5 лет перестройки на их страницах ни разу не появились материалы, в которых бы читатели могли познакомиться с противоположными точками зрения членов руководящих органов областных, городских комсомольских (не говоря уже о партийных и советских) организаций по принципиально важным проблемам.

Возможность открыто и свободно обсуждать любой общественно значимый вопрос, участие в его решении усиливают взаимодействие индивида со СМИ. Выражение в проблемных публикациях по острому, прежде всего, общественно-политическим, мировоззренческим вопросам лишь одной точки зрения не может обеспечить достижение прогнозируемого результата. Как свидетельствует практика, перспективным при подготовке публикаций является направление, в котором работают авторы, не только обобщающие, систематизирующие, дополняющие в своих материалах положительные стороны, допустим, общественного мнения, но и в полемической форме обсуждающие то, в чем сегодня в обществе имеются разногласия. Тем самым они предуведомляют возможные вопросы общественности, нацеливают на поиск решений, волнующих проблем. Е. П. Прохоров это правило „учета” в деятельности журналиста состояния аудитории определил как требование „формировать, выражая” или, перемещая акцент, „выражать, формируя”⁹.

Необходимо учитывать, что отражение в деятельности молодежной печати проблемы противоречия между общественными и личными интересами людей связано и с тем, в какой форме органы власти, органы молодежного самоуправления осуществляют учет общественного мнения при разработке и принятии того или иного решения. На этом тематическом направлении возможности молодежных СМИ используются слабо. В уральском регионе даже не существует формы, не создан механизм „передачи” общественного мнения в эти органы.

Сегодня остро стоит вопрос о поиске форм контроля со стороны широких масс молодежи за деятельностью своих руководящих органов. Речь идет не только о комсомоле. После активной кампании по избранию депутатами молодежи комсомольского возраста, в которой едва ли не главенствующая роль была отведена прессе, молодежные газеты лишь считанное число раз вернулись к „своим” депутатам. И то большинство (согласно результатам проведенного нами контент-анализа около 70% от общего числа публикаций, к примеру, в 1989 году) из подобных материалов были подготовлены в жанре интервью или репортажа. Регулярные отчеты народных де-

путатов, комсомольских лидеров должны стать системой не только на уровне взаимодействия с теми, перед кем ты должен держать ответ, в соответствии с правовыми или уставными требованиями, но и при контакте с самой широкой аудиторией. И средства массовой информации здесь должны выполнять, образно говоря, роль не „трибуны“, а „круглого стола“, за которым лидеры собрались с теми из молодых, кто хотел бы услышать отчет о их деятельности, что-то порекомендовать, в чем-то поддержать, а с чем-то не согласится и т. п. Наиболее подходящими для этого могут быть, к примеру, „прямой телефон“ или другие новые формы организационно-массовой работы редакций молодежных газет.

Процесс демократизации общественной жизни, активизации молодежи как одной из ведущих сил перестройки определил выход публицистики прежде всего на уровень политического анализа происходящего. Всплеск деятельности различных новоявленных организаций, молодежных центров, объединений и т. п. сопровождался, как свидетельствуют исследователи¹⁰, их политизацией. Кроме того, мы уже отмечали, одной из главных тем молодежной печати в годы перестройки стало проведение предвыборных пропагандистских кампаний в новых социально-политических условиях, утверждение принципиально других подходов к формированию структур политической власти. Все это заставляло журналистов не только добывать тематического, жанрового, содержательного обновления своих изданий, но и требовало принципиально новых подходов к осмыслению понятия „организационно-массовая работа“. А основным фактором роста влияния любого издания являлась его политическая позиция по острым вопросам социальной практики.

Однако социологи, опираясь на результаты своих исследований, отмечали и такую тенденцию, характерную для периода перестройки: среди молодежи низка, в целом, была степень удовлетворенности жизнью. Так, только 16,4% всех участников одного из социологических исследований¹¹ указали, что у них улучшилась жизнь после 1985 года, всего 22,3% надеются на ее улучшение в ближайшие годы. У многих возрастает ощущение отчужденности от решения политических вопросов, управления государством.

Противоречию между широкими возможностями участия народа в социальном управлении и недостаточной активностью в этом молодежи печать уделяла самое пристальное внимание. Проведенный нами контент-анализ проблемных публикаций свидетельствовал, что в 1985 году в молодежных газетах региона Урала материалы данного тематического пласта составляли 28% от общего числа проанализированных, в 1987 году — 33%, в 1989 — 22%. Некоторое снижение численности публикаций по данной проблеме можно объяснить определенной переориентацией журналистов молодежной печати. Вопрос „почему не участвует молодежь в социальном управлении?“ постепенно и логично оказался связан еще с двумя вопросами: „как участвует молодежь в этом управлении, в какой форме?“ и „какие реальные перспективы открывает оно для молодежи как социальной группы общества? Здесь заметна следующая тенденция: в период с 1985 по 1989 гг. число материалов, отвечающих на вопрос „как?“, возросло в пять раз, в то же время, публикации о „перспективах“ в 1987 и 1989 гг. появлялись примерно с той же частотой, а рост их числа — вдвое — наблюдался лишь по сравнению с 1985 годом.

Период гласности, когда оказались сняты многие тематические ограничения, по существу, поверг в растерянность молодежные газеты, не имеющие собственной концепции, приоритетных направлений осмысления действительности. И социологические исследования показывают, что если в первые годы перестройки у молодых людей преобладал интерес к субъективной, фактической стороне политической жизни, то на рубеже 80–90-х годов у них все больше возникала потребность в методологических знаниях¹².

Проведенный нами опрос партийных и комсомольских работников региона показал, что более 60% ответивших считают, что их областная молодежная газета „играет заметную роль в общественно-политической жизни области“. „А устойчивая

тенденция к росту тиража свидетельствует о росте их авторитета, популярности этих газет в среде молодежи”¹³.

Карл Маркс заметил: „Как и сама жизнь, пресса находится всегда в становлении, и ничто в ней никогда не закончено”¹⁴. Отраженная в этих словах взаимосвязь точно характеризует форму отношений общественных и творческих процессов. Их диалектический характер, взаимопроникновение и взаимовлияние рассмотрим на конкретных примерах.

Некоторые исследователи считают, что пока молодежная печать все еще выступает в новых условиях лишь как инструмент разрушения стереотипов прошлого, и что, увлекшись этим, оставила в стороне практический опыт перестройки¹⁵. Подобное мнение, как показал проведенный нами опрос, присуще и примерно для 25% партийных и комсомольских работников, так или иначе связанных с молодежной печатью. Однако контент-анализ газет „Комсомолец”, „Молодая гвардия”, „На смену!” свидетельствует, что проблемные публикации, которые условно можно отнести к группе материалов, отражающих новые подходы, взгляды, точки зрения в оценке прошлого или того, что характерно для социальной практики сегодня, хотя и преобладают в целом, но назвать их однозначно „разрушительными” нельзя. Около 34% из них имеют конструктивную часть, непосредственно и органично входящую в структуру произведения, примерно 21% подобных материалов содержат комментарий, 19% — отражают различные точки зрения на факты, события и т. п.

Рассматривать процесс практической деятельности молодежной журналистики без учета как реальной общественно-политической ситуации в тот или иной период перестройки, так и без дифференциации творческого процесса, просто необъективно. Характерно, что суждения партийных и комсомольских работников в подавляющем большинстве случаев были основаны не на каком-либо системном анализе молодежной прессы, а лишь на сугубо эмпирическом опыте, по сути — чисто читательском восприятии¹⁶.

Сопоставив результаты нашего опроса, данные анализа публикаций, систематизировав показатели дифференциации вновь поступавшей в редакции молодежных газет региона читательской почты, попытаемся выделить основные принципиальные политические позиции этих газет в подходе к проблеме противоречий между широкими демократическими возможностями и недостаточной активностью молодежи. Как свидетельствуют факты, именно эти позиции были чаще всего решающими при завоевании газетой авторитета у читателей, их доверия. Вот их суть:

- последовательная поддержка и развитие демократических преобразований в обществе, стремление к конструктивному политическому диалогу о путях, ведущих к полновластию Советов, разграничению сфер общественного и государственного, частного и государственного, и созданию социалистического правового государства;

- поддержка демократической реформы партии и комсомола, дискуссионный характер обсуждения этих вопросов, представление широкого спектра мнений и суждений по ним;

- систематическая публикация материалов, восстанавливающих историческую правду и справедливость; развенчивание сталинизма и порожденной им командно-административной системы, извративших саму социалистическую идею;

- последовательная борьба против раскола перестроечных сил, но решительное размежевание с теми, кто догматически, не вступая в диалог, отстаивает избранность лишь собственной концепции дальнейшего развития общества;

- объективное представление всей совокупности неформальных объединений молодежи и сопутствующей им субкультуры;

- выступление за свободу слова, печати, за свободу собраний; как следствие — приобретение молодежной печатью весьма своеобразного неофициального статуса „официально-неформальной прессы”;

- проведение ряда широкомасштабных акций экологического, историко-культурного и т. д. характера, которые в силу своей общественной значимости, массовости переросли „отраслевые” рамки и приобрели определенное политическое звучание;

— систематическое информирование читателей об актуальных событиях политического характера не только в регионе, выражение точки зрения редакции, коллектива авторов, отдельного журналиста молодежной газеты по вопросам, которые имеют или могут иметь неоднозначное толкование;

— бескомпромиссная критика, „не взирая на чины и лица“, в тех случаях, когда имеются веские основания и доказательства проявления политической трескотни, демагогии, нарушения принципа социальной справедливости;

— постепенная переориентация молодежной печати с прежних „административно-командных“ принципов действительности печати на те, при которых „главным гарантом действительности журналистики становится общественное мнение, выраженное и сформированное печатью, единство требований общественности, вызванных разоблачениями печати, готовность широких масс трудящихся поддержать выступления печати активными политическими действиями“¹⁷.

Одним из решающих факторов завоевания молодежными газетами авторитета у читателей была, как мы отметили, последовательная поддержка демократических преобразований в обществе. Например, на самом первом этапе перестройки внимание газет было акцентировано прежде всего на политический и экономический ее аспекты. Каждая из них искала собственный подход к осмыслению процессов, происходящих в обществе.

Журналисты „На смену!“ в публикациях факультета политической культуры „Аргумент“¹⁸ вели на различных уровнях обсуждение актуальных вопросов политической жизни региона, участия в ней молодежи. В публикациях рубрики „Резервы экономики“ шел разговор об опыте деятельности предприятий и организаций, первыми перешедших на новые формы хозяйствования. Подборки материалов полосы „Уроки экономики“ были своего рода „экономическим всеобучем“.

Газета „Молодая гвардия“ акцентировала в этот период главное внимание на том, чтобы дать своим читателям представление о новом экономическом мышлении, его значениях в повседневной деятельности. Характерно это и для челябинского „Комсомольца“. Какое-то время эти молодежные газеты словно аккумулировали энергию, прежде чем анализ происходящего на их страницах стал по-настоящему глубоким, публикации яркими и своеобразными. Связано это, конечно, было и с общими тенденциями развития перестройки по нарастающей, но не в меньшей степени и с тем, что в 1985–87 гг. концептуальным стержнем анализа в подавляющем большинстве проблемных публикаций была лишь тема участия комсомольцев в перестройке. На наш взгляд, это в значительной степени сковывало творческие возможности журналистов. Особенно в публикациях на экономическую тему.

Поворотными во многом можно считать публикации, которые появились в молодежных газетах в преддверии XIX Всесоюзной партийной конференции, когда первоостепенным стал вопрос о необходимости политической реформы, о создании правового государства, и в период кампании по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Газета „Молодая гвардия“ в рубрике „Партия и комсомол: опека или руководство?“¹⁹ начала принципиальный разговор о живучести административно-командных методов руководства в различных социальных сферах. В рубрике „Открытая трибуна“²⁰ была представлена целая „галерея“ представителей неформальных объединений города и области, имеющих уже достаточно большое влияние среди различных слоев молодежи. Политклуб „Молодой гвардии“ в качестве „отправных точек“ долговременной дискуссии по самым острым вопросам современности выносил на обсуждение темы: „Мы и перестройка“, „Учимся демократии“ и отражал весь многоцветный спектр мнений и суждений, имеющихся в обществе.

Политклуб газеты „Комсомолец“, который челябинские журналисты называли „Современник“, также был ориентирован прежде всего на форму диалога с читателями. Традиционной и весьма читаемой, судя по опубликованным откликам, стала здесь подборка материалов рубрики „Почту политклуба читает ученый“²¹. Жур-

налисты „На смену!“ на свою „Дискуссионную трибуну“ вынесли острые вопросы практического утверждения принципа демократизации в различных общественных сферах²², взаимоотношения с неформалами²³, в материалах рубрики „Перестройка: действующие лица“ попытались вместе с читателями и постоянными авторами найти ответ на вопрос о том, всегда ли неформальный лидер трудового или, к примеру, учебного коллектива становится лидером формальным, что этому мешает?

По-настоящему общезначимой стала позиция молодежных газет региона в период подготовки к выборам народных депутатов СССР. Очень важно, что, публикуя программы кандидатов в депутаты, интервью и „горячие телефоны“ с ними, репортажи и отчеты с предвыборных собраний, молодежные издания как региона, так и всей страны выступали здесь своего рода общественным арбитром²⁴. В этот период усилия молодежной прессы начали обретать черты программности. Положения новой молодежной политики получили в то время конкретное выражение, прежде всего, в проекте предвыборной платформы ВЛКСМ. Государственную значимость этой программе придало обсуждение проекта Закона Союза ССР „О молодежи и государственной молодежной политике в СССР“.

Говоря о дискуссионном характере публикаций молодежных газет в поддержку демократической реформы партии и комсомола, необходимо отметить, что в большей степени это проявилось в период подготовки к XX съезду ВЛКСМ. Проведя контент-анализ публикаций по данной тематике за месяц, предшествовавший дню открытия съезда, и сравнив работу в этом направлении журналистов „Комсомольца“, „Молодой гвардии“ и „На смену!“, мы установили такую закономерность: во-первых, значительно более конструктивными стали проблемные материалы (в 64% из них содержатся конкретные пути решения той или иной проблемы, в 17% из них предлагаются альтернативные решения); во-вторых, значительно расширился авторский актив по сравнению даже с публикациями на эту тему в 1989 году (лишь около 24% материалов написано журналистами); в-третьих, практически в каждой второй публикации нашли отражение в той или иной форме условия, без которых, по мнению авторов, невозможно решительное обновление комсомола: отказ от слепого копирования форм и методов партийной работы, от комсомола как „института“ управления молодежью, от многих догм и стереотипов, долгие годы формировавших мировоззрение молодых людей и т. п.

Можно говорить и о взаимосвязи двух тенденций, нашедших прямое отражение в молодежной печати: явном обнажении острых социально-экономических проблем и реакции на это, каковой явилась политизация самых широких слоев молодежи. Первым этапом этого сложного, противоречивого процесса было отрицание подавляющего большинства существовавших в прежние годы форм деятельности комсомола как самой „массовой“ организации молодежи. Как следствие — волна „разоблачительных“ публикаций, главными героями которых, как правило, были не система „ременной передачи“, являвшаяся составной частью тоталитарной машины, оформленная под „общественную организацию“, а рядовые аппаратчики, секретари комитета комсомола или комсорги, прячущие свою бездеятельность за липовые отчеты и т. д. Второй этап был чисто митинговым, с образованием множества неформальных групп общественности, с выходом на прямой диалог с администрацией, представителями власти, различных организаций.

Где удалось „стихию“ направить в организованное русло, как в Свердловске, где выразитель любых взглядов мог защищать их на общегородской „Дискуссионной трибуне“, собирающейся раз в месяц, там получили прекрасную возможность наладить систему общественного взаимодействия. Статьи, определенную роль в популяризации „Трибуны“ сыграла и газета „На смену!“. Она регулярно печатала отчеты с наиболее интересных „диалог-споров“, а впоследствии с наиболее активными участниками был проведен „Горячий телефон“, также вызвавший большой общественный резонанс в области²⁵.

И наконец, уже третьим этапом процесса политизации молодежи была непосредственно предвыборная борьба за места в Советах различного уровня.

Годы перестройки были характерны для молодежных газет региона и тем, что в этот период систематически появлялись публикации, отражающие различные социальные явления. Не останавливаясь специально на этом вопросе, предполагающем, на наш взгляд, отдельное рассмотрение, отметим, что, поскольку данные явления обусловлены, как правило, и причинами гносеологического, а также психологического характера, то они требуют и определенных форм отражения в журналистике. Наиболее примечательным из этого ряда, по нашему мнению, является популизм.

Философский словарь трактует его так: „Политические течения консервативно-романтического или псевдорадикалистского характера, для которых свойственна неопределенная и нередко демагогическая апелляция к „народу“... Основными признаками такого П. считаются принцип приоритета „воли народа“ и стремление лидеров к прямым контактам с массами без посредничества к-л. политич. институтов”²⁶.

Полагаем, что практика перестройки, демократическое „взросление” нашего общества внесли определенное новое значение²⁷ в этот политический термин. Что же касается проявления популизма как способа целенаправленного воздействия на определенную часть читательской аудитории того или иного издания, то, думаем, практическая деятельность дает все основания для его специального выделения в качестве своеобразного „приема” ведения политической борьбы, „способа” использования печати при решении определенных задач, как правило, политического характера.

Популизм в журналистике мы определяем как совокупность информационных, жанровых, тематических, стилистических и т. п. свойств текстового, звукового, визуального материала, обусловленных специфической задачей завоевания абсолютного (полного) доверия у подавляющего большинства читателей, слушателей, зрителей — на базе потребностей аудитории с учетом ее интересов, ожиданий, предпочтений.

В большой степени популизм был характерен для так называемой альтернативной печати: в период предвыборной кампании 1989 и 1990 года, при возникновении острых социально-экономических ситуаций в том или ином регионе страны, при обсуждении материалов к XXVIII съезду КПСС и т. д. Публикации подобного рода были отражением тех противоречивых, порой взаимоисключающих друг друга точек зрения, мнений, суждений по различным вопросам общественно-политической и экономической жизни страны, которые характерны для различных групп населения (примечательно, что условно делятся они не по социально-демографическим, профессиональным и т. п. признакам, а по сугубо мировоззренческим).

В материалах печати популистского характера присутствует определенная тенденциозность в подборе необходимой информации, толковании фактов, смещении жанровых признаков. Упрощение сути дела до положений и тезисов, содержащих логико-эмоциональный сплав острых политических оценок, диктует и совершенно особый стиль изложения: с использованием разговорной речи, ярких образов, профессионализмов и диалектизмов и т. п. Но все же главным признаком подобных публикаций является предельно острая постановка проблем, анализ ситуаций, которые именно в данный момент волнуют подавляющее большинство людей данной области, региона, а может и всей страны. Неполнота выдаваемой информации или смягченные оценки, характерные для подавляющего большинства „официальных” публикаций прессы, в данном случае лишь усиливают доверие аудитории к материалам популистского характера.

И последнее, на что здесь необходимо обратить внимание: подобные публикации чаще всего связаны с определенной личностью, выступающей либо в качестве главного адресата критики, либо субъектом отношений с различными общественно-политическими институтами.

Все вышеизложенное отнюдь не означает, что популизм необходимо рассматривать лишь под однозначно негативным углом зрения. Это своего рода „митинговая журналистика“, необходимая и возможная на совершенно определенном этапе развития демократического общества.

Определенные элементы популизма активно использовали и анализируемые нами молодежные газеты. К примеру, газета „Комсомолец“ в 1989 году активно провела широкомасштабную акцию по защите так называемого Аркаимского историко-археологического комплекса²⁸. Суть в том, что комиссия Академии наук СССР, сделав заключение об огромной научной и общекультурной ценности обнаруженных при раскопках реликвий II века до н. э., тем не менее была не в силах остановить уже ведущееся строительство Караганского водохранилища, с введением в строй которого под воду ушло бы все то, что ученые назвали открытием десятилетия. Предельно острая постановка проблемы, эмоциональность и „задиристость“ публикаций, обращенных непосредственно к общественному мнению, сыграли свою роль. В редакцию, в различные государственные органы пошли десятки, сотни писем, коллективных обращений, в которых позиция газеты однозначно поддерживалась. Совершенно конкретных адресатов имела и каждая из десяти больших публикаций по этой теме. Наступательность газеты, поддержка общественностью и многими читателями помогли достичь нужной результат: Совет Министров РСФСР, Уральское отделение Академии наук СССР и Министерство мелiorации республики нашли альтернативное решение, при котором Аркаимское открытие сохранено для людей.

Приобретенный опыт помог челябинским журналистам и при организации на страницах своей газеты референдума читателей на тему: „Быть ли на земле Южного Урала атомной электростанцией?“²⁹. В течение двух месяцев в редакцию пришло более полутора тысяч писем. На волне общественного внимания к данной проблеме работникам редакции удалось преодолеть ведомственные барьеры секретности и опубликовать материал о трагедии людей, попавших в зону ядерной аварии близ города Кыштыма в 1957 году. Подобная публикация появилась впервые с тех лет³⁰. Суть своих трагических переживаний, связанных с потерей близких, собственной смертельной болезнью, излагали люди, пережившие тот „таинственный“ доселе в печати день.

„Молодая гвардия“ в данном контексте примечательна опытом проведения акции „Молодежь — милосердию“, когда почти весь номер газеты посвящался теме борьбы с алкоголизмом, наркоманией в молодежной среде³¹.

В газете „На смену!“ появилась серия публикаций, которую журналисты называли по рубрике, их объединяющей — „Депутатская площадь“³². Тематически она объединяет не только материалы, представляющие точки зрения депутатов всех уровней по актуальным вопросам, интервью с ними, переданные через газету депутатские запросы в различные инстанции и т. п., но и мнения, суждения читателей о работе своего депутата, наказы тем из них, кто готовится к работе в Верховном Совете, отправляется на съезд народных депутатов. Примечательно, что после известных событий в Свердловске, связанных с несанкционированным митингом на главной площади накануне Нового года, материал о роли ряда народных депутатов СССР, переведших стихийное выступление в организованное русло, также появился под этой рубрикой.

В первые годы перестройки немалую роль в утверждении авторитета молодежных газет сыграло то обстоятельство, что на их страницах появлялись материалы, которые в силу причин, отмеченных нами выше, могли печататься лишь в альтернативных изданиях. Такие, как интервью с Роем Медведевым, опубликованное в „Комсомольце“, стенограмма выступления Б. Н. Ельцина, увидевшая свет в „Молодой гвардии“, ряд других публикаций, где выражалась точка зрения людей, чье имя в известный период было нежеланно в официальной печати. Из числа подобных материалов был и напечатанный в газете „На смену!“ под лапидарным заголовком „Перестройка и законность“³³. Но в нем доктор юридических наук В. Исаков

обосновывал ни много ни мало как незаконность принятого только что решения исполкома Свердловского горсовета народных депутатов „О порядке предоставления трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц, площадей, садов, скверов г. Свердловска для проведения собраний, митингов, шествий, демонстраций и иных массовых мероприятий“. Мы считаем, данные публикации определенного характера, как и ряд других материалов об актуальных политических событиях в различных регионах страны³⁴, восстанавливающих историческую правду и справедливость³⁵, дающих объективное представление о всей совокупности различных неформальных объединений³⁶ и т. д., дают основание к тому, чтобы говорить о приобретении молодежной печатью региона весьма своеобразного статуса „официально-неформальной прессы“. Что мы под этим понимаем?

В размышлениях К. М. Симонова о личности Сталина³⁷ есть описание примечательного эпизода. И. В. Сталин, рассуждая об изменении статуса „Литературной газеты“, говорит ее редактору — Константину Симонову: „Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а „Литературная газета“ — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим ставить официально. „Литературная газета“ как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остrote постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это „Литературную газету“, но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело“³⁸.

На наш взгляд, в этих словах психологически точно переданы отношение административно-командной системы к некоторым изданиям и та роль, которая отводилась им в условиях тоталитарного режима. В первые годы перестройки еще сохранялись некоторые подобные традиции. Но процесс демократизации всех сфер общественно-политической жизни заставлял „поступиться принципами“ и тех, кто всегда ратовал лишь за „идеологически выверенный“ курс средств массовой информации. Молодежная пресса с ее „официально-неформальным“ статусом была своего рода „клапаном“ для „выпускания пара“. Партийные органы нередко критиковали свою молодежную газету за публикацию тех или иных материалов, но чаще всего „чрезвычайные“ санкции не применяли, и она продолжала свое дело в качестве своеобразного барометра общественного мнения³⁹.

Если наша гипотеза верна, тогда станет понятно, почему, например, в случае с „Комсомольцем Удмуртии“ обком партии, постоянно оказывая давление на обком ВЛКСМ, редактора газеты, пугая „разгоном“ редакции⁴⁰, тем не менее ни разу не осуществил на практике свои угрозы.

Еще одна примечательная деталь. Проведя контент-анализ критических публикаций молодежных газет, мы установили, что в тех случаях, когда имелся конкретный адресат критики, весьма в своеобразной форме впоследствии проявлялась ответственность материалов. В 1985 году, если судить по появившимся впоследствии на страницах анализируемых нами газет официальным ответам, примерно 60% из них поступало от комитетов ВЛКСМ и около 40% — от различных государственных, хозяйственных и т. д. учреждений и организаций; в 1987 году цифры соотносились так — 75 и 25%; в 1989 — 88 и 12%. Причем, все это при общей тенденции снижения общего числа официальных ответов (в 1989 г. по сравнению с 1985 г. почти втрое). Вероятно, руководители различных органов, учреждений, организаций в какой-то мере осознали „неофициальность“ статуса, отведенного молодежной печати, и считали возможным „отмалчиваться“.

Но только ли отрицательное значение имеет то, что сегодня оказались во многом разрушенными прежние административно-командные принципы организации деятельности, когда руководители различного ранга, лишь боясь нажима „сверху“, вынуждены были считаться с публикациями тех же молодежных газет и мнениями, отраженными в них? На наш взгляд, куда более значимым в сегодняшних условиях

является то, что главным гарантом действенности печати все чаще становится общественное мнение, выраженное и сформированное ею.

Доказал это и весь ход предвыборной борьбы в 1989 и 1990 году, когда многие аппаратчики, хозяйственные руководители вынуждены были уступить так называемым радикалам, видящим не только конкретные пути решения той или иной частной проблемы, но и перспективные направления. Не случайно, к примеру, что тогдашние первые секретари Свердловского и Челябинского обкомов партии свое неизбрание народными депутатами СССР объяснили лишь негативной ролью, сыгранной в этом случае СМИ. Проблемные публикации молодежной печати все больше приобретали концептуальный характер и, конечно же, иной становилась практика деятельности газет: главным критерием действенности все чаще можно было считать не полученные официальные письма первых лиц, а готовность общественности, самых широких масс поддержать выступления печати своими активными действиями.

Анализируемый нами временный период, как уже отмечалось выше, примечателен и тем, что именно в середине 80-х годов советское общество столкнулось с таким относительно новым, а, следовательно, и неоднозначно трактуемым официальным явлением, как молодежные объединения. На наш взгляд, отечественные педагоги, психологи, другие специалисты с заведомым опозданием обратились к изучению данной проблемы. В свою очередь, оперативно подготовленные публикации в печати чаще всего носили поверхностный характер, в них делались скоропалительные выводы и обобщения.

Внимание к молодежным объединениям, выявленные в ходе исследований группы психологических причин, приводящих молодых людей и девушек в различные самостоятельные организации⁴¹, позволили вместе с тем сформулировать проблему значительно шире: как проблему общения и одиночества молодых людей. Анализ публикаций молодежной печати региона по данной проблеме логически завершит рассмотрение нами основных способов реализации творческих возможностей журналистов в годы перестройки, поскольку без ее решения практически невозможно успешно решить и две предыдущие рассмотренные нами проблемы: противоречие между общественными и личными интересами, а также между широкими возможностями участия людей в социальном управлении и недостаточно активном участии в нем молодежи. Тесно взаимосвязана проблема общения и одиночества также с той, что является как бы ее следствием: правовое воспитание и асоциальное (отклоняющееся) поведение молодежи.

Проведенный нами контент-анализ проблемных публикаций газет „Комсомолец“, „Молодая гвардия“ и „На смену!“ показал, что материалы по проблеме общения и одиночества в данных газетах занимали далеко не главное место⁴². В 1985 году они составляли 18% от общего числа проанализированных, в 1987 году — 19% и лишь в 1989 году этот показатель возрос до 27%. Примечательно, что в среднем в 70—75% публикаций по данной проблеме анализ ведется лишь в рамках: личность в контексте свободного времени. Для сравнения приведем другую полученную нами цифру: такой аспект, как морально-психологический климат трудового или учебного коллектива и деятельность в его рамках неординарной, творческой личности, нашел отражение лишь в 0,9% публикаций.

Что характерно здесь было для газетной практики? Во-первых, с переходом газет „Комсомолец“ и „Молодая гвардия“ с января 1988 года на форму еженедельника изменился и структурный состав публикаций по анализируемому нами тематическому направлению. Так, к примеру, проблема организации свободного времени в данных газетах в 1985 и 1987 гг. находила отражение в основном в рейдовых материалах, репортажах, зарисовках, отчетах и т. д. В 1989 году в среднем уже около половины публикаций носили аналитический характер.

При решении проблемы общения и одиночества молодежные газеты нередко брали на себя и организаторскую роль. Во всех анализируемых газетах после 1988

года появились рубрики „Ищу друзей по переписке“, на страницах „На смену!“ стали раз в неделю появляться объявления службы семьи и брака „Вы разрешите с Вами познакомиться“. Журналисты „Комсомольца“ с сентября 1989 года стали совместно с городской „Службой знакомств“ выпускать еженедельное приложение к газете, которое называли „Интим“. Круг вопросов, освещаемых на его страницах, достаточно широк: от семейных — до сугубо хозяйственных. Главное место в еженедельнике занимают брачные объявления. Причем большая часть доходов от этой издательской деятельности перечисляется детским домам и на другие благотворительные нужды.

Одиночество на миру... Эта тема была лейтмотивом многих публикаций молодежных газет. Ее аспекты: семейные и бытовые отношения, любовь и дружба, проблемы неформального общения и т. д. Но, к сожалению, газеты и их авторы довольно редко выходили на уровень социального анализа, ограничиваясь констатацией известного. Широкий отклик имели такие публикации, как „Деревня без невест“⁴³. Журналист „Комсомольца“ Ю. Федоров подготовил цикл публицистических статей. Размышляя над проблемами деревень, которые еще недавно называли „неперспективными“, он выбрал в качестве отправной точки ситуацию, сложившуюся в результате проведения бездумной кадровой политики в совхозе „Донгузловский“. О каком закреплении молодежи может идти речь, если все близлежащие деревни оказались... без невест. Негде выпускникам местных школ работать, кроме ферм-развалюх, вот и тянутся в города. А за ними вслед и парни уезжают. Пустеют села.

На уровень социального анализа вышли в некоторых публикациях по данной проблеме и пермские журналисты. Они задумались: почему во многих письмах в редакцию звучало одно и то же: мечтаем уехать в город из этой затхлой, душной атмосферы периферии, с ее вечной скукой и всеохватным пьянством. Пришла идея провести операцию „Периферия“. Так называли они и новую газетную акцию. Как живет „малая родина“? Чем там живут люди? Какие перспективы у того или иного городка, села, деревни? На эти и другие вопросы журналисты нашли немало ответов. Публикации дали богатую пищу для размышлений не только читателям, руководителям различного ранга, но и социологам, психологам — поскольку содержали серьезные суждения, предложения по самым различным вопросам бытия сельской глубинки.

Примечательно, что была использована и принципиально новая для „Молодой гвардии“ форма взаимоотношения с читательской аудиторией: выпуски „Периферии“ из мест традиционного расселения татар — Бардымского района, коми-пермяков — Кудымкара и других — выходили на двух языках — русском и национальном.

В среде партийных и комсомольских работников довольно распространено мнение, что публикации о так называемых „жареных“ фактах и негативных явлениях нашей действительности составляют едва ли не главную цель многих молодежных газет. Но наш анализ показал, что в общем числе проблемных материалов они составляют менее 5%. Это средняя цифра. В 1987 году она была несколько выше, именно тогда в упоении от завоеваний гласности журналисты представили на суд читателей галерею новых газетных „героев“ эпохи перестройки: наркоманов, проституток, гомосексуалистов и т. д. А в целом, как видим, перекоса тематического не наблюдается. Другое дело, что социологи, проводившие контент-анализ публикаций молодежных СМИ, справедливо отмечали, что в материалах по проблемам одиночества, отклоняющегося поведения молодежи и т. п. рассматривают данные проблемы лишь с идейно-нравственных позиций и значительно, в десятки раз реже — с организационно-управленческих, с социально-политических позиций, сводя таким образом их лишь к плохому воспитанию молодежи.

К примеру, „Молодая гвардия“ опубликовала почти подряд серию материалов о представителях „группы риска“⁴⁴. Но анализ этих публикаций свидетельствует о том, что в данном случае авторы лишь: а) сообщили о том, почему прежде не писали об этом явлении; б) представили несколько „картинок с натуры“; в) дали возмож-

ность высказаться (почти всегда анонимно) самим представителям „группы риска“; г) и, наконец, завершили все либо такой немудреной „моралью“, либо беглым правовым комментарием. Подобный шаблон построения скороспелых публикаций „на злобу дня“, к сожалению, был характерен для многих молодежных газет.

Что можно предложить в качестве альтернативы подобному подходу к теме? На наш взгляд, наиболее перспективен путь, который был избран газетой „На смену!“ в освещении достаточно традиционного тематического ракурса: подросток и общество. Так называемые „трудные подростки“ также весьма частые герои публикаций с „моралью“ — чему их учат семья и школа? Журналисты решили не просто изучить данную проблему, а провести долговременную акцию под общим названием „В Мастерской человека“, взяв названием известные слова крупнейшего чешского педагога-гуманиста Яна Коменского о предназначении истинной науки воспитания. Даже сами рубрики: „Монолог трудного“, „Инцидент“, „Без фальши и идеализации“, „Изучаем проблему“, „Бескорыстие“ и др. немало говорят о направлениях, в которых шло углубление темы, и о том, что у данной акции был совершенно конкретный читатель. Письма, приходящие в адрес отдела, который готовил подборки „Мастерской...“, свидетельствовали, что как у педагогов, так и у самих подростков данные материалы пользовались одинаковым вниманием.

В случаях же, когда та или иная острая публикация была не более, чем средством привлечения внимания читателей к своему изданию, например, в период подписной кампании, создавалась ситуация, точно и образно переданная журналистом молодежной газеты: „Скрыли в одном месте очередной гнойник, глядишь через месяц-другой за тысячи верст, в других газетах репортеры по тому же следу идут. Материалы о притюфках, о гомосексуалистах, о моргах, о кладбищах — они же как костяшки домино с запада на восток прокатились шелкающей волной. И сгнули с полос. Будто проблемы эти, по верхам которых мы пробежались, уже разрешены“⁴⁵.

Тут сказывается и то, что журналисты зачастую не имеют элементарного представления о психологических основах, особенностях ведения пропаганды. Кстати, 12% опрошенных нами журналистов, указали, что хотели бы углубить свои знания прежде всего по психологии. Актуальна и проблема разработки специалистами рекомендаций о возможных аспектах, может быть, даже пределах освещения той или иной темы, связанной с отклоняющимся поведением. Не секрет, что нередко публикации в прессе лишь стимулируют интерес, приводят к бессознательному подражанию, а как результат — распространению, по принципу „снежного кома весной“, далеко не безобидных явлений⁴⁶.

В заключение необходимо отметить, что молодежная пресса сегодня играет весьма заметную, важную роль в системе средств массовой информации страны. Усложнение ее структуры, связанное с реальным включением в нее альтернативной прессы, а также других новых изданий, возникших в последние годы; заставляет редакции молодежных газет искать свои подходы к своему читателю, а также отказаться от многих сложившихся стереотипов по отношению к молодежи, установок, уже не „работающих“ в сегодняшних условиях.

Поиск неординарных подходов, своего пути к читателю, на наш взгляд, выражался во второй половине 80-х годов и в том, что редакции молодежных газет активно применяли в практической деятельности новые формы организационно-массовой работы. Рассмотрим наиболее важные из них.

§ 3. Опыт организационно-массовой работы молодежных газет во второй половине 80-х годов („Прямая линия“)

Одним из важнейших аспектов проблемы результативности средств массовой информации является учет общественного мнения, умение влиять на него.

Исследователями печати много внимания уделяется этой проблеме, особенно анализу читательской почты. И не случайно. Ведь письма в редакцию — основной канал связи с аудиторией. Расширяющийся процесс демократизации общества, новые задачи, стоящие перед ним, а также привлечение к управлению все большего числа советских граждан требуют новых форм и методов организационно-массовой работы редакций, позволяющих учитывать не только отдельно выраженное мнение, но и совокупность мнений, суждений.

В ряду новых форм работы, утверждающихся сегодня, можно назвать, например, всенародное обсуждение различных программных и законодательных документов на страницах газет, выездные редакции, очные и заочные читательские „летучки“, группировку писем по отдельным аспектам проблемы и создание на этой основе как бы коллективной проблемной статьи и ряд других¹. Они изучены теоретиками журналистики пока недостаточно. А к тому важному опыту, как активное внедрение в практику работы редакций молодежных газет новых форм оперативной связи с читателями, исследователи вообще не обращались.

Об эффективности этой формы непосредственного контакта с читателями свидетельствуют результаты проведенного нами опроса журналистов молодежных газет региона: 40% из них считают, что активное использование различных форм оперативной связи с читательской аудиторией поможет „молодежке“ работать более целенаправленно и результативно.

В этой связи необходимо прежде всего оценить так называемые „Прямые линии“. Технология их проведения такова. Редакция загодя и неоднократно извещает своих читателей (как правило, на первой странице), что в такой-то день, в такое-то время они могут, позвонив по указанному телефону, задать свои вопросы известному, компетентному человеку или нескольким собеседникам, а также высказать свои мнения и предложения. После этого прямого — без посредников — разговора его стенограмма оперативно публикуется в газете².

В „Комсомольской правде“ эта форма организационно-массовой работы называется „Прямая линия“. В газетах „На смену!“ и „Комсомолец“ — „Горячий телефон“, в „Молодой гвардии“ — „Прямая линия“. В некоторых других молодежных газетах остановились на названиях „Прямой провод“, „Редакция слушает“, „Приглашаем к разговору“ и т. п. Но, несмотря на различие в названиях, с точки зрения формы проведения и содержательной стороны, все эти газетные акции примерно одинаковы. Поэтому для удобства в дальнейшем будем называть эту форму организационно-массовой работы единым термином — „Прямая линия“.

Пресса во второй половине 80-х годов не просто отразила процесс активизации общественной жизни, но и в какой-то мере явилась опытным полем, где вызревали новые идеи, рожденные от соприкосновения двух взаимопроникающих силовых потоков перестройки — сверху и снизу. Этот достаточно распространенный образ, как нам кажется, весьма точно передает тот качественный скачок, который совершили молодежные газеты в первые годы перестройки, введя в практику своей повседневной деятельности „Прямые линии“. Принципиально другим стал уровень обсуждения актуальных проблем экономической и общественно-политической жизни общества, изменился характер почты, поступающей в редакцию, обновился арсенал способов повышения действенности выступления печати. Но об этом чуть ниже.

Как известно, одним из аспектов социально-психологической теории пропаганды является изучение и отображение характерных особенностей сознания, психологии конкретных социальных типов (уровня знаний, интересов, структуры взглядов, мироотношения и т. д.), проявляющихся в их социальном поведении³. На наш взгляд, факт появления такой формы работы, как „Прямая линия“, связан прежде всего с психологической перестройкой, о которой мы подробно говорили в первой главе. Психологическая перестройка, как мы отмечали, отражает прежде всего изменения внутреннего мира человека, ориентации и мотивации его поведения, а также связана с формированием умонастроения, выражающего положитель-

ное активное отношение к решению новых задач, готовность к действию. Учитывая это, можно предположить, что качественное преобразование духовного мира людей на каком-то этапе должно было проявиться не просто в стремлении как можно больше узнать о тех или иных явлениях действительности, но и в том, что возникла насущная необходимость выразить свое личное отношение к ним.

„Нас часто спрашивают, — рассказывал ответственный секретарь „Комсомольской правды“ Ю. М. Лепский. — „Скажите, а кто придумал „Прямую линию?““, „Жизнь, — отвечаем мы. — „Прямую линию“ придумала жизнь“. Как хотите, но это действительно так. Помните, у Светлова: „Новые песни придумала жизнь...“. Мы стали и свидетелями и участниками процессов широкой демократизации жизни страны, тех серьезнейших изменений в нашем обществе, на которые газета просто не могла не реагировать“⁴.

А вот как ответил на вопрос автора „Чем было обусловлено обращение к „Горячему телефону?““ ответственный секретарь газеты „На смену!“: „По активности молодых людей на читательских пресс-конференциях, различных встречах, „круглых столах“ мы после апреля 1985 года могли судить о том, что их волнуют многие вопросы, связанные с процессом перестройки в социальной, экономической и других сферах жизни страны. Хотя, проанализировав данные экспресс-опросов, убеждались, что высказать личное мнение по ним на страницах нашей газеты удавалось далеко не всем. Поэтому и стали думать над тем, как сократить путь нашего читателя к газете“.

Добавим, что анализ характера и структуры читательской почты, проведенный в исследованиях А. И. Верховской, В. Г. Сесюнина, ряда других авторов, также свидетельствовал о недостаточном взаимодействии средств массовой информации с аудиторией. Например, это доказывал малый процент писем-откликов (5%) и писем с целью информирования редакций об общественно-важных событиях в жизни района, области и т. д. (12%). Причем, к примеру, более половины жалоб отражало не личный, а групповой, общественный интерес, что указывало на гражданскую активность авторов, значение информации из писем для решения общественных проблем.

Для сравнения приведем такой факт. В Новосибирский горком ВЛКСМ за год приходило не больше 10–15 писем комсомольцев, в райкомы и того меньше. Так было до акции „Горком слушает“, проведенной совместно с „Комсомольской правдой“. В течение только одной недели в горком комсомола поступило почтой и по телефону более 600 вопросов. Диспетчеры эксперимента зафиксировали в своих журналах 547 просьб, требующих участия горкома комсомола⁵.

Приоритет внедрения „Прямой линии“ в практику работы журналистов молодежных газет страны принадлежит „Комсомольской правде“. Вот как сами сотрудники этой газеты рассказывают о том, как все произошло: „Однажды утром в секретариат редакции заглянул заместитель главного редактора газеты Владислав Фронин и с порога проинес свое любимое: „Слушай, я вот тут сейчас подумал... А что, если...“. Идея тут же захватила. И уже через час за длинным столом секретариата собралась группа энтузиастов-разработчиков. Названия новой акции сыпались, как град. Но выбрали, на мой взгляд, самое точное, предложенное редактором международного отдела Павлом Михайлевым — „Прямая линия“.

Хотя следует отметить, что еще в начале 60-х годов в США огромную популярность имели так называемые радиотелефонные передачи, то есть непосредственные, неотрететированные диалоги слушателей с радиостанцией по телефону, транслирующиеся в эфир. „Разговорное радио“ подкупало тем, что сам слушатель интервьюировал некогда недоступного человека у микрофона, просил его совета, вступал с ним в спор. В этих передачах, носивших название „Открытая линия“, обсуждались любые вопросы — от семейных неприятностей до глобальных политических проблем⁶. Феномен их популярности подтверждал все усиливавшуюся и расширяющуюся тенденцию слияния средств информации микроуровня (почта, телеграф, теле-

фон) со средствами информации макроуровня (печать, радио, телевидение, кино). „Желание личного контакта с пропагандистом, которого американец рассматривал уже как своего собеседника (выделено мной-В. О.), было главным стимулом интереса к этим программам”⁷⁷.

Как известно, базовой функцией средств массовой информации по отношению к общественному мнению является функция информирования⁸, тесно связанная с гласностью управления. Примечательно, что „Прямой линии” в „Комсомольской правде” в 1985 году предшествовала рубрика „Горячий телефон”. Здесь помещались просто ответы на вопросы, заданные по телефону. Да и самые первые публикации „Прямой линии” не выходили за рамки информирования читателей по различным вопросам. Так, к примеру, 22 октября 1985 года был опубликован диалог с заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, председателем комиссии министерства по работе с молодежью А. П. Весельевым. Заданные ему читателями вопросы можно разделить на три группы: что нужно сделать для того, чтобы поехать работать на стройки Севера и какие условия труда и быта ожидают там молодых людей; каковы в целом перспективы развития отрасли; и вопросы личного характера к заместителю министра. То есть, по сути дела, этот диалог стал своеобразным продолжением акции газеты „Билет на ударную”. И хотя, как потом сообщила „Комсомольская правда”, эта „Прямая линия” стала темой заинтересованного обсуждения на заседании коллегии министерства, чувствовалось, что сами журналисты не во всем остались довольны первой публикацией. Не случайно в послесловии к диалогу авторы писали тогда: „И на будущее хотелось бы читателям пожелать: давайте не только спрашивать — давайте больше предлагать, советовать, высказывать свое мнение по волнующим вас вопросам”. Во многом лишь информативный характер носили и другие публикации „Прямой линии” в начальный период.

Отметим, что это можно полностью отнести и к другим анализируемым нами газетам. Так, публикация „О чем рассказал и умолчал „Горячий телефон”” в „Комсомольце”⁹ информировала читателей о проблемах формирования и деятельности областных и всесоюзных ударных комсомольских отрядов на территории Челябинской области. По принципу „вопрос-ответ” был построен и диалог членов областного штаба студенческих строительных отрядов, руководителей ряда принимающих организаций с читателями „Комсомольца”. Стенограмма первой „Прямой линии” пермской молодежной газеты „Молодая гвардия” была озаглавлена „Оргкомитет слушает”¹⁰. И здесь, говоря о проблемах МЖК, и в некоторых других публикациях газетчики тоже не вышли за рамки простого информирования читателей.

„Прямая линия” возникла как форма организационно-массовой работы редакций в условиях, когда молодежь испытывала определенный дефицит информации. Связано это было, в первую очередь, с тем, что на этапе перестройки резко усилились самознание молодых людей, их тяга к самореализации. Характерно это было для представителей самых различных групп молодежи. Автор данной работы, участвуя в проведении газетой „На смену!” одной из первых акций „Горячий телефон”¹¹, проанализировал затем состав читателей, задававших вопросы (где это было возможно сделать, т. е. если они представлялись), и выяснилась такая картина. Из 37 позвонивших в редакцию 29 человек (или около 78%) — это молодые люди в возрасте до 30 лет. Около 8% — пенсионеры, чуть более 5% — люди в возрасте 35–45 лет. 12 человек из позвонивших — были студенты вузов и учащиеся техникумов, 8 — специалисты с высшим образованием, 6 — молодые рабочие и учащиеся ПТУ, 3 — не представлялись. Это что касается молодых людей в возрасте до 30 лет. Все остальные из представившихся имели высшее образование. В качестве контроля нами был проанализирован состав участников диалогов по „Горячим телефонам” и на другие темы¹². Во всех этих случаях от 69 до 75% респондентов были в возрасте до 30 лет, не менее 65% — имели высшее образование или учились в вузах. Что также подтверждает указанную нами тенденцию.

Процесс отчуждения молодежи от многих общественных и культурных ценностей, углубляющийся в годы застоя, проблема поляризации в обществе в целом и среди молодежи в частности заставляли журналистов искать принципиально новые пути преодоления этих и многих других негативных тенденций. В этом смысле, на наш взгляд, вызывает большой практический интерес рассмотрение „Прямой линии“ как средства актуализации общественного мнения. Здесь, видимо, следует в первую очередь говорить о функции фокусирования общественного мнения, то есть сосредоточения внимания общественности на определенном вопросе или круге вопросов, на выделении предмета обсуждения из общего поля проблемных ситуаций.

Так, на качественно новый уровень в диалоге с читателями по „Прямой линии“ вышли журналисты „Комсомольской правды“ в дни работы XX съезда ВЛКСМ. Участники разговора не просто констатировали факты или комментировали ход съезда, читатели вместе с ними размышляли над противоречивыми вопросами перестройки деятельности комсомола, собеседники высказывали свою точку зрения по ним, нередко отличную от общепринятой¹³.

Логическим продолжением этого разговора можно считать и большинство других диалогов, состоявшихся после съезда. Назовем, например, „Прямую линию“ с первым секретарем Волжского горкома комсомола А. Киселевым¹⁴. На примере конкретных дел организации, отбросившей многие догмы, сковывавшие инициативу молодежи, шел острый разговор, получивший отклик у читателей. В числе других важных проблем, на которых газета сосредоточила в начальный период перестройки внимание общественности, были такие, как воспитание у молодежи нового экономического мышления („Прямая линия“ с академиком А. Г. Аганбегяном), молодежь и закон (с министром внутренних дел СССР), вопросы воспитания эстетического вкуса (с руководителями творческих союзов) и другие.

Достаточно большой общественный резонанс имели и „Прямая линия“ с делегатами XIX Всесоюзной партийной конференции, а также материалы рубрики „Телефон-позиция“. Здесь особенно наглядно была видна роль газеты в выявлении общественного мнения. Хотя отметим, что без этапов информирования своих читателей по ряду волнующих их вопросов и аккумуляирования общественного мнения (то есть по сути — завоевания „Прямой линией“ читательского доверия), наверное, нельзя ждать и широкого отклика. Эти функции средств массовой информации тесно взаимосвязаны с функцией по выражению, и тем самым формированию общественного мнения. Очень точное замечание сделал по этому поводу известный журналист-международник Александр Бовин: „Мы решаем важнейшую задачу — встряхнуть людей, нарушить социальную спячку, пассивность. Наша задача — вести разведку боем, обсуждать узкие места, приковывать к ним внимание. Наша задача — переводить идеи научные и политические на общедоступный язык, тиражировать их, превращать их в факт общественного сознания, объяснять суть перестройки и убеждать массы“¹⁵.

Переход от простого информирования к выявлению общественного мнения по различным вопросам хорошо можно проследить и по более поздним публикациям. Например, в период подготовки и работы Первого съезда народных депутатов СССР. Материалы рубрики тогда имели общий заголовок „Телефон на улице „Правды““. Рассмотрим, к примеру, публикации только одного совершенно рядового номера¹⁶. За два часа работы бригады журналистов накануне позвонили 237 человек. Было немало и коллективных звонков. Помимо этого, журналисты провели телефонный экспресс-опрос среди 52 человек. Возраст респондентов от 15 до 75 лет. Абсолютное большинство ответивших и звонивших в редакцию (91,5%) сообщили, что намереваются „самым внимательным образом следить за работой съезда“. Следовательно, достаточно точен и тот „срез“ общественного мнения по данному вопросу, который получили оперативно журналисты. А вопросы, сгруппированные тематически, были достаточно актуальными: „как транслировать съезд?“, „тбилисские события“, „к повестке дня“, „пресса имеет право...“, „по форме дела“ и др.

В дальнейшем на вопросы читателей отвечали народные депутаты СССР, регулярно делались выборки и группировались по темам мнения тех, кто был связан с редакцией по „Телефону на улице „Правды“, а также после каждого дня работы съезда оценивалось участие в обсуждениях тех или иных вопросов народных депутатов СССР от комсомола и других молодых депутатов.

Удачно найденная форма работы активно использовалась и позднее. Например, после обновления проекта платформы КПСС „Национальная политика партии в современных условиях“ в дни работы XXI съезда ВЛКСМ и т. д. И всякий раз недостатка в респондентах не было. Примечательно, к примеру, что мнения читателей, высказанные по телефону, нередко получали развитие и, так сказать, теоретическую проработку на значимость” в выпусках „Спор-зала” „Комсомольской правды” — дискуссий, проводившейся в период подготовки к XXI съезду ВЛКСМ¹⁷, а также в рамках рубрики „О текущем моменте”¹⁸.

К сожалению, публикации „Прямой линии” областных молодежных газет чаще всего не отличались большим тематическим или жанровым разнообразием. Это были профессионально сделанные расширенные интервью по вопросам читателей или даже просто стенограммы телефонных разговоров — и не более того. Хотя попытки уйти от простого информирования читателей по тем или иным вопросам предпринимались. Так, в качестве примера выражения функции фокусирования общественного мнения можно назвать „Прямую линию”, „Молодой гвардии” с делегатом XX съезда ВЛКСМ, директором совхоза „Васильевский” Алексеем Глушенко¹⁹. Здесь акцентировалось внимание общественности на такой жизненно важной для Пермской области проблеме/как участие молодежи в освоении сельского Нечерноземья. Среди акций „Горячий телефон” газеты „На смену!” таковой являлась, на наш взгляд, четырехчасовая беседа на весьма актуальную тему: „Процесс демократизации общества и армия”²⁰. Не случайно, что читатели не только активно вступали в диалог с представителями командования военного округа, секретарем обкома комсомола, заместителем председателя обкома ДОСААФ, но и после публикации стенограммы разговора редакция получила свыше 150 откликов.

В целом же, проведя контент-анализ вопросов, завлававшихся по „Горячему телефону” газеты „На смену!” за обозреваемый период, мы выяснили, что около трети из них (29%) содержали конкретные предложения по улучшению дела, в то время как жалобы, например, составляли менее 5% от общего количества. Если судить по числу людей, позвонивших за определенное время в редакцию, то наибольший интерес вызвало обсуждение по „Горячему телефону” проблем деятельности Свердловского рок-клуба и диалог с одним из зачинателей движения МЖК в стране — Евгением Королевым. Объединив группы вопросов и предложений по тематике, можно отметить, что наибольшее число их касалось сферы организации досуга молодежи. Хотя, конечно же, объем, состав, интенсивность потока информации от читательской аудитории всегда прямо пропорционально зависят от инициативы самой редакции, от того, насколько активна она в выполнении подобной функции стимулирования выражения общественного мнения.

Рассматривая „Прямую линию” как форму оперативной связи с читателями, нельзя обойти и такой вопрос/как ее результативность. На наш взгляд, проблемы эффективности этого вида организационно-массовой работы редакций заслуживают отдельного изучения исследователями печати. Что же касается действенности, то отметим такой факт: практически каждый из участников „Прямой линии” сообщал в конце диалога, что все вопросы и предложения, поступившие в редакцию, будут обобщены и использованы в работе соответствующих ведомств. В большей степени это касается, конечно, публикаций „Комсомольской правды”. Так, уже после одобрения опыта работы газеты в данном направлении на секретариате ЦК ВЛКСМ прошли, например, специальные заседания коллегий Министерства геологии СССР, Министерства гражданской авиации и т. д. Или другой пример. По инициативе журналистов „Комсомолки” в ряде областей Нечерноземной зоны России было принято решение провести акцию „Выбираю деревню на жительство”.

Отправной точкой ее стала „Прямая линия” с рядом руководителей хозяйств Орловской области. Те лукавить не стали, сказали честно: „...есть, мол, такая область — красивая, работающая, с громадными заслугами перед Россией, но уж больно запущенная. Не хотите ли стать земляками Тургенева и Бунина? Дворцов не обещаю, но крыша будет, естельное в наших с вами руках. 30 тысяч писем со всех концов страны. 13 тысяч переселенцев, половина — „обратная волна”, бывшие орловские деревенские люди”²¹.

Конечно, подобных примеров действенности в активе „Прямой линии” немного. Впрочем, их не будет много. Акции приобретают в целом иной характер, мы об этом уже говорили. Но нельзя не подчеркнуть, что выполнение функций передачи общественного мнения в органы управления и обеспечение действенности, пожалуй, наиболее слабое звено системы. Ведь здесь нередко многое зависит лишь от инициативы самих участников „Прямой линии”. Административные методы воздействия на органы управления, зачастую использовавшиеся в прошлые годы, сегодня не отвечают духу времени. Необходимо искать приемы, увязанные с общедемократическим фоном, прежде всего с приданием широкой гласности различным вариантам решения социальных проблем, с тем, что мы выше назвали психологической перестройкой. А иначе будет получаться так, как, согласно нашим данным контент-анализа, складывалась ситуация в 1987 году с результативностью „Прямых линий” в молодежных газетах региона Урала: практически, ни к одной из них впоследствии редакционные коллективы не возвращались или, по крайней мере, не сообщили об этом своим читателям.

Иногда, правда, журналисты находят весьма „обтекаемые” формулировки: „С завтрашнего дня телефон на улице „Правды” возвращается к прежним владельцам. Значит ли это, что он был не нужен? Что звонил „холостую”? Конечно, нет. По горячим адресам отправились бригады журналистов. Из предложений читателей составляется специальный бюллетень. И еще телефон показал, что мало срочной двухсторонней связи. Очень мало”²². Но стоит ли за этой формулировкой конкретная результативность?..

В последнее время довольно часто можно услышать мнение как исследователей печати, так и журналистов-практиков, дескать, редакции молодежной газеты необходимо активнее внедрять социологические методы изучения своей аудитории, привлекать к сотрудничеству социологов, разрабатывающих по вашему заданию программы исследований и т. п. Звучали предложения от журналистов, участвовавших в нашем опросе, о создании мини-лаборатории социологических исследований непосредственно при редакции. Но мы полагаем, что практический опыт показывает: по-настоящему эффективны лишь комплексные социологические исследования, когда, к примеру, одновременно изучаются не только интересы, предпочтения, ожидания аудитории, а также представления о своем реальном читателе самих журналистов, но и проводится контент-анализ проблемных публикаций и т. д. По-настоящему наглядны эти результаты лишь при неоднократных „замерах”, через равные промежутки времени. Словом, при „натуральном” социологическом хозяйстве в отдельно взятой редакции столь серьезный подход вряд ли возможен.

Широкие перспективы открылись в этом плане с перепрофилированием Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, ее Научно-Исследовательского центра — в Институт молодежи Центрального Комитета ВЛКСМ и Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам. Пример деятельности социологов Белорусского государственного университета свидетельствует о том, что комплексные исследования влияния СМИ на молодежь практически удобнее и надежнее в научном плане осуществлять в масштабах республики, в нашем случае — региона. Полученные таким образом репрезентативные результаты и подготовленные на их основе прогнозы и модели опережающих решений можно, с определенной поправкой, конечно, распространять на все без исключения молодежные издания республики, региона. Другое дело, что исследования должны проводиться систематически.

Принятие Закона „О печати и других средствах массовой информации“, декларируемые им свобода печати и недопустимость цензуры, предоставление права учредить средства массовой информации отдельным гражданам, закрепление права средств массовой информации на беспрепятственное получение необходимых сведений от государственных органов, общественных объединений и должностных лиц, право журналистов знакомиться с соответствующими документами и т. д. — все это дает возможность сегодня иначе подойти и к проблеме результативности средств массовой информации в целом, и действенности тех или иных газетных акций в частности.

До сих пор, по нашему мнению, никак не обсуждался и такой вопрос: каким образом можно использовать информацию, полученную во время проведения в течение нескольких лет тех же „Прямых линий“? Ведь это бесценные данные для социологов, психологов, других специалистов. Сейчас много говорится о том, как изменились молодые люди за годы, минувшие с апреля 1985 года. Стали более смелыми в суждениях, раскованней в мыслях, соизмеряют масштабы явлений не только из скорлупы собственного „я“. . . А ведь те же телефонные диалоги как раз и могут помочь наглядно проследить эволюцию молодых людей.

Пик активности журналистов молодежных газет в организации „Прямых линий“ пришелся на 1987 год. В „Комсомольской правде“ было опубликовано 16 телефонных диалогов, в „На смену!“ — 8, в „Молодой гвардии“ и „Комсомолец“ — по 6. В 1988 году лишь „Комсомольская правда“ сохранила сложившийся за последние три года примерный график публикации этих материалов — 3-4 за квартал. В молодежных же газетах региона Урала они появлялись лишь изредка 1-2 раза в год, вне какой-то системы. Впоследствии ситуация практически не менялась. Так почему же остыл „Горячий телефон“?

Без серьезных социологических исследований полный ответ на этот вопрос, конечно, не дать. Но, исходя из практики, опираясь на данные опроса журналистов региона, можно предположить, что одной из главных причин стало появление у молодежных газет ряда новых форм работы. Для утешения информационного читателяского „голода“ журналисты нашли более простой и менее трудоемкий способ. Итоги подписной кампании 1989 года доказали, что идеальной моделью с данной точки зрения является для читателя еженедельник „Аргументы и факты“. И вот во многих молодежных газетах появлялись рубрики, под которыми выходят информационные материалы, отвечающие на вопросы дня. В „На смену!“ эта рубрика так и называется. Она логически дополняет рубрику „Я думаю. . .“, где публикуются мнения читателей по различным актуальным вопросам. В „Комсомольской правде“ эти же функции выполняли материалы рубрик „60 минут“ и „Задавайте вопросы“. В одной из публикаций²³, к примеру, сообщалось, что в экстремальных случаях ведущему рубрики „60 минут“ звонили от 500 до 800 человек в день (стихийное бедствие в Армении, публикация материалов об экстрасенсах и гадалках).

Но, почувствовав определенное снижение интереса читателей к ней, журналисты газеты тут же предлагают новую идею: „Рубрика умерла? . . . Да здравствует рубрика!“. Есть предложение — создать на страницах „Комсомолки“ службу специальной психологической помощи, которую (весьма условно мы назвали „Ночной звонок“). . . Я вижу, как можно оборудовать кабины прямой линии „Ночного звонка“, какую музыку прокручивать в паузах для абонентов. . . Может быть, даже сделать так, чтобы часть разговоров (поучительных и „несекретных“) могли слушать по молодежному каналу радио²⁴. Специфические задачи новой рубрики здесь очерчены достаточно четко.

Использует „Комсомольская правда“ „Прямой телефон“ и в различного рода разовых акциях. Так, после опубликования в печати Закона СССР „Об учреждении поста Президента СССР и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР“ журналисты оперативно обратились к своим читателям с просьбой позвонить в редакцию и дать ответ на один вопрос: „Оказавшись в президентском кресле, какой первый декрет приняли бы лично Вы?“.

Выражение общественного мнения по различным актуальным проблемам общественной жизни — еще одна характерная черта „Прямой линии” сегодня. Хотя и традиционная диалоговая форма в отдельных случаях применяется журналистами весьма эффективно, о чем свидетельствуют многочисленные отклики и письма читателей. В ситуации, когда те же молодежные газеты региона Урала чаще всего осуществляют плюрализм мнений на страницах одного и того же издания, она, порой, просто незаменима. Как и в том случае, когда молодежная газета обращается к тому или иному компетентному человеку с просьбой прокомментировать какой-либо важный политический документ. Или другой пример: „Прямая линия” берет на себя функции . . . консультанта-репетитора. В одном из писем в редакцию „Комсомольской правды” школьный учитель из „глубинки” задал вопрос: пять лет миллионы школьников и студентов ждут обещанных им обновленных учебников по истории СССР, буквально на глазах „старятся” учебники и пособия по обществоведению, политэкономии, есть ли выход? Так появилась идея провести открытую консультацию для старшеклассников, готовящихся к экзаменам, силами ведущих специалистов²⁵. И подобных примеров в активе молодежных газет немало.

Журналистской практикой еще не рождена принципиально новая форма „массированного”, всеобъемлющего обсуждения с различных точек зрения той или иной темы, проблемы. Другое дело, что первостепенной, когда в этом есть реальная необходимость, должна быть задача повышения действенности „Прямых линий”, учета общественного мнения, выявленного таким образом, реализации в практике деятельности различных социальных институтов наиболее оригинальных идей, конструктивных предложений читателей.

Видится и другой путь повышения эффективности данной формы организационно-массовой работы редакций молодежных газет. Многие телефонные диалоги, когда журналисты поставили их, как говорится, „на конвейер”, получались очень обезличенными. Стараясь втиснуть как можно больше вопросов и ответов, редакции фактически исключали значение фактора эмоциональности в своей деятельности. Сегодня читателям, да и самим журналистам, наверное, важен прежде всего личностный подход, личностные оценки явлений, сделанные тем, кто участвует в диалоге.

Серьезного осмысления заслуживает и методика журналистской деятельности, которая помогла бы устранить во время проведения „Прямых линий” явление, которое американский философ А. Каплан на У Нобелевской конференции предложил назвать дуалог (т. е. дословно „двое говорят”). Такого рода связь соединяет собеседников лишь как безличные объекты, вся же энергия направлена не на достижение взаимопонимания, а на утверждение различными способами правоты одной из сторон²⁶. Не дуалогичным ли подходом обусловлено, в частности, некоторое снижение популярности у читателей региона Урала диалогов по „Прямой линии”? Хотя в целом вся сумма фактов, тенденции развития данной формы свидетельствуют: не остыл, образно говоря, „горячий телефон”, он лишь аккумулирует энергию.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретиков печати журналисты-практики нередко обвиняют в том, что, дескать, ваши исследования мало значимы для нашей повседневной работы: пишем как пишется, а стоит заглянуть в ваши „ученые записки” — становишься похож на ту самую сороконожку, которая задумалась, как же это она каждой из ног в отдельности управляет... Ирония иронией, но, думаю, сейчас для всех, кто так или иначе связан с практической журналистикой, издательской деятельностью, наступили достаточно трудные времена. Из „благотворительных” целей никто газеты не издает, а завоевать признание читателей, голосующих за твое издание рублем, не так-то просто. И вот тут-то самое время задуматься: а так ли плохо поверить алгеброй гармонию издательского дела?..

Для меня как исследователя молодежной печати, а в недавнем прошлом и журналиста-практика время работы над этой монографией было еще и временем проведения своеобразной переоценки ценностей. По-старому в молодежной печати сегодня работать нельзя. А как надо? Сняли первый слой тем, лежащих на поверхности или открытых в период гласности, насладились журналистской свободой, выпустили „пар”, задав трепку административно-бюрократической системе... Что дальше? А дальше нужно, видимо, журналистам уходить с поверхности вглубь, словно в поисках полезных ископаемых.

В науке принято по окончании работы над той или иной темой давать рекомендации. В точных или естественных дисциплинах проще: опубликовал результаты или вычисления, произведенные, полученные тобой, — вот и „рекомендации”. В теории же печати научные рекомендации нередко выглядят либо элементарными, либо надуманными. Но систематизированные знания дают журналистам-практикам возможность взглянуть на свою деятельность как бы со стороны — а может быть, все не так и элементарно, как кажется на первый взгляд?..

Мне, к примеру, результаты, полученные в ходе социологического исследования, научных экспериментов, бесед с журналистами молодежных газет, помогли ответить на вопросы, занимавшие еще в период работы в газете „На смену!”. Рискну поделиться некоторыми наблюдениями и выводами и с читателями этой книги. Только это будут скорее не рекомендации, а советы коллеги коллеге.

Во-первых, как мне кажется, практика показывает, что сегодня нельзя прогнозировать деятельность, осуществлять реалистичное перспективное редакционное планирование в местных и центральных молодежных изданиях без регулярных социологических исследований читательской аудитории или опроса постоянных „сигнальных” групп респондентов, а также без анализа основных тенденций развития молодежной прессы по таким, например, аспектам: содержательная сторона текстов, оформление и фотоиллюстрация, своеобразие используемых языковых и стилистических средств и т. д.

Во-вторых, актуализация публикаций сегодня — это ничто иное, как опережающее осмысление формирующихся социальных явлений, предупреждение возможных вопросов общественности и т. д. Следует учитывать работникам молодежных СМИ, что одним из наиболее реальных путей сохранения завоеванного авторитета у читателей является выход за черту так называемого „круга региональной значимости”.

В-третьих, насущной задачей является сегодня создание в редакциях молодежных газет групп или отделов социального прогноза (название условное—В. О.). Проведение последовательной политики в условиях многопартийности, плюрализма мнений невозможно без учета динамики развития событий. Не менее важным является и исследование результатов, связанных с определением степени вероятности публицистического прогнозирования и предвидения.

И, наконец, в-четвертых, следует, видимо, в кратчайшие сроки найти способ обобщения, систематизации, активного использования материала, полученного мо-

лодежными СМИ в последние шесть лет. Должен быть создан и механизм „передачи” общественного мнения в органы управления, в различные молодежные организации. Время, когда каждая газета варилась лишь в собственном соку, прошло . . .

Из перспективных направлений в изучении молодежных СМИ мне кажутся наиболее важными для практиков прежде всего те, что отражают такую тенденцию, как изменение статуса молодежных газет. Требуется изучения и начавшийся процесс формирования в различных регионах своеобразных информационных (или коммуникационных) центров. Молодежная газета в них будет лишь одной из составляющих. Так как здесь будут активно вестись и другая издательская и рекламная деятельность, а также теле- и радиовещание, выпускаться видеоприложения и т. д. Перспективным кажется и путь по созданию межрегиональных молодежных газет, представляющих несколько таких информационных центров из различных областей Урала, к примеру, или Сибири, Дальнего Востока и т. д.

Представляется необходимым углубленное исследование роли журналистов в общедемократических процессах, а также комплекса факторов, составляющих психологический контекст восприятия аудиторией журналистских текстов.

Установленные закономерности развития молодежной печати как отдельного региона, так и в целом позволят выделить наиболее продуктивные профессиональные приемы и средства, обеспечивающие достижение поставленных редакционным коллективом целей. Их дальнейшее изучение и профессиональное обсуждение должно, как мне кажется, вызвать интерес исследователей печати и журналистов-практиков.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как-то по прошествии первых лет перестройки, когда уже повыветрилась апрельская эйфория, встретил комсомольского работника, кстати, самого „первого“ их функционера:

— Все! Ухожу! Непонятно, к чему завтра готовиться. Что было хорошо — то стало плохим. Все критерии спутались...

Осторожно пытаюсь разузнать о его дальнейших жизненных намерениях. А он и скрывать не стал: „В науку ухожу...“

Это воспоминание постоянно бередило меня, пока я читал монографию Владимира Олешко. „Сколько их, „активистов“, думалось мне, при первом же бризе, побеспокоившем общественный застой, стало искать тихую заводь“. Для многих такой заводью, к сожалению, стала наука, в которой и ныне вольготно живет новая порода политологов-коммутантов, неофитски исповедующих неприязнь к своей же прошлой деятельности.

Иная судьба у молодого ученого Владимира Олешко. Предмет его исследования — живая и жизненная, разнообразная и противоречивая, многоголосая и разношерстная молодежная журналистика. Исторические рамки — так пугающее многих политологов время протодемократических перемен, вторая половина восьмидесятых годов. И метод автор выбрал — не конъюнктурные словословия, не новомодное охаивание, а объективное — первокирпичик к первокирпичику — исследование тенденций развития. Только в беспристрастности автора не упрекнешь: монография, знаю, рождалась не в кабинетной тиши, а в спорах назлектризованных редакционных „летучек“, на партийных и комсомольских собраниях, на творческих „самоварах“ первичной журналистской организации, постоянных (и ко времени, и не ко времени) заседаниях редакционной коллегии и, чего греха таить, на дружеских встречах коллег. Чувствуется за спиной автора и дыхание опытного аналитика, нашего университетского учителя, профессора-доктора Валентина Шандры, использование методики которого уберегло автора от безоглядного „сокрушения“ предшествующего опыта газетчиков. Отдельные абзацы прочитанного текста возвращают меня в благословенное время работы в „На смену!“. Сколько же совокупного интеллекта пришлось извести „насменовцам“, как, впрочем, и их коллегам по молодежной печати, чтобы вписать несколько строчек в науку? А потому, видимо, и читаешь книгу с большим вниманием: что тебе неведомое автор найдет в известном? Некоторые фрагменты работы по прошествии лет кажутся несколько наивными что ли, как наивны древнеиндийские веды, древнеримские постулаты. Но... Это было, было, было...

Было и высокомерное (от молодежного „всезнания“) непонимание того, что сегодня нельзя прогнозировать деятельность без сколь-нибудь регулярных социологических исследований читательской аудитории.

Было и следование так называемому тематическому „кругу региональной значимости“, своего рода творческой местечковости.

Но было и эмпирически выработанное знание: журналист и читатель — соавторы газеты эпохи массовой подвижки общественного сознания. Было и главное: молодежная печать более решительно совершала переход от гласности и информирования с „разрешенным“ уровнем к свободе слова.

Закономерен вопрос: на основе чего, на какой базе, в соответствии с какими внутренними законами развития журналистики протекал этот процесс? Ответ на него и вырос у автора в целую монографию. Насколько она удалась, судить читателю...

Неблагодарное это дело: представлять уже прочитанную вами книгу, а потому и не ставил перед собой такой цели. Считал важным представить автора. Обобщая,

скажу одно: он — не из тихой „заводи“, не из числа кабинетных созерцателей, пекущих на стороне советы для бурлящей общественной жизни. Он — из самой этой жизни, а потому честен перед собой, перед журналистикой, перед наукой. А пережитое в журналистике восьмидесятих годов дает Владимиру Олешко полное право называть себя Автором.

Рафаэль ИСХАКОВ,
редактор областной газеты
„Рабочее слово“.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

* Регион Урала, являющийся крупнейшим экономическим районом, включает в себя две суверенные республики и пять областей. Здесь проживают около 20 миллионов человек. По своему экономическому потенциалу он является третьим среди 19 экономических районов СССР. В годы перестройки регион Урала оказался в центре экономических перемен, общественно-политических событий. Все это, безусловно, нашло отражение и на страницах молодежной печати как выразителя общедемократических тенденций, характерных для той или иной области региона. Что и предопределило наше решение обратиться прежде всего именно к молодежной печати Урала как эмпирической базе исследования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 1

1 См.: Правда. 1988. 24 янв.

2 См.: Ильинский И. Развитие социализма и молодежь // Коммунист. 1987. № 6. С. 20.

3 ЮНЕСКО относит к молодежи лиц в возрасте между 17 и 25 годами, советские социологи — между 16 и 30. По данным статистики, молодежь в возрасте 15–29 лет составляет в СССР 68 миллионов. См.: Воробьев Г. Г. Молодежь в информационном обществе. М., 1990. С. 33.

4 См. подробнее об этом: Бурлацкий Ф. Новое мышление. М., 1989. С. 6.

5 Бляхман Л. Молодой рабочий 70-х годов: социальный портрет. М., 1977; Возрастная и педагогическая психология. М., 1979; Студент и его деятельность. Минск. Изд-во БГУ. 1978 и др.

6 КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. С. 347.

7 Поляков Юрий. Томление духа // Лит. газета. 1988. 26 окт.

8 См.: Коммунист. М., 1987. № 6. С. 22.

9 См. подробнее: Лит. газета. 1989. 12 июля.

10 См.: Известия. 1990. 13 апр.

11 Молодежь в СССР / Информационно-аналитический материал. О положении в обществе, наиболее острых проблемах молодежи... Цит. по: Лит. газета. 1989. 12 июля.

12 Шахназаров Г. Обновление идеологии и идеология обновления. // Коммунист. 1990. № 4. С. 51–52.

13 Коммунист. 1985. № 7. С. 15.

14 Коммунист. 1986. № 4. С. 74.

15 См., например, постановления ЦК КПСС: „О мерах по улучшению подготовки и переподготовки журналистских кадров” / 1975 г./; „О руководстве Томского обкома КПСС средствами массовой информации и пропаганды” / 1977 г./; „О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы” / 1979 / и др.

16 В частности, исследование белорусских социологов показало, что в середине 80-х годов влияние системы СМИ на молодежную аудиторию не расширялось, а сузилось, критическое отношение к ним росло. Причем необходимо подчеркнуть: та часть аудитории, которая была критически настроена в отношении СМИ, оказалась более подготовлена к процессу перестройки, чем „согласная” с ней. Это еще одно подтверждение того, что система монопропаганды, функциональная по отношению к административно-командной системе, все более явно обнаруживала свою не состоятельность.

Здесь и далее, если специально не оговариваем, используем данные изучения аудитории, полученные проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований Белорусского государственного университета имени

В. И. Ленина. См.: Отчет о научно-исследовательской работе „Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи”. Минск, 1988. № Г. Р. 0184002035, инв. № 02890009164.

17 См. об этом подробнее: Олешко В. Ф. Студент как читатель молодежных изданий //Журналистика развитого социализма. Пути совершенствования работы журналиста. Свердловск, УрГУ, 1984. С. 105–114.

19 См. об этом, например: Алексеев С. С. Правовое государство — судьба социализма. М., 1988; Исаков В., Козулин А. „Государственная воля” или „мера свободы”? //Коммунист. 1990. № 12. С. 95–103.

20 Комс. правда. 1991. 1 янв.

21 Мы опираемся на результаты и выводы, полученные нами во время проведения социологического исследования аудитории молодежных СМИ (См.: Олешко В. Ф. Студент как читатель молодежных изданий... С. 105–114), а также на материалы белорусских социологов (Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи... С. 128–139).

22 См. об этом подробнее: Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи... С. 131–133.

23 См.: Шайхитдинова С. К. Тенденции развития молодежных газет //Журналистика и перестройка. М.: Изд-во МГУ. 1989; Ливанова М. В. Авторский актив молодежной газеты: основные формы организации сотрудничества //Актуальные проблемы молодежной прессы. М.: Изд-во МГУ. 1988; и другие.

§ 2

1 Некоторые ученые, исследователи печати также отмечают, что сегодня критерием эффективности молодежных СМИ является прежде всего степень готовности молодых людей к самостоятельной творческой деятельности, к постановке и решению новых задач, которых не было и не могло быть в опыте прошлых поколений. См. об этом: Кон И. Ребенок и общество. М., 1988. С. 165; Недопитанский Н. Взаимоотношения молодежной аудитории и печати в контексте понятия „социализация” //Молодежная печать: история, современность, взгляд в будущее. Киев, 1989. С. 56.

2 Опрос был проведен автором диссертационной работы в июне–сентябре 1989 года. В нем участвовали практически все творческие сотрудники данных редакций. В ходе устных бесед журналистам было предложено ответить на 18 вопросов, касающихся различных аспектов их практической деятельности. Веер полученных ответов мы впоследствии привели к единым основаниям. Результаты исследования в полном объеме сообщаются в §3 данной главы.

3 См. об этом подробнее: Уледов А. К. Перестройка и сознание. М., 1988. С. 8–9.

4 Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи... С. 133–134.

5 Проведен эксперимент в июне 1988 года на сборах комсомольского актива ПТУ Свердловской области. В нем приняли участие 109 человек. На специально составленную нами анкету ответили 84 человека. Результаты исследования сообщались на научно-практической конференции в г. Свердловске в ноябре 1988 г.

6 Они получают в специальной литературе и другие названия: „неформальные”, „стихийные”, „самодетальные” и т. д.

7 Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи... С. 135.

8 См., например: Власова Л. И. Установка на новое и общественный идеал в творчестве А. Аграновского //Эффективность прессы: вопросы методологии, теории и практики. Свердловск. Изд-во УрГУ. 1989. С. 91–92.

9 Роджерс Н. Творчество как усиление себя //Вопросы психологии. 1990. № 1, С. 165.

10 Роджерс Н. Творчество как усиление себя... С. 166.

11 См.: Резанов Г., Хорошилова Т. Полуночник //Комс. правда. 1989. 2 дек.

- 12 Голованов Ярослав. Урок //Комс. правда. 1989. 23 сент.
13 Кон И. Психология социальной инерции //Коммунист. 1988. № 1. С. 70.
14 См. подробнее об этом: Гозман Л. Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений //Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 5–14.

§ 3

1 См. об этом подробнее: Санатин В. Перья летят... //Комс. правда. 1986. 13 дек. Разлетелись перья... //Там же. 1988. 30 янв.

2 Батынская Людмила. Не будет диалога — будет противостояние //Журналист. 1989. № 11. С. 26.

3 В 1990 году по предложению редакционного коллектива пленум Оренбургского обкома ВЛКСМ принял решение об ином названии газеты — „Новое поколение”.

4 Как пример реализации „региональной” идеологии на практике можно привести в дополнение к тому, что мы назвали по региону Урала, борьбу редакции иркутской газеты „Советская молодежь” с аппаратом обкома ВЛКСМ, увольнение, вопреки общественному мнению, мнению компетентных комиссий ЦК ВЛКСМ, редакторов молодежных газет в Чите и Благовещенске. См. об этом: Вишневский Б. Как увольняли редактора //Комс. правда. 1989. 25 ноябр.; Шаров В. Первое лицо //Лит. газ. 1990. 7 марта.

5 На одну и ту же специально составленную анкету ответили практически все творческие работники газет „Комсомолец” (Челябинск), „Комсомолец Удмуртии” (Ижевск), „Комсомольское племя” (Оренбург), „Ленинск-Ленинец” (Уфа), „Молодая гвардия” (Пермь), „Молодой ленинец” (Курган), „На смену!” (Свердловск). А также работники идеологических отделов и секретари Челябинского, Удмуртского, Оренбургского, Башкирского, Пермского, Курганского, Свердловского обкомов ВЛКСМ и заведующие секторами печати или работники идеологических отделов, курирующие печать, обкомов КПСС уральского региона. Всего ответили на анкету 152 человека. Они были разделены на 4 группы. Здесь и далее мы называем ответивших по принадлежности к той или иной из них: партийные работники — всего приняло участие в нашем анкетировании 9 человек; комсомольские работники — 30 человек; руководители молодежных газет (редактор, заместитель редактора, ответственный секретарь) — 18 человек; журналисты — ответили 95 человек. Анкетирование было анонимным, проведено оно автором данной монографии с 12 июня по 12 сентября 1989 года.

6 Лозовский Б. Не орудие, а трибуна //Журналист. 1989. № 9. С. 25.

7 Засурский Ясен. „Пресса еще на коротком поводке” //Собеседник. 1990. № 16.

8 Конец браконьерской стройки // Сов. Россия. 1989. 16 июня.

9 Синенко Виталий. Ответ в редакцию // Правда. 1989. 8 сент.

10 Пальцев Н. Правда не может быть „служанкою” //Комс. правда. 1990. 16 февр.

11 Цит. по: „Тяж сложилось...” //Комс. правда. 1989. 26 ноября.

12 О том, каким в идеале должен быть сегодня этот минимум, можно судить на примере „Московского комсомольца”. Его редактор Павел Гусев рассказал, что даже небольшой их опыт коммерческой деятельности позволил добиться заметных социальных улучшений для работников редакции: „В среднем 150–200 рублей прибавки к зарплате, кроме гонорара. Из чего она складывается? Каждый работник бесплатно питается в нашей столовой, имеет „единый” проездной билет на все виды транспорта. Мы оплачиваем ему подписку на периодические издания — на 200 рублей в год. Он может посещать спортзал, бассейн, сауну — есть договор со стадионом „Динамо”. Организовано бесплатное обучение иностранным языкам. В редакции есть видеозал... Я уже не говорю об условиях работы — каждый штатный журналист имеет диктофон, может пользоваться магнитофоном, видеокамерой и т. д. См.: Газета без возраста. Диалог редактора газеты „Советская молодежь”

А. Блинова и редактора „Московского комсомольца” П. Гусева //Журналист. 1990. № 8. С. 38.

13 Ефимчик В., Балезин О. Авторучка на веревочке //Комс. правда. 1989. 23 сент.

14 См.: Закон Союза Советских Социалистических Республик „О печати и других средствах массовой информации”. Глава II — „Организация деятельности средств массовой информации” (статья 15 „Учредитель, редактор, редакция и издатель средств массовой информации”), глава У — „Права и обязанности журналиста” и глава УИ „Ответственность за нарушение законодательства о печати и других средствах массовой информации (статья 36 „Недопустимость вмешательства в деятельность средств массовой информации” //Журналист. 1990. № 8.

15 Комс. правда. 1990. 11 сент.

16 См.: Материалы всесоюзного совещания представителей молодежных газет, детских и юношеских журналов. Цит. по: „На смену!” 1990. 14 сент.

ГЛАВА ВТОРАЯ

§ 1

1 См. об этом подробнее: Скуленко М. И. Убеждающее воздействие публицистики. Киев, 1986. С. 9—18.

2 Здорова В. Слово тоже есть дело: Некоторые вопросы теории публицистики. М., 1979. С. 46.

3 Пресса и общественное мнение. М., 1986. С. 16.

4 Прохоров Е. П. Введение в журналистику. М., 1988. С. 109.

5 Кашук Юрий. Какая дорога ведет к дому? Книжное обозрение. 1990. № 14.

6 К примеру, газета „На смену!” с 1985 по 1988 год увеличила тираж на 25 тысяч, „Молодая гвардия” — на 8 тысяч 200 экз., „Молодой ленинец” (Курган) увеличил тираж на 2,5 тыс. и т. д.

7 См.: Шайхитдинова С. К. Тенденции развития молодежных газет. С. 96—97.

8 Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 113.

9 См. об этом подробнее: Ефимова Н. В. Развитие системы массовой коммуникации и ее роль в демократизации образа жизни. //Тезисы конференции „Журналистика и новое мышление. Проблемы эффективности средств массовой информации в условиях перестройки”. МГУ. 1990. С. 7.

10 Молодая гвардия. 1987. 14 авг.

11 Молодая гвардия. 1987. 20 февр.

12 См.: Фирма против дефицита // Комсомолец. 1986. 18 марта; Рубль в кармане //Там же. 1987. 6 янв. И другие.

13 См., к примеру: Гарантия по-северски //На смену! 1986. 2 июля.

14 Гарантия совести. „Круглый стол” //Там же. 1987. 20 февр.

15 На смену! 1987. 7 февр.

16 Молодая гвардия. 1985. 23 янв.

17 См., например: Молодая гвардия. 1985. 2 июня; Там же, 1986. 27 апр. и др.

18 Шкондин М. В. Журналистика и реформа политической системы. С. 7.

19 См.: Фомичева И. Д. Трибуна для общественного диалога //Журналистика и перестройка. М., Изд-во МГУ. 1989. С. 16—17.

20 О том, насколько устойчивой была эта отмеченная нами тенденция, можно судить и по данным, полученным, например, белорусскими социологами. Лабораторией БГУ было проведено исследование на достаточно объемном массиве и установлено, что около 12% занятого населения республики посылали письма или материалы в редакции СМИ, причем половина из них — неоднократно (в масштабе республики это составило около полумиллиона человек). Однако вследствие отбора почты для публикаций, осуществляемого в редакциях, произошла значительная деформация социальной структуры внештатных авторов. Подавляющее боль-

шинство опубликовавшихся авторов – служащие и ИТР. Автор-руководитель выступал в СМИ в три раза чаще, чем автор-рабочий, в два раза чаще, чем автор-студент, учащийся или пенсионер и т. д.

См. об этом подробнее: Манаев О. Т. Принципы деятельности средств массовой информации в процессе демократизации // Журналистика и новое мышление. Проблемы эффективности средств массовой информации в условиях перестройки. Тезисы конференции. Часть I. М., 1990. С.4.

21 Серазев В. Партийное влияние на комсомольскую печать: новые подходы и новое качество // Молодежная печать: история, современность, взгляд в будущее. Киев, 1989. С. 77–79.

22 Цит. по: Новое время. 1989. № 46. С. 34–35.

23 На смену! 1989. 4 марта.

24 См.: Там же. 1987. 9 янв.

25 См.: Там же. 1988. 18 мая; 1989. 23 марта; и т. д.

26 См.: Комсомолец. 1989. 25 февр.; Там же. 1989. 4 марта.

27 См.: Там же. 1989. 4 марта.; Там же. 1989. 24 июня.

28 К примеру, в газете „На смену!“ – под рубрикой „Монолог о важном“, в „Комсомольце“ – „Наедине со всеми“ и т. д.

29 См. об этом подробнее: Зыков В. Ф. Социально-мировоззренческая пропаганда в местной печати и пути повышения ее эффективности. Дисс. на соиск... канд. филолог. наук. Свердловск, 1990.

30 См., к примеру: Матюхин С. Ленинградский синдром // На смену! 1990. 20 янв.; Большаков П. Вперед к . . . 1917 году // Комсомолец. 1989. 21 окт. И др.

31 См.: Диалог и компромисс // Комсомолец. 1989. 4 ноября.

32 См.: На смену! 1985. 2 марта; 20 марта; 28 декабря и др.

33 См.: Буртник В. Есть ли у серого волка идеал? // На смену! 1986. 23 декабря; Гоняют ли „порожняк“ философы? Коллективное письмо студентов УрГУ. 1987. 13 февр. И др.

34 См. об этом подробнее: Олешко В. Ф. Молодежная газета и учредитель: от руководства – к сотрудничеству // Читатель и газета: проблемы взаимодействия. Свердловск. Изд-во УрГУ, 1991.

35 См.: На смену! 1987. 26 ноябр.; 1988. 27 янв.; 25 окт. и др.

36 Поговорим о жизни нашей. Обзор анкеты для читателей газеты // На смену! 1989. 7 февр.

37 Там же.

38 Нечитайлов Н. В волшебном круге // Молодая гвардия. 1989. 30 июля; Константинов А. 1939 год: страницы трагической хроники // Там же. 1989. 20 авг. и др.

39 Клипиницер Б. Хрущев на целине // Комсомолец. 1988. 21 мая; И др.

40 Рубрики: „Революцией призванные“, „Память“ и др.

41 См.: Молодая гвардия. 1988. 4 дек.

42 Молодая гвардия. 1988. 25 дек.

43 См., к примеру: „Сегодня многое зависит от нравственного возрождения. . .“ – встреча с председателем свердловской городской „Дискуссионной трибуны“ Г. Э. Бурбулисом // На смену! 1989. 10 февр.

44 См.: Комсомолец. 1988. 16 янв. Там же. 1989. 2 апр.

§ 2

1 См. об этом и в работах других авторов. Например: Ефимова Н. В. Развитие системы массовой коммуникации и ее роль в демократизации образа жизни. . . С. 7.

2 Для сравнения полученных нами результатов мы вновь обратимся к исследованию белорусских социологов. Параллельно опросу аудитории, контент-анализу редакционной почты молодежных СМИ ими был осуществлен и контент-анализ проблемных материалов. По репрезентативной выборке были опрошены основные соци-

ально-классовые группы молодежи республики: в 1985 году — 2 тысячи человек, в 1987 году по той же анкете был проведен повторный опрос учащейся и студенческой молодежи — 800 человек. В 1985 и 1987 годах по единой методике сделан контент-анализ 750 и 850 проблемных публикаций молодежных СМИ. (См.: Манаев О. Т. Журналистика и молодежная аудитория. Опыт социологического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1990. № 2. С. 52–61). На наш взгляд, это было одно из самых серьезных исследований взаимодействия молодежных СМИ и их аудитории в нашей стране, что и предопределило решение автора сопоставить некоторые выводы коллег с результатами, полученными в ходе изучения нашей эмпирической базы.

3 В основу ее положена программа, разработанная О. Т. Манаевым и его коллегами. См.: Манаев О. Т. Массовая коммуникация и развитие образа жизни молодежи: методология и методика исследования // Массовая коммуникация и развитие социалистического образа жизни. Тарту, 1986. С. 109–112.

4 Подтверждают полученные нами результаты и данные белорусских социологов. Сообщения по проблеме противоречий между общественными и личными интересами в проанализированных ими материалах составили в 1985 году 63,8%, в 1987 — 46%. У более чем половины опрошенных ими респондентов нерешенность этой проблемы вызывала тревогу, а у каждого четвертого в 1985 г. и каждого пятого в 1987 г. — сильную тревогу.

5 Ярклов Б. Горный удар // На смену! 1989. 26 апр.

6 Нечитайлов Н. С кем Вы, Ихлов? // Молодая гвардия. 1988. 21 авг.

7 Стюфляева М. И. Человек в публицистике. Воронеж. Изд-во Воронежского университета, 1989. С. 102.

8 Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1988. № 6. С. 4.

9 Проблемы эффективности журналистской деятельности в условиях ускорения социально-экономического развития. Научно-аналитический обзор. М., 1987. С. 43.

10 См. об этом: Ильинский И. М. Молодежь СССР: достижения, проблемы, решения // Социализм и молодежь. М., 1988. С. 58.

11 См.: Щегорцов Валерий. Политический экстремизм молодежи // Комсомольская жизнь. 1990. № 11. С. 5–9.

12 См. об этом подробнее: Кудрявцев В. О некоторых проблемах перестройки деятельности редакционных коллективов в современных условиях // Молодежная печать: история, современность, взгляд в будущее. Киев, 1989. С. 50–53.

13 К сожалению, вновь приходится пожалеть о том, что нет социологического „среза” мнений читательской аудитории о газетах региона в различные годы перестройки. Поэтому, помимо данных анализа текстового материала, будем опираться на полученные нами результаты опроса партийных, комсомольских работников, самих журналистов молодежных газет региона Урала, поскольку некоторые из вопросов в анкете были сформулированы в расчете на изучение мнений их как читателей.

14 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 166.

15 См., к примеру: Кудрявцев В. О некоторых проблемах перестройки деятельности редакционных коллективов в современных условиях... С. 51.

16 См. об этом подробнее: Олешко В. Ф. Молодежная газета и издатель: стиль взаимоотношений // Журналистика и новое мышление. Проблемы эффективности средств массовой информации в условиях перестройки. Тезисы конференции. М., Изд-во Моск. ун-та. 1990. С. 114–117.

17 Сесюнин В. Г. Действенность журналистики: смена приоритетов // Журналистика и новое мышление. Проблемы эффективности средств массовой информации в условиях перестройки. Тезисы конференции. М., Изд-во Моск. ун-та. 1990. С. 9.

18 См., к примеру: На смену! 1985. 15 окт.; 1986. 8 февр.; 1987. 13 февр. и т. д.

19 См., к примеру: Молодая гвардия. 1988. 1 мая.

20 См.: Молодая гвардия. 1988. 25 сент.

- 21 См., к примеру: Комсомолец. 1988. 5 марта.
- 22 См., к примеру: „Дискуссионная трибуна „НС“ //На смену! 1988. 24 июня.
- 23 На смену! 1988. 9 июля.
- 24 Эту тенденцию отметила исследователь С. К. Шайхитдинова. См.: Тенденции развития молодежных газет. . . С. 103.
- 25 См.: Бурбулис Г. „Сегодня многое зависит от нравственного возрождения. . .” Встреча с председателем „Дискуссионной трибуны” //На смену! 1989. 10 февр.
- 26 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 515.
- 27 Подтверждает это и одна из недавних публикаций. См.: Что такое популизм? //Политическая агитация. 1990. № 18. С. 35–39.
- 28 См.: Аркаим — крупнейшее открытие археологической науки или невозвратимая потеря? //Комсомолец. 1989. 16 янв.; Борьба продолжается //Там же. 3 июня; Аркаиму больше не грозит затопление //Там же. 30 сент. и др.
- 29 См.: Комсомолец. 1989. 15 июля; 2 сент.; 16 сент.; 23 сент.; 7 окт.; 18 нояб.; и т. д.
- 30 Ершова Л. „Вы молчали о нас 40 лет. . .” //Комсомолец. 1989. 23 сент.; Позднее было продолжение темы: Гайнутдинов Г. „Требую приравнять нас к жертвам чернойбыльской трагедии. . .” //Там же. 7 окт.
- 31 „АА” ответит на вопросы //Молодая гвардия. 1990. 8 янв.
- 32 См., к примеру: На смену! 1990. 9 июня.
- 33 На смену! 1988. 17 марта.
- 34 См., к примеру: Спешков В. Черные флаги над городом //Комсомолец. 1990. 2–9 марта; Олешко В. Холодные ночи Баку //На смену! 1990. 16–17 февр. Дуняшин А. Жаркое солнце в стране камней //Там же. 1989. 18–21 мая и др.
- 35 См.: Константинов А. 1939: страницы трагической хроники //Молодая гвардия. 1989. 20 авг.; Вохмин В. „Железный Лазарь” //На смену! 1989. 4–8 авг.; Плотников И. Судьба Ивана Кабакова //Там же. 1987. 27 окт.; Голованов В. Покаяние //Комсомолец. 1989. 16 сент. и др.
- 36 См.: Зернов К. Новые социалисты: кто они? //Комсомолец. 1990. 23 марта; Вохменцева Г. Портрет неформала //На смену! 1988. 9 июля; см. также литературно-художественное приложение к газете „Молодая гвардия”, „Дети Стронция”, издающееся с сентября 1989 года, и другие публикации.
- 37 См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения //Знамя. 1988. № 3–5.
- 38 Знамя. 1988. № 3. С. 62.
- 39 О специфике молодежных СМИ периода перестройки см. также: Щеглов С. Е. Политическая социализация советской молодежи: роль и место средств массовой информации //Философия истории: диалог культур. М., 1989. С. 173–174.
- 40 Гулин С. Фразеологический словарь эпохи гласности //Огонек. 1990. № 8. С. 27.
- 41 Исследователи называют, к примеру, такие причины, как потребность в самореализации, потребность в защите, стремление к получению одобрения своей деятельности, потребность в идентификации и т. д.
- 42 Подтверждают выявленную тенденцию и результаты, полученные белорусскими исследователями. Проведенный ими контент-анализ сообщений СМИ показал, что количество публикаций по данной проблеме в 1987 году даже уменьшилось по сравнению с 1985 годом. В то же время, как свидетельствовал опрос аудитории, количество молодых людей, испытывающих сильную тревогу по поводу нерешенности этой проблемы, наоборот, увеличилось. Показательно и то, что 80% опрошенных социологами респондентов выразили тревогу, а половина из них сильную тревогу по поводу проблемы одиночества. См.: Эффективность влияния СМИ на различные группы молодежи. . . С. 84–86.
- 43 См.: Федоров Ю. Деревня без невест //Комсомолец. 1987. 13 янв. Его же. Дамы приглашают кавалеров. . . 7 апр. и др.
- 44 Константинов А. О проституции без сенсации //Молодая гвардия. 1988. 11 сент.; Неформалы. Открытая трибуна //Там же. 25 сент. Русаков В. Группа риска //Там же. 23 окт. и др.

45 См. об этом подробнее: Журналист. 1989. № 11 С. 27.

§ 3

1 См. об этом подробнее: Фомичева И. Д. Об эффективности общественного обсуждения в прессе //Актуальные проблемы совершенствования средств массовой информации и пропаганды. Свердловск, УрГУ. 1986.

2 См. об этом подробнее: Олешко В. Ф. „Прямая линия” как форма оперативной связи с читателями //Читатель и газета: проблемы взаимодействия. Свердловск, УрГУ, 1990. С. 53—61.

3 См. об этом подробнее: Шандра В. А. Газета, пропаганда, жизнь: вопросы теории и методики. М., 1982. С. 61.

4 Прямая линия //Библиотека „Комсомольской правды”. Послесловие к сборнику. 1986. № 7.

5 См. об этом: Юртеев Владимир. Трибуна — молодежная печать //Молодой коммунист. 1987. № 3. С. 32.

6 См. об этом подробнее: Голованов В. США. Радио и ТВ: Стратегия конкурентной борьбы //Телевидение и радиовещание. 1973. № 2.

7 Там же. С. 46.

8 Здесь и далее мы опираемся на методику И. Д. Фомичевой. См.: СМПП и общественное мнение: основы отношений //Эффективность прессы: вопросы методологии, теории и практики. Свердловск. Изд-во УрГУ. 1989. С. 17—29.

9 Комсомолец. 1986. 12 авг.

10 Молодая гвардия. 1987. 16 января.

11 См. об этом подробнее: Олешко Владимир. Почему остыл „Горячий телефон”? //Журналист. 1990. № 3. С. 65—67.

12 См.: На смену! 1987. 23 сент..

13 См.: На смену! 1987. 4 июня; 17 окт.; 22 окт. и др.

14 См.: Комс. правда. 1987. 18 апр.

15 Там же. 1987. 25 нояб.

16 Демократический журналист. 1988. № 10. С. 10.

17 Комс. правда. 1989. 24 мая.

18 См., например: Комс. правда. 1990. 16 янв.

19 См., к примеру: Лапехин В. Один на всех? //Комс. правда. 1989. 15 июня.

20 Молодая гвардия. 1988. 15 марта.

21 На смену! 1987. 22 окт..

22 См. об этом подробнее: Никитин А. Лидер //Лит. газета. 1988. 21 дек..

23 Вишневский Борис. Телефон на улице „Правды” //Комс. правда. 1989. 3 сент.

24 См.: Комс. правда. 1989. 26 авг.

25 Куприянов А. Позвони однажды //Комс. правда. 1989. 26 авг.

26 См.: Комс. правда. 1990. 20 мая; 31 мая и др.

27 См. об этом подробнее: Олешко В. Ф. От диалога — к диалогу //Молодежная печать: история, современность, взгляд в будущее. Киев, 1989. С. 58—61.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

ГЛАВА I. ЭФФЕКТ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА.

Молодежная газета и ее аудитория: пути взаимовлияния	6
§ 1 Состояние молодежной прессы к середине 80-х годов	6
§ 2 Психологическая перестройка аудитории и журналистов как условия изменений журналистики	14
§ 3. От субординации и конфронтации – к сотрудничеству: изменение характера управления молодежными периодическими изданиями	22

ГЛАВА II. РОМАНТИКА И ПРОЗА ПЕРЕСТРОЙКИ.

Динамика политических изменений в обществе и творческие процессы в молодежной журналистике второй половины 80-х годов	32
§ 1. Изменение функций журналистики для молодежи как следствие переориентации общественно-политического сознания	32
§ 2. Способы реализации творческих возможностей журналистов молодежных газет в период социального обновления	42
§ 3. Опыт организационно-массовой работы молодежных газет во второй половине 80-х годов („Прямая линия“)	56
Послесловие	66
Примечания	68